

классика детектива

Джон
Диксон

КАРР

классика детектива

Джон Диксон

КАРР

ОНА УМЕРЛА КАК ЛЕДИ

ОНА УМЕРЛА КАК ЛЕДИ

классика детектива

класика детектива

John Dickson

CARR

SHE DIED A LADY

■

BEHIND THE CRIMSON BLIND

Novels

классика детектива

Джон Диксон

КАРР

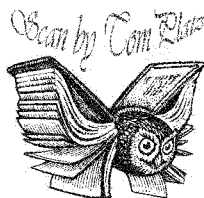
ОНА УМЕРЛА КАК ЛЕДИ

Романы

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Coe)
K21

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Карр Дж.Д.
K21 Она умерла как леди: детективные романы / Пер. с
англ. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 447 с.

ISBN 978-5-9524-3326-7 (Вып. 20)
ISBN 5-9524-1962-3

Мало кто в состоянии проследить случившееся до мельчайших подробностей и докопаться до истины. Поэтому, когда погибла красавица Рита Уэйн-райт, ее предсмертную записку-прощание окружающие восприняли хоть и со скорбью, но как должное («Она умерла как леди»). И уж тем более никто бы не заподозрил, что красные ставни могут послужить объяснением преступления («За красными ставнями»). Только легендарный сэр Генри Мерривейл, который не упускает в своих расследованиях ни одной детали, сумел за, казалось бы, безобидными фактами увидеть суть преступлений и характер преступников.

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Coe)

© Состав, перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2007
© Художественное
оформление серии,
ЗАО «Центрполиграф»,
2007

ISBN 978-5-9524-3326-7 (Вып. 20)
ISBN 5-9524-1962-3

**ОНА УМЕРЛА
КАК ЛЕДИ**

Глава 1

Рита Уэйнрайт была моложавой привлекательной женщиной тридцати восьми лет. Алек, ее муж, вероятно, был старше ее лет на двадцать. На этом опасном этапе своей духовной и эмоциональной жизни Рита встретила Барри Салливана.

Что касается меня, должен с сожалением признать, что я последним обратил внимание на происходящее.

Семейный врач занимает одновременно привилегированное и трудное положение. Он знает почти все и может читать любые проповеди, но только в том случае, если к нему обращаются за советом. При этом он не имеет права обсуждать проблему с кем-то еще. Врач-сплетник — кошмарное явление, которое даже наш век пока еще не навлек на нас.

Конечно, сейчас я уже не так активен. Мой сын Том — он доктор Том, а я доктор Люк — взял на себя большую часть практики. Я уже не могу вскакивать среди ночи и вести автомобиль добрую дюжину миль по скверным дорогам Северного Девона, в то время как для Тома это радость и гордость. Он прирожденный сельский врач общей практики и любит свою работу так, как любил ее я. Осмотрев пациента, он сообщает ему диагноз в сложных медицинских терминах, что впечатляет больного, сразу внушая ему доверие.

— Боюсь, — серьезным тоном говорит Том, — что мы столкнулись с... — Далее следует поток латинских слов.

Впрочем, немногочисленные пациенты сохраняют верность мне. Дело в том, что немало людей предпочитают

спокойного пожилого врача молодому энтузиасту. Когда я сам был молод, никто не доверял доктору без бороды. Подобное отношение еще бытует в маленьких общинах вроде нашей.

Линком, на побережье Северного Девона, представляет собой деревню, с некоторых пор пользующуюся дурной славой. Мне до сих пор нелегко об этом писать, но без этого не обойтись. Линмут, который, вероятно, вам известен, — приморский курорт. Оттуда можно подняться пешком или в фуникулере на расположенный на утесах Линтон. Далее вверх по склону находится Линбридж, а за ним, где дорога выпрямляется перед пустошами Эксмур, Линком.

Алек и Рита Уэйнрайт жили в большом бунгало в четырех милях от деревни, практически изолированно, но у Риты был автомобиль, так что она против этого не возражала. Место было красивым, хотя немного сырым и ветреным; задний сад «Мон Репо»¹ тянулся до самого края утесов, где находился романтический мыс, именуемый Прыжком Влюбленных. Семьюдесятью футами ниже билось и пенилось море, здесь были сильные и опасные течения.

Мне нравилась Рита Уэйнрайт и нравится до сих пор. За ее экстравагантными поступками таилось доброе сердце. Слуги обожали ее. Рита могла выглядеть легкомысленной и капризной, но ее живость и энергия ощущались сразу же, где бы она ни появлялась. Никто не мог отрицать, что Рита была необычайно привлекательной женщиной — глянцевые черные волосы, смуглая золотистая кожа...

Алек Уэйнрайт оставлял впечатление более загадочной личности, хотя я хорошо его знал, поскольку регулярно субботними вечерами приезжал к ним играть в карты.

В свои шестьдесят лет Алек сохранял острый ум, хотя и обнаруживающий признаки деградации, о чем можно говорить наряду с некоторыми его привычками и манерами. Он был состоятельным человеком, профессором математики и женился на Рите в Канаде восемь лет назад, когда преподавал в университете Мак-Гилла. Невысокий и коренастый, постоянно задумчивый, он казался более молодым людям

¹ Мон репо — мой отдых (фр.). (Здесь и далее примеч. пер.)

странным выбором для Риты. Но Алек обладал — по крайней мере, пока ситуация не стала отчаянной — чувством юмора и, когда хотел, мог быть увлекательным собеседником. К тому же он обожал Риту и буквально увешивал ее бриллиантами.

Беда заключалась в том, что Алек еще до привлечших наше внимание событий слишком много пил. Я не имею в виду, что он буйствовал во хмелю или вообще становился неприятным. Напротив, это было почти незаметно. Каждый вечер он потихоньку брал полбутылки виски и отправлялся спать. Алек все больше забирался в свою скорлупу, отгораживаясь от жизни. Потом разразилась война.

Помните это теплое воскресное утро в сентябре, когда по радио объявили: «Мы вступили в войну»? Я был один дома, и голос диктора, казалось, заполнил все его уголки. Моей первой мыслью было: «Опять!» — а потом: «Неужели Тому придется идти в армию?»

Какое-то время я сидел в халате, уставясь на свои шлепанцы. Лора, мать Тома, умерла, когда я был на прошлой войне. На ее похоронах играли «Если бы ты была единственной девушкой в мире»¹, и у меня к глазам подступают слезы, когда я слышу эту мелодию.

Поднявшись, я оделся и направился в сторону Хай-стрит. В нашем переднем саду повсюду цвели астры и начали расцветать хризантемы. Харри Пирс только что открыл свой бар «Карета и лошади» с другой стороны дороги, и в тишине было слышно, как хлопает дверь. Вскоре также послышался звук медленно приближающегося автомобиля.

За рулем сверкающего на солнце «ягуара» в облегающем фигуру костюме с цветочным узором сидела Рита Уэйнрайт. Потянувшись, как кошка, она нажала на тормоз. Рядом с ней сидел Алек, выглядевший бесформенным и убогим в старом костюме и панаме. Его лицо сохраняло обычное мягкое выражение, но он казался внезапно постаревшим.

— Итак, — заговорил Алек, — это произошло.

Я кивнул.

— Вы слышали речь?

¹ «Если бы ты была единственной девушкой в мире» — популярная песня, написанная в 1916 г. англо-американским композитором Натаниэлом Дейвисом Эйером (1887?–1952) на слова Клиффорда Грея.

— Нет, — ответила Рита, с трудом сдерживая возбуждение. — Миссис Паркер выбежала на дорогу и сообщила нам. — В карих глазах со светящимися белками застыла растерянность. — Это кажется невероятным, не так ли?

— Меня тошнит от людской глупости, — мрачно произнес Алек.

— Но ведь это не наша глупость, дорогой.

— Откуда ты знаешь? — осведомился он.

В нескольких ярдах от нас скрипнула калитка, и на улицу вышла Молли Грейндж с молодым человеком, которого я никогда не видел раньше.

Молли — одна из моих любимиц. Тогда она была разумной, прямодушной и хорошенькой девушкой лет двадцати пяти, унаследовавшей светлые волосы и голубые глаза матери и практичность отца. Но мы трое — особенно Рита — прежде всего посмотрели на незнакомца.

Должен признать, выглядел он весьма привлекательно. Его внешность показалась мне смутно знакомой, хотя в тот момент я не мог понять почему. Молодой человек походил на кинозвезду, но не чрезмерно. Он был высоким, хорошо сложенным, с густыми, разделенными на косой пробор волосами, черными и глянцевыми, как у Риты, правильными чертами лица и слегка насмешливым взглядом. На вид он был одного возраста с Молли. Свободный светло-кремовый костюм и яркий галстук контрастировали с простотой нашей одежды.

Должно быть, именно тогда искра коснулась бочки с порохом.

— Эй, Молли! — окликнула Рита. — Слышали новости?

Молли колебалась, и было понятно почему. Недавно у Риты произошла бешеная ссора с отцом Молли, солиситором¹ четы Уэйнрайт. Но обе игнорировали этот факт.

— Да, — отозвалась Молли, наморщив лоб. — Ужасно, правда? Позвольте представить: миссис Уэйнрайт, профессор Уэйнрайт — мистер Салливан.

— Барри Салливан, — уточнил незнакомец. — Рад познакомиться.

¹ С о л и с и т о р — поверенный, адвокат, имеющий право выступать только в судах низшей инстанции.

— Мистер Салливан — американец, — добавила Молли без особой на то надобности.

— В самом деле? — воскликнула Рита. — Я сама из Канады.

— Вот как? Из какой части Канады?

— Из Монреаля.

— Я хорошо его знаю! — заявил мистер Салливан, опершись на дверцу автомобиля. Но его рука соскользнула, и он шагнул назад. Оба — Салливан и Рита — казались слегка смущенными. Зрелая красота Риты (тридцать восемь лет — самый лучший возраст) внезапно расцвела пышным цветом. Этот двадцатипятилетний парень начал меня беспокоить.

Возможно, мы все замечали бы гораздо больше, если бы не были так поглощены другими делами. Что касается меня, то я полностью забыл о молодом Салливане. Прошли месяцы, прежде чем я увидел его снова, хотя он часто общался с Уэйнрайтами в течение двух недель, проведенных в Линкоме. Как выяснилось, Салливан был довольно многообещающим актером. Он жил в Лондоне и приехал в Линком на каникулы. Салливан ходил с Ритой купаться — оба великолепно плавали, играл с ней в теннис, прогуливался в Долине Камней, где они фотографировали друг друга. Алеку Салливан нравился — по крайней мере, в присутствии молодого человека он частично выходил из ступора. Полагаю, в деревне циркулировали сплетни — особенно когда Салливан приезжал к Уэйнрайтам пару раз зимой, — но я никогда их не слышал.

Несмотря на ситуацию, зиму 1939/40 года мы проводили довольно весело. Правда, когда скверная погода препятствовала моим визитам к Уэйнрайтам, я терял контакт с ними. Том колесил по дорогам в своем «форде», работая за пятерых, а я сидел у камина, иногда принимая редких пациентов, и серьезно обдумывал окончательный уход на покой. Когда вам шестьдесят пять лет и у вас пошаливает сердце, невозможно изображать попрыгунчика. Но до меня доходили разговоры, что Алек Уэйнрайт тяжело воспринимает войну.

— Он стал фанатиком новостей, — говорил мне кто-то. — Слушает одни и те же сообщения в час дня, потом в шесть и девять вечера да еще старается не пропустить их в полночь. Сидит у радио, как паралитик, а его счет за выпивку в лавке

Спенса и Минстеда все растет. Что с ним творится? Из-за чего он так беспокоится?

10 мая 1940 года мы узнали причину.

Дни стояли тревожные. Нацистские танки ползли по полям Европы, как навозные жуки. Казалось, с континентального берега доносится запах дыма. Мы слышали о падении Парижа и о том, как рушится вокруг нас привычный мир. Казалось, все, о чем нам сообщали в детстве школьные учебники, было ложью. Мне незачем описывать эти времена. И вот 22 мая, когда возникла реальная угроза французским портам на Ла-Манше, мне позвонила Рита Уэйнрайт.

— Доктор Люк, — послышалось в трубке приятное контральто, — мне срочно нужно вас повидать.

— Конечно. Сыграем в карты как-нибудь вечером.

— Я имею в виду... профессиональный визит.

— Но ведь вы пациентка Тома, дорогая.

— Это не важно. Я хочу проконсультироваться с вами.

Я знал, что Тому не слишком нравится Рита. Она пыталась все драматизировать, а для медика, старающегося установить причину недомогания, это сущее проклятие. Том не раз жаловался, что «чертова баба» выводит его из себя.

— Могу я сразу же приехать к вам?

— Хорошо, если вы настаиваете. Проходите в приемную через боковую дверь.

Я понятия не имел, что не так. Когда Рита вошла, захлопнув дверь с такой силой, что стеклянная панель задребезжала, стало очевидно, что она на грани истерики, которую пытается маскировать вызывающим видом. При этом Рита еще никогда не выглядела красивее. Блеск глаз и естественный румянец делали ее на десять лет моложе. Белый костюм резко контрастировал с алыми ногтями. Опустившись в старое кресло, она неожиданно заявила:

— Я поссорилась с моим солиситором. Естественно, ни один священник никогда этого не сделает. И я не знаю ни одного мирового судью. Вы должны...

Рита оборвала фразу. Ее глаза бегали, словно она старалась подыскать нужные термины.

— Что я должен, дорогая моя?

— Вы должны дать мне какое-нибудь снотворное.

Она явно передумала — первоначально намечалось что-то иное.

— Доктор Люк, я сойду с ума, если вы не избавите меня от бессонницы!

— Да, но почему бы вам не обратиться к Тому?

— Том зануда. И он начнет читать мне лекции.

— А я не начну?

Рита улыбнулась. Лет тридцать назад от такой улыбки у меня бы закружилась голова. Сразу стерлись морщинки в уголках ее карих глаз, демонстрируя доброжелательную натуру, хотя и запутавшуюся в собственных эмоциях. Но улыбка тут же увяла.

— Доктор Люк, — продолжала Рита, — я смертельно влюблена в Барри Салливана. Я... я спала с ним.

— Об этом можно догадаться по вашему виду, дорогая.

— И вы догадались? — Она казалась ошеломленной.

— В какой-то степени. Но это не важно. Продолжайте.

— Полагаю, это вас шокирует.

— Не то что шокирует, Рита, но чертовски беспокоит. Сколько времени это продолжается? Я имею в виду то, что юристы называют интимными отношениями.

— Последний раз это произошло прошлой ночью. Барри гостит у нас. Он пришел в мою комнату...

То, что меня это беспокоило, слишком мягко сказано. Я почувствовал резкую боль в сердце, которая служила опасным признаком, поэтому закрыл глаза и подождал около минуты.

— А как насчет Алека?

— Он ничего не знает, — быстро сказала Рита. Ее глаза опять забегали. — В эти дни Алек, похоже, вообще почти ничего не замечает. И как бы то ни было, я сомневаюсь, чтобы он особенно возражал, даже если бы что-то заметил.

Снова те же опасные признаки...

— Люди замечают гораздо больше, чем вы думаете, Рита. А если говорить о справедливом отношении к Алеку...

— Думаете, я этого не знаю? — воскликнула она. Очевидно, мое замечание здорово ее задело. — Я люблю Алека. Это не ложь и не притворство — я действительно его люблю и ни за что на свете не причинила бы ему боль. Но вы не понимаете. Это не просто слепое увлечение или... зов плоти.

«Поскольку, дорогая моя, — подумал я, — вы, вероятно, сами верите, что говорите правду, пусть так и будет».

— Все это более чем серьезно. Я влюблена всем своим существом. Знаю: вы скажете, что Барри моложе меня. Но его это не заботит.

— А что заботит мистера Салливана?

— Пожалуйста, не говорите о нем так!

— Как?

— «Мистер Салливан», — передразнила Рита. — Как судья. Он хочет все рассказать Алеку.

— С какой целью? Чтобы муж дал вам развод?

Рита раздраженно покачала головой и окинула маленькую приемную таким взглядом, словно это была тюремная камера. Думаю, она искренне чувствовала себя как в тюрьме. Здесь не было никакой игры или притворства. Разумная и вполне уравновешенная женщина начала говорить и даже мыслить как восемнадцатилетняя девушка.

— Алек — католик, — сказала Рита, нервно теребя белую сумочку. — Разве вы этого не знали?

— Вообще-то нет.

Бегущие глаза остановились на мне.

— Он бы не развелся со мной, даже если бы я этого хотела. Но дело не в том. Я не могу нанести Алеку такой удар. Меня бросает в дрожь при мысли о том, как он будет выглядеть, если я все ему расскажу. Алек всегда был добр ко мне. А сейчас он стар, и у него никого нет, кроме меня.

— Да, это верно.

— Поэтому я не могу просто сбежать и бросить его, получу я развод или нет. Но я не могу и отказаться от Барри, доктор Люк! Наша тайная связь тяготит его не меньше, чем меня. Он не желает больше ждать, и, если я буду откладывать решение, кто знает, что может произойти. Все так запуталось... — Она посмотрела в угол потолка. — Вот если бы Алек умер...

Непрощеная мысль заставила меня похолодеть.

— Что вы намерены делать? — осведомился я.

— В том-то и беда, что не знаю!

— Сколько времени вы женаты, Рита?

— Восемь лет.

— А нечто подобное случилось с вами прежде?

— Нет, доктор Люк, клянусь вам! Вот почему я уверена, что это действительно... ну, великая страсть. Я читала и даже писала о ней, но никогда не знала, какова она на самом деле.

— Предположим, вы убежите с этим парнем...

— Говорю вам, я не хочу этого делать!

— Не важно — только предположим. Как вы будете жить? У него есть какие-то деньги?

— Боюсь, что немного. Но... — Рита снова заколебалась, собираясь мне что-то сообщить, но, к сожалению, снова передумала. Ее зубы блеснули между полными губами. — Я не говорю, что это неосуществимо. Но к чему думать об этом в такое время? Я беспокоюсь об Алеке. Вечно Алек, Алек, Алек!..

Рита начинала нести литературщину. Хуже всего было то, что она произносила высокопарные речи абсолютно искренне.

— Его лицо, словно призрак, постоянно присутствует между мною и Барри. Я хочу, чтобы он был счастлив, но в такой ситуации не может быть счастлив никто из нас.

— Скажите, Рита, вы когда-нибудь были влюблены в Алека?

— Да, по-своему. Когда я с ним познакомилась, он был очарователен. Алек всегда называл меня Долорес — имея в виду Долорес Суинберна¹.

— А теперь?

— Ну, он, конечно, не бьет меня. Но...

— Когда в последний раз у вас была физическая близость с Алеком?

Ее лицо стало трагическим.

— Говорю вам, доктор Люк, все совсем не так! Наша связь с Барри — что-то вроде духовного перерождения. Не трите лоб и не смотрите на меня поверх очков!

— Я только...

— Это нечто, чего я не в состоянии описать. Я могу стимулировать актерское мастерство Барри, а он — мой поэтический дар. Когда-нибудь Барри станет великим актером. Он

¹ «Долорес» — поэма английского поэта Алджернона Чарлза Суинберна (1837—1909).

смеется, когда я это говорю, но это правда, и я могу ему помочь. К сожалению, это не решает мою проблему. Я буквально схожу с ума! Мне нужен ваш совет, хотя я заранее знаю, каков он будет. Но больше всего я нуждаюсь в том, что поможет мне крепко поспать хотя бы одну ночь. Пожалуйста, дайте мне какое-нибудь средство!

Через пятнадцать минут Рита ушла. Я смотрел ей вслед, когда она шагала по боковой дорожке между живыми изгородями из лавра. Подходя к воротам, Рита заглянула в сумочку, словно убеждаясь, что в ней что-то находится. Рассказывая свою историю, она была на грани истерики. Но сейчас истерии как не бывало. В том, как Рита пригладила волосы и расправила плечи, ощущались мечтательность и вызов. Она спешила в «Мон Репо» и к Барри Салливану.

Глава 2

Вечером в субботу 30 июня я отправился в дом Уэйнрайтов играть в карты.

Погода была предгрозовой, и события во многих отношениях приближались к кульминации. Франция капитулировала, фюрер был в Париже, дезорганизованная, безоружная и истощенная британская армия отступала зализывать раны на побережье, где ей вскоре, вероятно, придется сражаться. Но мы все еще сохраняли бодрость — и я в том числе. «Нам надо держаться вместе, — говорили мы. — Так будет лучше». Один Бог знает почему.

Даже в маленьком мирке Линкома нависающая трагедия ощущалась так же четко, как стук в дверь. Я узнал больше об отношениях Уэйнрайтов и Салливана, когда на следующий день после визита Риты поговорил с Томом.

— Может вызвать скандал? — эхом отозвался Том, застегивая саквояж перед утренним обходом. — Да скандал уже полыхает всюю!

— Ты имеешь в виду, что об этом говорят в деревне?

— Во всем Северном Девоне. Если бы не война, ты бы ни о чем другом не услышал.

— Тогда почему мне об этом не рассказали?

— Мой дорогой папаша, — отозвался Том со своей раздражающей добродушной ухмылкой, — ты не в состоянии разглядеть то, что творится у тебя под носом. И никто не передает тебе сплетни, так как они тебя не интересуют. Дай-ка я усажу тебя в кресло.

— Черт возьми, я еще не старая развалина!

— Нет, но тебе надо быть осторожнее с сердцем, — возразил мой серьезный сын. — Меня удивляет, — продолжал он, щелкнув замком саквояжа, — как люди могут так себя вести и думать, что их не замечают. Эта женщина совсем потеряла голову.

— Ну и что о них говорят?

— Что миссис Уэйнрайт — дурная женщина, соблазнившая невинного молодого человека. — Том покачал головой и выпрямился, готовясь к лекции. — С точки зрения медицины и биологии это абсолютно неубедительно. Понимаешь...

— Я достаточно знаком с медицинскими и биологическими фактами, о чем свидетельствует твое присутствие в этом мире. Значит, все сочувствуют Салливану?

— Да, если это можно назвать сочувствием.

— Ты хоть знаешь, что собой представляет этот Барри Салливан?

— Я его не встречал, но говорят, он достойный парень. Типичный янки, швыряет деньги направо и налево и так далее. Тем не менее меня бы не удивило, если бы он и миссис Уэйнрайт сговорились и прикончили старика.

Том произнес это зловещее предсказание с глубокомысленным и напыщенным видом. Он сам этому не верил, но его слова настолько соответствовали моим неприятным мыслям, что я прореагировал так, как реагируют все отцы.

— Чепуха!

— Ты так думаешь? — отозвался Том. — Вспомни Томпсон и Байуотерса¹. Вспомни Рэттенбери и Стоунера². Вспом-

¹ Эдит Томпсон и Фредерик Байуотерс были казнены 9 января 1913 г. за убийство мужа Эдит.

² Джордж Стоунер был приговорен к смерти в 1935 г. за убийство мужа своей любовницы Альмы Рэттенбери, которая, узнав об этом, покончила с собой. Впоследствии приговор заменили пожизненным заключением, а в итоге Стоунер вышел на свободу через семь лет.

ни... ну, их наверняка более чем достаточно. Замужняя женщина средних лет влюбляется в молодого парня.

— Кто ты такой, чтобы рассуждать о молодых парнях? Тебе всего тридцать пять.

— И что они делают? — продолжал Том. — Стараются добиться развода? Как бы не так! Они теряют голову и убивают мужа. Так происходит в девяти случаях из десяти, но не спрашивай меня почему.

«Поговори с одним из них, мой мальчик, — подумал я, — и ты увидишь, как у него напряжены нервы, путаются мысли и теряется самоконтроль. Тогда ты, возможно, поймешь».

— Но я больше не могу стоять здесь и болтать, — заявил Том, подбирая саквояж. Он был высоким, широкоплечим и рыжеватым, как я в его возрасте. — У меня интересный случай неподалеку от Эксмур.

— Должно быть, нечто особенное, если ты называешь это интересным.

Том усмехнулся:

— Я говорю не о болезни, а о человеке — старике по имени сэр Генри Мерривейл. Он остановился у Пола Феррарса в Ридд-Фарм.

— Ну и что с ним стряслось?

— Сломал большой палец ноги. Стоит поехать туда, чтобы услышать его лексикон. Я собираюсь продержаться старика в инвалидной коляске шесть недель. Но если тебя интересуют последние эскапады миссис Уэйнрайт...

— Интересуют.

— Ладно, попробую осторожно расспросить Пола Феррарса. Он должен хорошо ее знать, так как писал около года тому назад ее портрет.

Но я счел это неэтичным и прочитал Тому лекцию на соответствующую тему. В результате мне пришлось ждать больше месяца, в течение которого люди были не в состоянии разговаривать почти ни о чем, кроме Адольфа Гитлера. Я узнал, что Барри Салливан вернулся в Лондон. Однажды я поехал на автомобиле повидать Риту и Алека, но мне сказали, что они в Майнхеде. И наконец пасмурным субботним утром я встретил Алека.

Каждый был бы потрясен при виде происшедшей с ним перемены. Я столкнулся с ним на дороге среди скал между Линкомом и «Мон Репо». Он брел медленно и без всякой цели, заложив руки за спину и покачивая из стороны в сторону головой. Шляпы на нем не было — ветер ерошил его редкие седеющие волосы и развеивал полы пальто из шерсти альпаки.

Несмотря на низкий рост, Алек Уэйнрайт был широкоплечим. Теперь же он словно съезжился. Его квадратное и грубоватое, но добродушное лицо и серые глаза под густыми бровями казались утратившими всякое выражение, а веки слегка подергивались.

Алек был пьян и шагал как во сне. Мне пришлось окликнуть его.

— Доктор Кроксли! — отозвался он, прочистив горло. Его взгляд слегка прояснился. Для Алека я не был ни доктором Люком, ни, тем более, просто Люком — он предпочитал формальное обращение. — Рад вас видеть. Я собирался навестить вас, но...

Алек сделал неопределенный жест, как будто не мог вспомнить причину.

— Подойдите сюда. Сядьте на эту скамейку.

Дул сильный ветер, и я посоветовал Алеку прикрыть голову. Достав из кармана старую суконную шапку, он нахлобучил ее и сел рядом со мной, удрученно покачивая головой.

— Они не понимают, — бормотал Алек. — Они не понимают!

Я оглядывался по сторонам, пока не понял, что он имеет в виду.

— Гитлер приближается. Он будет здесь со дня на день. У него войска, у него самолеты, у него все. Но когда я говорю это в пабе, мне отвечают: «Ради бога, заткнитесь! Неужели нам и без вас недостаточно бед?»

Алек откинулся назад, сложив на животе короткие руки.

— Знаете, в каком-то смысле они правы. Но они не понимают. Смотрите! — На сей раз он вынул из кармана мятую газету. — Видели эту статью?

— Какую статью?

— Не важно. Лайнер «Вашингтон» направляется в Голуэй забрать американцев, которые хотят вернуться в Штаты.

Американское посольство предупреждает, что это их последний шанс. Что это означает, если не вторжение? Неужели им это не ясно?

Алек умолк, но мне почудилась в его словах внезапная надежда.

— Кстати, об американцах... — начал я.

— Да, я вспомнил, что хотел вам рассказать. — Алек потер лоб. — Это о молодом Барри Салливане. Симпатичный парень. Не знаю, встречали ли вы его.

— Он тоже возвращается на «Вашингтоне»?

Алек быстро заморгал, суетливо жестикулируя:

— Нет-нет! Я этого не говорил. Барри не возвращается в Америку. Напротив, он снова гостит у нас — приехал вчера вечером.

Думаю, в этот момент я ощутил уверенность, что мы приближаемся к катастрофе.

— Я хотел спросить, — продолжал Алек, тщетно пытаясь изобразить радушие. — Как насчет того, чтобы прийти к нам вечером сыграть в картишки? Как в старые дни, а?

— С величайшим удовольствием. Но...

— Я собирался пригласить Молли Грейндж — знаете, дочку адвоката. Молодому Барри она, кажется, приглянулась, и я несколько раз звал ее, когда он гостил у нас. — Алек неуверенно улыбнулся. — Я даже подумывал пригласить Пола Феррарса, художника из Ридд-Фарм, и его гостя, а может быть, Агнес Дойл. Тогда нас бы набралось на два стола.

— Как хотите.

— Но Молли вроде бы на этот уик-энд не приедет домой из Барнстейпла. К тому же Рита считает, что вчетвером нам будет уютнее. У горничной свободный вечер, и с толпой гостей было бы нелегко управиться.

— Конечно.

Алек посмотрел на море, слегка сдвинув брови. Его настойчивое стремление всех удовлетворить, несмотря на собственные тревоги, выглядело довольно жалким.

— Мы должны чаще устраивать приемы. Надо приглашать молодежь. Я понимаю, что Рите скучно. И она говорит, что я опускаюсь...

— Это верно. Если вы не перестанете пить...

— Дорогой мой! — воскликнул Алек обиженным и удивленным тоном. — Вы хотите сказать, что я пьян?

— Нет. Не сейчас. Но вы выпиваете пинту виски каждый вечер перед сном, и если не прекратите это делать...

Алек снова устался на море и откашлялся. Его голос будто бы изменился — теперь он произносил слова более отчетливо.

— Это было нелегко.

— Что именно?

— Все.

Казалось, он борется с собой.

— В том числе финансы. У меня было много французских ценных бумаг. Ладно, не имеет значения. Мы не можем перевести стрелки часов назад... — Внезапно он выпрямился. — Совсем забыл! Я оставил мои часы дома. Вы, случайно, не знаете, сколько сейчас времени?

— Должно быть, немного позже двенадцати.

— Двенадцати! Господи, я должен возвращаться! В час дня новости, и я не могу их пропустить.

Его беспокойство было настолько заразительным, что мои пальцы дрожали, когда я вынимал часы из кармана.

— Но сейчас только пять минут первого! У вас полно времени!

Алек покачал головой.

— Я не могу пропустить новости, — повторил он. — У меня с собой машина — я оставил ее на дороге и пошел прогуляться. Но у меня болят суставы, и мне придется идти к автомобилю черепашьим шагом. Не забудьте насчет вечера, хорошо? — Поднявшись со скамейки, Алек стиснул мою руку и посмотрел на меня некогда острыми серыми глазами. — Боюсь, я не слишком занимательный компаньон, но приложу все усилия. Может быть, поиграем в головоломки — Рита и Барри их обожают. В восемь вечера — не забудьте.

Я попытался задержать его:

— Одну минуту! Рита знает о ваших финансовых неприятностях?

— Нет-нет! — Алек был шокирован. — Я бы не стал беспокоить женщину подобными вещами. Не упоминайте при ней об этом. Я не говорил никому, кроме вас. Фактически, док-

тор Кроксли, вы мой единственный друг. — И он медленно заковылял прочь.

Я зашагал назад к деревне, физически ощущая на своих плечах бремя тревог. Мне хотелось, чтобы, разрядив атмосферу, наконец пошел дождь. Небо было свинцовым, море — темно-синим, а скалы с зелеными пятнами травы напоминали соединенные вместе куски пластилина.

На Хай-стрит я заметил Молли Грейндж. Алек сказал, что девушка в этот уик-энд не должна вернуться из Барнстейпла — там у нее было машинописное бюро, которым она управляла, — но, вероятно, профессор ошибся. Молли улынулась мне, сворачивая в ворота отцовского дома.

День был не из приятных. Том забежал домой выпить чаю в начале седьмого. Он произвел для полиции вскрытие жертвы самоубийства в Линтоне и описывал мне подробности, поглощая хлеб с маслом и вареньем и едва слыша, что я ему говорю. Было уже начало девятого, и небо совсем потемнело, когда я отправился в четырехмильную поездку автомобилем до «Мон Репо».

Затемнение не устраивали до девяти, однако в доме не было света, что само по себе вызывало беспокойство.

Ранее «Мон Репо» был большим красивым бунгало с наклонной черепичной крышей и освинцованными окнами в красных кирпичных стенах. Большинство деревьев плохо росло в морском воздухе, да и трава на лужайках была скудной. Дом от дороги отделяла высокая тисовая ограда. Две песчаные аллеи вели к парадной двери и к гаражу слева. Рядом с гаражом находился теннисный корт. На лужайке справа стояла увитая плющом беседка.

Однако теперь место приходило в упадок. Живая изгородь нуждалась в стрижке. Кто-то оставил под дождем ярко окрашенные пляжные кресла. Один из ставней висел на единственной петле — работник (если он тут имелся) не удосужился починить вторую.

С наступлением темноты изоляция дома ощущалась особенно. Казалось, здесь может произойти все, что угодно, и никто этого не заметит.

Свет совсем померк, и мне пришлось включить фары. Шины захрустели по песку. Нигде не ощущалось никаких

признаков жизни. Даже бриз с моря едва проникал сюда. Позади бунгало, за полосой сырой красноватой почвы, можно было разглядеть ряд утесов, круто обрывавшихся к морю.

Фары осветили раскрытые двери гаража впереди. Гараж был двойным — внутри стоял «ягуар» Риты. Когда я замедлил скорость, из-за дома появилась фигура и направилась ко мне.

— Это вы, доктор? — окликнул Алек.

— Да. Я поставлю машину в гараж на случай, если пойдет дождь. Присоединюсь к вам через полминуты.

Но Алек не стал ждать. Он шагнул в лучи фар, и мне пришлось остановиться. Положив руку на дверцу машины, он уставился на аллею:

— Кто-то перерезал телефонные провода!

Глава 3

Мотор автомобиля заглох, и я завел его снова. Алек казался не столько сердитым, сколько озадаченным и встревоженным. Хотя от него пахло виски, он был вполне трезв.

— Перерезал телефонные провода?

— Наверняка чертов Джонсон, — без особой враждебности заявил Алек. — Это наш садовник. Он не выполнял свои обязанности — по крайней мере, так говорила Рита, — поэтому мне пришлось его уволить. Вернее, это сделала Рита — я ненавижу конфликты.

— Но...

— Джонсон сделал это, чтобы досадить мне. Он знает, что я каждый вечер звоню Эндерсону в редакцию «Газетт» узнать, есть ли у них какие-нибудь новости, которые еще не сообщала Би-би-си. Телефон не работал, а когда я приподнял аппарат выше, провода вылетели из коробки. Их перерезали и засунули туда.

Мгновение я думал, что Алек вот-вот заплачет.

— Грязная и чертовски неспортивная выходка, — добавил он. — Почему меня не могут оставить в покое?

— А где Рита и мистер Салливан?

Алек быстро заморгал.

— Понятия не имею. Должно быть, где-то поблизости. — Он вытянул шею и огляделся. — В доме их нет. По крайней мере, так мне кажется.

— Может быть, мне поискать их, если мы собираемся играть в карты?

— Да, пожалуйста. А я приготовлю нам что-нибудь выпить. Но, если не возражаете, мы пока не будем играть в карты. В половине девятого по радио интересная передача.

— Какая?

— Точно не помню. Кажется, «Ромео и Джульетта». Рита очень хочет послушать. Прошу прощения.

Сумерки сгущались на глазах. Алек двинулся по лужайке и тут же обо что-то споткнулся. Очевидно, сразу осознав, что я могу приписать это нетрезвому состоянию, он обернулся, пытаясь выглядеть достойно, и зашагал дальше.

Я отвел машину в гараж. Когда вышел оттуда, ноги будто сами понесли меня вперед. Я хотел не столько отыскать Риту и молодого Салливана, сколько получить шанс подумать.

Сначала я направился к задней стороне дома. Здесь ветер дул сильнее, пригибая пожухлую траву к краю утеса; полоса сырой красной почвы казалась пустынной. Толком ничего не видя, поглощенный мыслями о перерезанных телефонных проводах, я обогнул бунгало и проследовал к беседке.

Должно быть, они слышали меня. Из беседки донесся приглушенный возглас. Я быстро подошел и заглянул внутрь.

Рита Уэйнрайт полусидела-полулежала на циновке, покрывающей грубый деревянный пол. Ее голова была откинута назад, а руки обнимали плечи Салливана, прежде чем он отскочил. Оба повернулись ко мне. Уже отходя, я успел увидеть открытые рты, виноватые взгляды, спазматическую реакцию, вызванную внезапным испугом.

Возможно, вы думаете, что старого дурня вроде меня смутить нельзя. Тем не менее я был смущен, вероятно еще сильнее, чем эти двое. Причем меня смутил не столько сам факт — в конце концов, я видел только то, как целовали хорошенькую женщину, — сколько обстановка: грязный пол беседки, ощущение сил, вышедших из-под контроля.

«Внимание! Опасность!» — твердил мне внутренний голос.
— Доктор Люк! — окликнула меня Рита.

Если бы не это, я бы не остановился, притворившись, что не заметил их. Они могли мне подыграть, но им не позволила совесть.

Я повернулся. У меня кружилась голова, а голос звучал хрипло от потрясения и пережитого гнева.

— Кто-нибудь есть в беседке? — отозвался я с таким лицемерным удивлением, что был готов пнуть себя ногой.

Рита вышла наружу. Теперешний цвет ее смуглой кожи, особенно под глазами, демонстрировал скорость, с которой колотилось ее сердце. Она тяжело дышала, потихоньку отряхивая юбку. Ее светлый твидовый костюм и белая блузка были измяты. Позади в дверном проеме маячил Салливан.

— Мы... мы были в беседке, — сказала Рита.

— Разговаривали, — уточнил ее компаньон.

— Мы уже собирались вернуться...

— Но нам нужно было поговорить. Знаете, как это бывает...

Барри Салливан закашлялся. Сейчас он выглядел неоперившимся юнцом. Конечно, Салливан был красивым парнем, несмотря на безвольный подбородок. Но вся его самоуверенность, которую я видел год назад, испарилась — он был испуган не меньше Риты и готов ко всему.

Ветер шевелил плющ на стенах беседки. Эмоциональная температура между Ритой и Салливаном подскочила до такой степени, что страсть обволакивала их, как туман, от которого они не могли избавиться. С неба упала капля дождя, за ней еще одна.

— Не помню, знакомы ли вы с Барри, — продолжала Рита дрожащим голосом. — Хотя вы, кажется, присутствовали при нашей первой встрече? Барри, это доктор Люк Кроксли.

— Здравствуйте, сэр, — пробормотал Салливан, переминаясь с ноги на ногу.

— Я хорошо помню мистера Салливана. — Мне не удалось удержаться от язвительных ноток. — Кажется, он один из наших самых многообещающих актеров Вест-Энда?¹

¹ Вест-Энд — западная фешенебельная часть Лондона.

Красивый лоб Салливана наморщился.

— Я? — воскликнул он, хлопнув себя по груди.

— Конечно! — отозвалась Рита. — Или скоро будешь им.

Парень смутился еще сильнее.

— Я не хочу плавать под чужим флагом, сэр, — сказал он.

— Не сомневаюсь, мистер Салливан.

— Он имеет в виду... — начала Рита.

— Что, дорогая моя?

— Я никогда не играл в Вест-Энде, — объяснил Салливан.

— У меня была только пара провинциальных ангажементов, да и то не слишком удачных. Последние два года я продавал автомобили, работая на фирму «Лоутер и сын». — Его глаза с темными впадинами под ними устремились на Риту. — Я не достоин...

— Опять! — прервала Рита. — Не говори так.

Они пребывали в таком состоянии, что запросто могли выложить все начистоту (по крайней мере, так мне казалось тогда), если бы Барри внезапно не заметил, что начинается дождь. Он посмотрел на небо, потом на свои безукоризненные серые фланелевые брюки и спортивную куртку с шелковым шарфом, завязанным узлом и засунутым за воротник рубашки, и его смущение приобрело форму преувеличенной активности.

— Я должен внести в беседку пляжные кресла, — заявил Салливан. — Они уже побывали под дождем. Прошу прощения.

— Дорогой, ты промокнешь! — воскликнула Рита с такой страстной наивностью, что это выглядело бы забавным, если бы дело не достигло той стадии, когда что-то должно было произойти.

Я направился с Ритой к парадной двери бунгало. Она судорожно сплетала пальцы рук. От нее исходил запах алкоголя.

— Я не могу этого выносить, — тихо сказала она. — Мне лучше умереть.

— Не болтайте вздор!

— А вы уверены, что это вздор, доктор Люк? Мне так не кажется.

— Это не важно. Просто скажите, что за игру вы затеяли.

— Значит, вы видели нас в беседке? Так я и думала. Ну, мне все равно.

— Я говорю не о беседке. Меня интересует, кто перерезал телефонные провода.

Рита резко остановилась, сдвинув тонкие брови. Выражение ее лица было настолько ошеломленным, что я не мог сомневаться в ее искренности.

— О чем вы? Я не перерезала никаких проводов. Я ничего о них не знаю. — В глазах Риты мелькнуло любопытство. — В нашем доме перерезали провода? Что, по-вашему, это значит?

Не дав мне шанса ответить, она открыла дверь и вошла.

Большая гостиная бунгало была освещена, как и столовая позади нее. Обитая белым и голубым атласом, на котором играл мягкий свет ламп под желтыми абажурами, гостиная не обнаруживала никаких признаков упадка или пренебрежения. Над камином висел портрет Риты, написанный Поллом Феррарсом. Медные подставки для дров сверкали, на полу лежали плотные ковры, а на столике сбоку стояли бутылка и сифон.

Алек Уэйнрайт сидел возле приемника, держа в руке стакан виски с содовой.

— Э-э... привет, дорогая моя, — пробормотал он и сделал глоток, который, казалось, согрел его. — Мы искали тебя.

— Барри и я были на теннисном корте, — сказала Рита.

— Хорошо провели время?

— Да. Ты уже установил затемнение? Не забывай, что у Марты свободный вечер.

— Твой маленький муженек все сделал, дорогая, — отозвался Алек, вертя в руке стакан. — Этим вечером мы отлично позабавимся.

Рита походила на королеву из трагедии. С большим трудом ей удавалось скрыть стиснутые зубы. Казалось, она разрывается между искренней нежностью к Алеку, который делал явные усилия выйти из ступора, и столь же искренним желанием запустить в него чем-нибудь. Первое чувство одержало верх. Рита заговорила спокойно и даже ласково:

— Что мне рассказывал доктор Люк о том, будто кто-то перерезал телефонные провода?

Лицо Алека омрачилось.

— Наверняка работа чертова Джонсона! — воскликнул он. — Пробрался сюда и перерезал их, чтобы насолить мне. Это не страшно, но если нам понадобится позвонить в пожарную команду или полицию...

— Я хочу выпить, — прервала Рита. — Кто-нибудь может мне налить?

— Все на столе, моя прелесть. Наливай себе сама. Сегодня мы не позволим доктору запугивать нас. Это особый вечер.

— Я хочу выпивку со льдом! — почти закричала Рита.

Она сразу же попыталась улыбнуться мне, указывая, что все в порядке, но ее руки заметно дрожали. Рита прошла в столовую. Каблучки ее сандалий стучали по деревянному полу. У двери в кухню она остановилась и повернулась.

— Лучше бы мне умереть! — крикнула Рита через две комнаты не слишком громко. Но достаточно четко. Хлопнув дверью, она исчезла в кухне.

Алек выглядел всего лишь слегка удивленным. Под лампой его широкое лицо с грубоватыми чертами казалось не таким скукоженным, как днем, хотя губы иногда вздрагивали. Он тщательно причесал редкие седеющие волосы.

— Очевидно, Рита слегка переутомила, — промолвил Алек. — Слишком много физических упражнений в такую жару. Я всегда говорил ей... А, входите, мальчик мой! Присаживайтесь и налейте себе что-нибудь.

Мы слышали, как дождь стучит по крыше бунгало. Барри Салливан вошел из холла, вытирая руки носовым платком. Его робость и смущение едва ли могли укрыться от Алека. Молодой человек страдал от угрызений совести куда сильнее, чем Рита.

— Спасибо, сэр, — сказал Барри и поднял со стола бутылку. — Я выпью стаканчик, если вы не возражаете. Обычно я не пью, но сегодня вечером...

— Сегодня вечером особый случай, а?

Стакан выскользнул из пальцев Барри, звякнул о стол и свалился на пол. Но он упал на ковер и потому не разбился. Высокий молодой человек тут же подобрал его, опустившись

на колени, как упавшая рама для сушки белья. Поднявшись, он старался не смотреть на Алека.

— Должно быть, я самый неуклюжий тип в мире! — заявил Салливан, жестикулируя так яростно, что на сей раз едва не разбил стакан о бутылку. — Не понимаю, как это произошло. Он просто выскользнул у меня из пальцев.

Алек усмехнулся. Его веко слегка подергивалось.

— Забудьте об этом, мой мальчик! Главное, что вы не разбили бутылку. Садитесь. В половине девятого мы включим радио...

— Радио?

— Рита хочет послушать пьесу. — Он посмотрел на меня. — Это «Ромео и Джульетта» — я проверил в «Радио таймс». А в девять будут новости. Знаете, я жалею, что не пригласил Пола Феррарса и его гостя.

Дверь в кухню со скрипом открылась. Рита, неся комбинацию джина с лимоном в стакане, где позвякивал лед, прошла через столовую, стуча каблуками.

— Что там с Полом Феррарсом? — резко осведомилась она, поднеся стакан к губам. Ее глаза инстинктивно метнулись к собственному портрету над камином.

О достоинствах Пола Феррарса как художника пусть судят критики. Могу лишь сказать, что мне портрет всегда нравился. Феррарс изобразил Риту по пояс, в вечернем платье с бриллиантовым ожерельем на шее и бриллиантовыми браслетами на запястьях. Последний штрих казался Рите дурным вкусом, но его предложил Алек, который был очень доволен результатом.

Все же в картине ощущался пародийный элемент. Хотя она подчеркивала красоту Риты, кое-что в ее полуулыбке могло бы не понравиться Алеку, если бы он понял смысл этого. Рита во плоти с отвращением посмотрела на портрет и быстро отвернулась.

— Так что там с Полом Феррарсом? — повторила она.

— У него гостит один джентльмен, дорогая. Кажется, это ваш пациент, доктор?

— Нет, это пациент Тома, — ответил я. — Том запретил ему ходить, и он приобрел инвалидную коляску с мотором — написал из Лондона последнюю модель.

— Его фамилия Мерривейл, — объяснил Алек. — Он детектив.

Барри Салливан налил себе виски, добавив очень мало содовой, и выпил его залпом.

— Это неправда! — вскричала Рита. — Миссис Паркер говорила мне, что он из военного министерства.

— Мерривейл не официальный детектив, но участвовал в расследовании ряда дел об убийствах. Это факт! — Алек быстро кивнул. — Я подумал, что мы могли бы попросить его рассказать о них. Вероятно, это интересно. Меня всегда интересовали преступления.

Рита и молодой Салливан обменялись взглядами над головой Алека. Глаза Барри, казалось, спрашивали: «Сегодня вечером?» — а глаза Риты отвечали: «Да». Признаюсь, в этот момент меня охватила паника. Барри налил себе еще одну порцию виски, добавил еще меньше содовой и осушил стакан еще быстрее; страх в его взгляде сочетался с решимостью. Наклонившись, Рита пригладила редкие волосы мужа.

Алек включил радио.

Глава 4

«Вы слушали радиопостановку «Ромео и Джульетта» по пьесе Шекспира, адаптированной для радио Кеннетом Мак-Вейном. Роли исполняли...»

Дождь прекратился, и в гостиной был слышен только голос диктора, перечисляющий имена. Эмоции были напряжены до такой степени, что я вздрогнул, когда в громкоговорителе послышался гулкий вибрирующий звук Биг-Бена, медленно бьющего девять.

«Слушайте новости Би-би-си. У микрофона Брюс Белфрейдж».

Алек, сидевший в полуступоре, опустил подбородок на грудь, сразу встрепенулся. Придвинув к приемнику кресло, чьи колесики громко заскрипели, он склонился вперед, напрягая слух.

«Во второй половине дня вражеский самолет-разведчик летал над...»

Неподалеку от меня Рита Уэйнрайт резко выпрямилась в кресле. Ее глаза были полны слез, которые внезапно потекли по щекам, и она даже не пыталась их унять.

Из-за опущенных штор затемнения в комнате было очень жарко. Салливан курил одну сигарету за другой. Дым вился вокруг желтых ламп, заполняя в глаза и в горло. Внезапно Рита задрожала всем телом и судорожно глотнула. Пустой стакан выскользнул у нее из пальцев и беззвучно упал на ковер — она подобрала его на ощупь, как слепая, потом неожиданно поднялась.

— Нет, Рита! — воскликнул Барри Салливан.

— Да, — сказала Рита. — Мы договорились.

Алек резко отвернулся от радио.

— Ш-ш! — прошипел он и тут же прижал ухо к громкоговорителю.

«...заверил слушателей, что если Франция когда-нибудь вернет себе подобающее место и престиж на континенте...»

Рита поднесла тыльную сторону ладони к полным слез глазам, качая из стороны в сторону головой. Потом она посмотрела на стакан в другой руке.

— Приготовлю лед для напитков. — Повернувшись, Рита вышла в столовую. Казалось, она поднимается на эшафот. Стук ее каблуков смешивался с голосом из громкоговорителя. Скрипнула кухонная дверь.

«Полковник Линдберг¹ добавил, что Соединенные Штаты, по его мнению, не заинтересованы в каких-либо трансатлантических конфликтах, которые...»

— Пойду-ка я помогу ей, — сказал Барри Салливан.

Алек в третий раз обернулся, закатив глаза и призывая к молчанию.

Молодой человек словно не замечал его. Аккуратно поставив стакан на стол, Салливан последовал за Ритой. Но из уважения к Алеку он шагал почти бесшумно. Даже дверь в кухню едва скрипнула, когда он коснулся ее. Под ней виднелась полоска света.

¹ Линдберг Чарльз Огастес (1902—1974) — американский летчик, осуществивший в 1927 г. первый беспосадочный трансатлантический перелет. Симпатизировал нацистам.

Я не уверен, что могу объяснить, чего я ожидал увидеть, когда эти двое вернутся. У меня так разыгралось воображение, что я бы не удивился при виде молодого человека, крадущегося назад с чем-то острым в руке. Конечно, они едва ли стали бы нападать на Алека при свидетеле. Хотя почему бы и нет? Байуотерс и Стоунер поступили именно так. И Рита, и Салливан были наполовину пьяны. Как выглядит убийца, подкрадываясь к жертве сзади?..

Когда эти двое вернутся...

Но они не возвращались.

Голос по радио, казалось, собирался говорить бесконечно. Я слышал все эти новости в шесть и приходил в ужас, вспоминая размеры каждого сообщения. Алек сидел неподвижно, лишь изредка кивая в наиболее значительные моменты. Кухонная дверь не скрипела.

«Вы слушали новости. Сейчас восемнадцать с половиной минут десятого. В девять двадцать вы услышите...»

Алек выключил радио, повернулся и посмотрел на меня. Должно быть, он обратил внимание на выражение моего лица. Его губы изогнулись в странной улыбке.

— Мой дорогой доктор, — мягко произнес он, — вы думаете, я не знаю?

— Не знаете о чем?

Алек кивнул в сторону кухни:

— О том, что эти двое проделывают у меня за спиной.

Самым жутким казалось то, что эти слова произнес прежний Алек Уэйнрайт. Коренастая маленькая фигура расслабилась. Лицо больше не было пустым — юмор и всепонимающая мудрость вернулись, а веко перестало дергаться. Даже тембр голоса и выбор слов слегка изменились. Откинувшись на спинку кресла, он сложил руки на животе.

— Да, — согласился Алек, последив за моим взглядом. От смущения я не мог смотреть ему в глаза и уставился на стоящую на столе бутылку. — Напившись, я привел себя в умиротворенное состояние. Я даже начинаю забывать об этом. — Он притронулся к радиоприемнику.

— А я должен сидеть и смотреть, как вы напиваетесь до смерти, приводя себя в умиротворенное состояние?

— Вы весьма точно суммировали ситуацию, — бодро подтвердил он.

Это был прежний Алек Уэйнрайт, если не считать слишком покрасневшего лица и набрякшей вены на виске.

— Кстати, о Рите... — продолжал он.

— Давно вы знаете о ней и о молодом Салливане?

— О, с самого начала.

— И что вы собираетесь с этим делать?

— Ну, — Алек расправил плечи, занимая более удобное положение в кресле, — а что бы сделали вы? Устроили скандал и выставили себя дураком? Муж-рогоносец всегда объект для насмешек. Разве вы этого не знаете?

— Выходит, вы не возражаете против происходящего?

Алек закрыл глаза.

— Нет, — задумчиво ответил он. — Почему я должен возражать? Для меня подобное уже в прошлом. Я очень люблю Риту, но не в том смысле. И я ненавижу суету. Если хотите знать, это не первое ее падение.

— Но она клялась мне в моей приемной...

— Ага! — Алек открыл глаза. — Значит, она говорила с вами? — Он засмеялся. — Понимаю, почему она вам не рассказала. Честно говоря, я даже горжусь ее успехами в этом направлении. Барри Салливан славный парень. Она могла найти кого-нибудь куда хуже. Нет, я предпочитаю притворяться, что ничего не замечаю.

— Думаете, так лучше?

— Это самое меньшее, что я могу сделать для Риты.

— А вы представляете, как они оба это воспринимают?

— Ну, они немного взвинчены...

— Немного взвинчены? Выходит, вы не осознаете, что я весь вечер просидел здесь на чем-то куда более худшем, чем иголки и булавки, гадая, планируют ли они убить вас?

Несмотря на поглощенное виски, Алек был искренне изумлен. Ему не нравилось это вторжение в мир его грез, и, начав смеяться над ним, он тут же снова стал серьезным.

— Мой дорогой доктор, не говорите такую чепуху! Убить меня! Вижу, вы совсем не знаете мою жену. Нет, убивать меня они не собираются, но я могу сказать вам, что они пла-

нируют. Они... — Он оборвал фразу. — Откуда, черт возьми, этот сквозняк?

Я действительно почувствовал, как внезапно засквозило по ногам со стороны столовой. Дверь в кухню резко скрипнула, но никто не появился.

— Надеюсь, они не вышли из дома, оставив открытой заднюю дверь и свет в кухне, — сердился Алек. — Любой свет на этом утесе виден с моря за несколько миль. Смотрителей хватит удар.

Но я не думал о зрителях.

Должно быть, мне понадобилось всего пять-шесть секунд, чтобы добраться до скрипящей двери.

Большая кухня, выложенная белыми плитками, была пуста. На эмалированной крышке стола лежал придерживаемый пустым стаканом Риты листок бумаги, спешно вырванный из кухонного блокнотика для памяток. Сырой ветер дул мне в лицо через заднюю дверь, которая была распахнута настежь, пропуская свет наружу.

Запирать комнаты, закрывать двери и задерживать портьеры стало инстинктом, застрявшим в подсознании, как фобия. Случайный луч света из простой небрежности превратился в серьезное преступление. Но хотя я быстро подошел к двери, я не сразу закрыл ее.

Несмотря на то что время затемнения уже наступило, снаружи было не совсем темно. В сумраке колыхались смутные очертания. Сажать что-либо вблизи утеса было невозможно, но обширная полоса сырой темно-красной почвы не была абсолютно пустой. Несколько геометрических орнаментов — математическая душа Алека дала себя знать — были выложены на ней белой галькой. А в центре такая же галька обозначала края тропинки шириной около четырех футов, которая вела напрямиком к обрыву утеса Прыжок Влюбленных.

Прыжок Влюбленных...

На холодильнике лежал электрический фонарь, завернутый в папиросную бумагу. Мое сердце едва не выскакивало из груди, когда я взял фонарь, закрыл за собой заднюю дверь и спустился по двум деревянным ступенькам.

Под пасмурным дождливым небом было еще достаточно светло, чтобы даже без помощи фонаря разглядеть следы ног двух человек.

Они начинались там, где заканчивалась скудная трава. Всегда сырая почва стала после дождя еще мягче. Между призрачными линиями гальки тянулись следы: одни — твердые и решительные, другие — неуверенные, будто человек еле волочил ноги. Я зашагал в том же направлении. Но даже в моем бедственном состоянии невозможно было забыть о периодическом исполнении обязанностей полицейского врача в течение тридцати лет. Инстинкт подталкивал меня вбок, не позволяя наступать на следы.

Я шел рядом с дорожкой к краю утеса. Передо мной маячило лицо Риты.

От высоты у меня всегда кружится голова и возникает желание прыгнуть. Поэтому мне не хватило духу подойти к краю и посмотреть вниз, как часто делают местные жители. Не обращая внимания на грязь, я опустился на четвереньки, подполз к поросшему травой пригорку рядом с местом, где заканчивались следы, и вытянул голову вперед.

Прилив в этих краях начинается около четырех часов дня. Поэтому сейчас он наступал снова, захлестывая торчащие из воды камни на расстоянии семидесяти футов вниз. Разглядеть я мог только белые буруны, но хорошо слышал шипение и плеск воды о скалы. Морской ветер дул мне в лицо, вынуждая опустить веки.

Я валялся в грязи, чувствуя себя больным и бесполезным стариком. Даже теперь, лежа на земле в полной безопасности, я боялся смотреть вниз. Мои пальцы разжались, и я уронил фонарь. Я видел, как он переворачивался, мерцая, как светлячок, пока не исчез без следа и звука там, где ранее исчезли два человеческих существа.

Вскоре я, как краб, пополз назад. Стало легче, когда исчезло ощущение заглядывания в бездну или раскачивания в паутине над пропастью. Утес спереди был абсолютно гладким, и тела не должны были удариться ни обо что, пока не приземлились. А тогда...

Я встал и поплелся к дому.

Алек все еще был в гостиной, стоя у стола и наливая себе виски. Выглядел он мечтательным и довольным.

— Они оставили дверь открытой? — спросил он и тут же добавил: — Что с вами случилось? Где вы так перепачкались?

— Лучше сказать вам сразу, — ответил я. — Они обезумели и бросились вниз с утеса.

Последовало молчание.

Алеку понадобилось время, чтобы воспринять это. Ко мне часто приводят детей и говорят им: «Не бойся — доктор Люк не сделает тебе больно». Дети мне доверяют, и им не бывает больно. Но иногда боль приходится причинять, как ни стараешься избежать этого. В таких случаях уголки рта ребенка опускаются, и он смотрит на меня с упреком, предшествующим слезам. Алек Уэйнрайт, пожилой пьяный мужчина, смотрел на меня именно так.

— Нет! — крикнул он, осознав наконец смысл моих слов. — Нет, нет, нет!

— Очень сожалею, но это произошло.

— Я этому не верю! — Алек поставил стакан, скользнувший по полированной крышке стола. — Откуда вы знаете?

— Выйдите и посмотрите на их следы. Они ведут к краю Прыжка Влюбленных и не возвращаются назад. На кухонном столе записка, но я ее не читал.

— Это неправда! — заявил Алек. — Это... Подождите минуту!

Он повернулся и, пошатываясь, направился к двери в холл. Я слышал его шаги по лестнице и в комнатах наверху, где он открывал и закрывал двери или ящики.

Пройдя на кухню, я открыл кран с горячей водой, чтобы вымыть руки. На крючке рядом с плитой висела щетка. Не заметив, что она обувная, я попытался почистить ею одежду и все еще занимался этим, когда вернулся Алек.

— Ее одежда на месте, — произнес он, шевеля потрескавшимися губами. — Но...

Алек протянул ключ, делая бессмысленные жесты. Это был странный ключ — вроде бы от американского замка, но гораздо меньшего размера. На хромированной головке были выгравированы слово «Маргарита» и двойной узел.

— Не ходите туда! — сказал я, когда Алек нетвердым шагом двинулся к задней двери.

— Почему?

— Вы сотрете следы. Ведь нам придется вызвать полицию.

— Полицию... — повторил Алек, опускаясь на белый стул у кухонного стола. — Полицию. — Казалось, он пробует слово на вкус, постепенно приходя в ярость. — Но мы должны что-то сделать! Не можем мы... спуститься туда?

— Как? Никто не в состоянии спуститься с этого утеса. Кроме того, наступает прилив. Придется ждать до утра.

— Ждать... — прошептал Алек. — Но мы не можем просто сидеть здесь! — Он постарался взять себя в руки. — Вы правы. Полиция решит, что делать. Позвоните им. Или я сам...

— Как мы можем позвонить в полицию? Кто-то перерезал телефонные провода.

Вспомнив об этом, Алек поднес руку ко лбу. От виски и всплеска эмоций его лицо покрылось пятнами, весьма неприятными для глаза — особенно медицинского.

— Но у нас есть автомобиль, — указал он. — Даже два. Мы можем поехать и...

— Именно так мы и поступим, если вы чувствуете, что вам хватит сил.

В тихой кухне внезапно загудел холодильник. Повернувшись, чтобы найти источник звука, Алек впервые заметил листок бумаги из блокнотика с нацарапанными карандашом словами, оставленный под стаканом на столе. Он снял стакан и подобрал листок.

— Со мной все в порядке. Я все еще не могу в это поверить... — Его глаза наполнились слезами.

Алек был беспомощен, как ребенок, — мне пришлось принести ему пальто и шляпу на случай, если дождь пойдет снова. Он настоял на том, чтобы выйти посмотреть на следы с помощью еще одного электрического фонаря. Но, кроме следов, смотреть было абсолютно не на что.

Несмотря на физическое состояние, Алек держался неплохо, но, когда мы вышли в передний холл, направляясь к автомобилю, он свалился в обморок у вешалки для шляп. Маленький ключ, с выгравированными на нем именем «Мар-

гарита» и двойным узлом, выпал из его руки на деревянный пол. До сих пор я не догадывался, как сильно он любил Риту. Подобрал ключ, я спрятал его в жилетный карман, после чего принялся за нелегкую задачу — нужно было затащить Алека наверх.

Тела Риты Уэйнрайт и Барри Салливана были обнаружены через два дня. Их вынесло на покрытый галькой берег в нескольких милях к югу, и какой-то мальчишка побежал за полицией. Но только после вскрытия мы узнали, как они умерли в действительности.

Глава 5

В тот день я впервые встретил сэра Генри Мерривейла при обстоятельствах, которые долго будут помнить в Линкоме.

Война или нет, деревня говорила только о самоубийстве по сговору Риты Уэйнрайт и Барри Салливана. Это сердило меня, поскольку им выражали мало сочувствия — особенно Рите. Общую тенденцию можно было выразить фразой: «Разве вы не знали, что от нее следовало ожидать именно такой глупой напыщенной выходки?»

Впрочем, Алеку тоже не слишком сочувствовали.

— Ему надо было вздуть ее как следует, — говорил Харри Пирс в «Карете и лошадях». — Тогда бы она так не поступила.

Я не видел в этом никакой логики. Кроме того, разговоры об избиении жен вели те, кому не хватало духу даже прикрикнуть на собственную сварливую супругу вроде миссис Пирс. Положение осложняло то, что обморок Алека привел к более серьезным последствиям, чем я думал. Медсестра дежурила у его постели днем и ночью, а Том приходил к нему дважды в день.

В понедельник утром перед ленчем я, повинуясь строгим указаниям Тома, грелся на солнце в нашем заднем саду, когда Молли Грейндж пришла повидать меня. Пройдя по дорожке между высокими голубыми дельфиниумами, она выбралась на лужайку, где под деревом стояли плетеные стулья.

— Как вы себя чувствуете, доктор Люк?

— Вполне сносно, спасибо. Что тебе наговорил мой придурковатый сынок?

— Что вы... перевозбудились.

— Чепуха!

Молли села на плетеный стул напротив меня.

— Ужасная история, доктор Люк, не так ли?

— Конечно! — отозвался я. — Ты ведь знала Барри Салливана? Фактически именно ты представила его...

Я прикусил язык, надеясь, что не пробудил неприятные воспоминания. Но девушка вроде бы не возражала. С первого взгляда люди редко осознавали, насколько привлекательна Молли. Как большинство светловолосых голубоглазых девушек, которые не пользуются косметикой в такой степени, что их лица можно узнавать, как корабли, только по окраске, она выглядела весьма ordinarily.

— Я не слишком хорошо его знала. Только слегка. — Молли подняла тонкую руку, разглядывая пальцы. — Но все равно это ужасно. Доктор Люк, вы не против того, чтобы поговорить об этом?

— Вовсе нет.

Молли выпрямилась на стуле.

— Тогда что произошло?

— Разве Том тебе не рассказывал?

— Том не очень хороший рассказчик. Если начинаешь допытываться, он просто говорит: «Черт возьми, неужели ты не понимаешь по-английски?» — Она улыбнулась, но тут же снова стала серьезной. — Насколько я поняла, вы и мистер Уэйнрайт направлялись к автомобилю, чтобы поехать в полицию, когда мистер Уэйнрайт упал в обморок.

— Совершенно верно.

— Вы притащили его наверх и уложили в кровать...

— Мне это не повредило.

— Том говорит, что могло повредить. Но я вот чего не понимаю. По словам Тома, вы шли пешком от «Мон Репо» сюда четыре мили, да еще в темноте...

— Было не совсем темно. Когда дождь прекратился, на небе появились звезды.

Молли отмахнулась от звезд.

— А вернувшись около половины двенадцатого, вы позвонили в полицию в Линтон. Но там должно было находиться два автомобиля. Почему вы ими не воспользовались?

— Потому что, — ответил я, — в них не оказалось бензина.

Молли выглядела озадаченной. Воспоминание о том, что ожидало меня в гараже, не произвело успокаивающего эффекта.

— Моя дорогая Молли, кто-то открыл краны бензобаков моего автомобиля и автомобиля Алека и вылил все содержимое. Даже если не учитывать теперешнюю нехватку бензина, подобная шутка не кажется мне забавной. Не спрашивай меня, почему это сделали или почему перерезали телефонные провода, так или иначе это произошло, и я оказался в затруднительном положении. Более того, я покинул дом, унеся с собой маленький сувенирный ключ, которым Алек, по какой-то причине, очень дорожит, и был вынужден передать его Тому, чтобы тот вернул его Алеку. Я оставил его в скверном состоянии, но должен был прислать помощь. У меня не было ни рации, ни почтовых голубей.

— Действительно, глупая выходка, — согласилась Молли. — Тем более в такое время. И вы понятия не имеете, кто это сделал?

— Может быть, Джонсон, а может быть, кто угодно.

— Джонсон?

— Садовник, которого уволил Алек. Но в чем тут смысл?

— Они не нашли... Риту и мистера Салливана?

— Нет. Все пришло в беспорядок. Включая тебя, если подумать как следует. Почему ты сегодня утром не в Барнстейпле? Как обходится без тебя машинописное бюро?

Молли плотно сжала губы. Впервые она казалась неуверенной.

— Машинописному бюро придется пару дней самому о себе заботиться, — сообщила девушка. — Я тоже неважно себя чувствую. Это не болезнь. Просто... — Она махнула рукой. — Доктор Люк, мне не по себе. Ведь я не любила Риту Уэйнрайт.

— И ты тоже?

— Пожалуйста, подождите. Я честно пытаюсь быть справедливой и хочу выслушать ваше мнение, прежде чем что-то

доказывать... — Молли поколебалась. — Не могли бы вы зайти к нам на несколько минут? У меня есть кое-что, на что вам следует взглянуть.

Я оглянулся на наш дом. Том закончил прием в одиннадцать и отправился в утренний обход. Казалось вероятным, что мне удастся незаметно ускользнуть и вернуться. Когда мы с Молли вышли в передний сад, Хай-стрит выглядела безмятежной. По сути дела, это асфальтированное шоссе, которое полого поднимается вверх и исчезает за поворотом возле кузницы Миллера. Маленькие домики и лавки купались в солнечном свете; из открытых дверей «Кареты и лошадей» доносилось бормотание голосов. Мистер Фрост, почтальон, разносил письма и газеты. Миссис Пинафор подметала порог своей лавки табачных и кондитерских изделий.

Но пейзаж недолго оставался мирным.

— Господи! — воскликнула Молли.

Со стороны кузницы Миллера послышался звук мотора, и прямо в центре дороги появилась инвалидная коляска.

На водительском месте, вцепившись в рукоятку стержня, соединенного с маленьким передним колесом и служившего рулевым механизмом, торжественно восседал очень толстый мужчина в белом парусиновом костюме. Его лысина поблескивала на солнце. Очки съехали на самый кончик широкого носа. Плечи были закутаны пледом. Даже на расстоянии можно было увидеть на его лице выражение почти нечеловеческой злости. Он сосредоточенно склонился вперед, пока мотор продолжал тарахтеть все громче и быстрее.

Из-за кузницы Миллера выбежал запыхавшийся художник Пол Феррарс.

За ним мчался галопом мой сын Том.

Последним появился полицейский.

— Тормозите! — вопил Феррарс так громко, что из окон начали высовываться головы. — Здесь спуск круче, чем кажется! Ради бога...

На лице человека в коляске мелькнула высокомерная ухмылка. Словно гордясь своей отвагой, он поворачивал коляску то налево, то направо с изяществом фигуриста на льду. Том утверждает, что даже тогда все могло бы закончиться благополучно, если бы не собаки.

Наши линкомские собаки, как правило, настроены благодушно. Они привыкли к автомобилям, фургонам и велосипедам. Но зрелище инвалида в коляске, очевидно снабженной компрессором, было за пределами их понимания и потому взбесило собачьи души. Как по команде, они начали перепрыгивать через забор и выбегать на дорогу.

Оглушительный лай перекрывал стук мотора. Уилли, скотчтерьер Эндерсонов, от возбуждения сделал полный кувырок, приземлившись на спину. Эрдель Лейнов дерзко метнулся под колеса. Пробудившись от гордости удачным экспериментом, человек в коляске попробовал прибегнуть к репрессиям, скорчив настолько страшную рожу, что наиболее робкие собаки отпрянули, все еще продолжая лаять. Однако так называемый манчестерский терьер вскочил на передок коляски и попытался вонзить зубы в рулевой механизм.

Инвалид схватил костыль и стал угрожающе им размахивать. Это было хорошим методом устрашения, но не отвечало требованиям тактики. Управление коляской уже находилось под вопросом. Теперь же она въехала по подъездной аллее Хикса на тротуар, прокатилась по нему как раз в тот момент, когда миссис Мак-Гонигл, наша почтенная прачка, выходила из своей калитки, пятясь задом, с недельной стиркой, и вернулась на дорогу по подъездной аллее Пинафора.

— Ради бога, выключите мотор! — вопил сзади Феррарс.

Это был хороший совет, но инвалид не мог или не желал ему следовать. Окруженная собаками коляска промчалась мимо меня и Молли, когда мы стояли у ворот. Лицо инвалида сохраняло злобное выражение, покуда коляска, накренившись, описала дугу перед «Каретой и лошадьми» и торжественно въехала в открытые двери бара-салона.

За ней последовали собаки, Феррарс, Том и констебль, уже выхвативший записную книжку.

— Господи! — снова воскликнула Молли.

— Кажется, джентльмену не терпится выпить, — заметил почтальон.

Из паба в самом деле доносились звуки, предполагающие, что этот алкоголик уже перелезает через стойку, подбираясь к бутылкам. Звон бьющегося стекла, грохот опро-

кинутых стульев и собачий лай смешивались с протестами клиентов, чье пиво расплескалось, когда они подносили его ко рту.

Следующие пятнадцать минут, вероятно, были самыми оживленными за все существование бара Харри Пирса. Собак выгоняли на улицу одну за другой. Хотя мир вскоре был восстановлен с помощью щедрого угощения, мощный голос инвалида продолжал негодуяще греметь. Наконец он появился, сидя с видом мученика в коляске, которую толкал Феррарс.

— Слушайте, вы, летчик-испытатель, — говорил художник. — Это же инвалидная коляска, а не новый «спитфайр»! Она предназначена для беспомощных людей. Вы сознаете, что мы бы не избежали обвинения в опасном для общества управлении моторизованным транспортным средством, не будь вы другом суперинтендента Крафта?

Но лицо толстого джентльмена выражало лишь негодование.

— Черт побери! — проворчал он. — Я только хотел проверить, как ведет себя эта штуковина на открытой дороге. И что же произошло?

— Вы едва не разрушили всю деревню — вот что!

— Вы понимаете, что я мог погибнуть? — осведомился толстый джентльмен. — Я ехал мирно, никого не беспокоя, когда вдруг около полусотни злобных дворняг набросились на меня и искусили...

— Куда же они вас укусили?

— Это не важно. Если я заболел бешенством, вы это узнаете. Меня приковали к постели из-за серьезной травмы пальца ноги. Слава богу, мне удалось раздобыть коляску, но оказывается, я не могу подышать в ней свежим воздухом без того, чтобы каждая соседская псина не вознамерилась меня сожрать!

Это не мог быть никто иной, кроме великого Г. М., о котором мы уже немало слышали. Молли и я почти сразу же привлекли его внимание, но проделали это не слишком удачно.

Во время торжественного проезда Г. М. по деревне мы изо всех сил старались сохранять серьезный вид, но Молли не выдержала, отвернулась и вцепилась в решетку ворот, трясясь от смеха.

Сидя в коляске возле паба, сэр Генри Мерривейл бросил на нас сердитый взгляд поверх очков и указал пальцем в нашу сторону.

— Вот что я имею в виду! — громко заявил он.

— Ш-ш! — зашипел Феррарс.

— Почему я никогда не могу рассчитывать на сочувствие? — обратился в пространство Г. М. — Что превращает меня в парию? Если такое происходит с кем-то еще, все воспринимают это как трагедию и полны сострадания. Но когда подобное случается со мной, это всего лишь забавно. Я уверен, сынок, что на заупокойной службе по мне пастор не сможет говорить от смеха, а все присутствующие будут кататься по полу в проходах церкви, прежде чем ему удастся произнести десять слов.

— Это мои друзья, — сказал Феррарс. — Подъезжайте и познакомьтесь с ними.

— Мне включить мотор? — с надеждой предложил Г. М.

— Нет! Я вас подтолкну. Сидите спокойно.

Хай-стрит вновь стала мирной, если не считать нескольких собак, прячущихся в углах и с подозрением разглядывающих коляску. Том, оставивший свою машину возле кузницы Миллера, чтобы присоединиться к погоне, отправился по еще одному вызову перед ленчем. А великого человека, пытавшегося выглядеть непринужденно и положившего руку на рычаг рулевого механизма, повезли через дорогу к нам.

Первое же движение его кресла приветствовал возмущенный лай. Несколько собак выскочили из укрытия, и их пришлось прогонять.

— Вы, конечно, догадались, кто это, — сказал Феррарс, когда Г. М. перестал размахивать костылем. — Это доктор Люк Кроксли, отец Тома. А молодая леди, которая смеялась, — мисс Грейндж.

Должен признаться, Пол Феррарс предстал сегодня более человечным, чем обычно. Это был худощавый субъект лет тридцати с небольшим, с длинным носом и склонностью к сардоническому юмору. Он постоянно носил старые свитеры и испачканные краской фланелевые брюки и начинал вопить, если при нем пытались рассуждать о распределении светотени.

— Я очень сожалею, сэр Генри, — искренне извинилась Молли. — Я не хотела над вами смеяться — с моей стороны это было ужасно грубо. Как ваш палец?

— Скверно, — ответил великий человек, указывая на все еще перевязанную правую ногу. Однако его мрачное лицо немного смягчилось. — Рад, что хоть кому-то хватило такта задать этот вопрос.

— Мы все очень за вас переживали. Кстати, как это произошло?

Г. М. выглядел так, словно не слышал вопроса.

— Он показывал нам, — объяснил Феррарс, — как играл в регби за команду Кембриджа в 1891 году.

— И я все еще считаю, что там не обошлось без грязной работы. Я мог бы продемонстрировать это на парне, который стоит позади меня. Между прочим, — Г. М. обратился к Молли с обескураживающей прямоотой, — у вас есть парень?

Молли покраснела.

— Право... — начала она.

— Вы слишком хорошенькая, чтобы у вас его не было, — продолжал великий человек, считая, что всего лишь делает ей комплимент в благодарность за вопрос о его пальце. — У вас должна быть целая куча парней.

Меня угораздило вмешаться, как всегда некстати, когда я имел дело с молодыми людьми.

— Стив Грейндж, — сказал я, — считает, что Молли слишком молода, чтобы думать о браке. Хотя мы всегда надеялись, что она и Том...

— Пусть Том сам говорит за себя, — весьма резко прервала Молли. — И я, право, не знаю, почему мы внезапно стали обсуждать мои дела.

— Ты напрасно тратишь время, Молли, — заметил Феррарс. — Том — прирожденный холостяк. Все носящие юбки служат ему лишь объектами для вскрытия. Мог бы тебя заинтересовать кто-то другой?

Молли с любопытством посмотрела на него.

— Это зависит от его опыта, — ответила она.

— Опыта? — усмехнулся Феррарс. — От тебя ли я это слышу?

Он держал руки в карманах грязных брюк, и его худые локти торчали в разные стороны как крылья.

— Хотя, может быть, ты и права. — Его лицо омрачилось. — Сейчас не время обсуждать любовные связи — нынешние или проектируемые. Одна из таких связей закончилась в субботу вечером слишком скверно на мой вкус. Между прочим, кто-нибудь слышал новости об этом деле?

Вопрос Феррарса был не столь уж праздным, поскольку он, как и все мы, увидел полицейский автомобиль, въехавший на Хай-стрит со стороны Линтона. Машина замедлила скорость и остановилась возле моих ворот. Суперинтендент Крафт выбрался из-за руля. Крафт, которого я знал много лет, был высоким мужчиной с длинным лицом, стеклянным взглядом и низким медлительным голосом.

Неподвижный глаз придавал ему зловещий вид, противореча его характеру. Крафт был достаточно общительным и любил выпить кружку пива в пабе не меньше других. Он жил в Барнстейпле, где находился его офис, и изучил все полицейские учебники в мире.

Крафт направился прямо к Г. М.

— Не мог бы я поговорить с вами наедине, сэр? — обратился он к нему своим раскатистым басом. Поколебавшись, он устремил на нас стеклянный глаз и добавил: — Мы нашли тела.

Глава 6

Мы застыли, стоя на освещенной солнцем улице. Г. М., прислонив костыль к борту коляски, без энтузиазма посмотрел на Крафта:

— Вы имеете в виду тех двоих, которые сиганули с утеса в субботу вечером?

— Да.

— Тогда зачем я вам понадобился? Они ведь мертвы, не так ли?

— Мертвее не бывает, сэр. Тем не менее возникли сомнения насчет кое-каких фактов. — Суперинтендент посмотрел на меня: — Я также хотел бы побеседовать с вами, доктор. —

Его здоровый глаз окинул остальных многозначительным взглядом. — Есть здесь место, где мы могли бы поговорить без помех?

— Почему бы не пройти в дом? Или, еще лучше, в задний сад?

— Прекрасно, доктор, если это подходит сэру Генри.

Г. М. что-то буркнул. Феррарс, который достал трубку и набивал ее табаком из клеенчатого кисета, наблюдал за ними с нескрываемым любопытством.

— Полагаю, другие участники не предусмотрены? — осведомился он.

— Сожалею, мистер... — Крафт не знал фамилии Феррарса и, очевидно, не хотел ее знать. — Сожалею, сэр, но это официальное дело.

Феррарс нисколько не был обескуражен.

— Тогда, если не возражаете, я только отвезу важную шишку в задний сад и вернусь за ним через полчаса. Если он будет настаивать на том, чтобы включить этот чертов мотор, я не смогу его остановить. Но я буду сопровождать его пешком до Ридд-Фарм на тот случай, если он снова попытается сломать себе шею. Если не секрет, где вы нашли тела?

Суперинтендент немного поколебался.

— Их прибило к берегу в Хэппи-Холлоу сегодня рано утром. Ну, сэр?

Молли Грейндж без единого слова повернулась и отошла прочь. Я припоминал, что она хотела что-то мне показать, но это, очевидно, могло подождать.

Недовольно ворчащего сэра Генри Мерривейла повезли по извилистым дорожкам в задний сад. Солнце пригревало, и он сунул плед за спину. Потом Г. М., суперинтендент Крафт и я сели под яблоней, и Крафт достал записную книжку.

— Слушайте, — с удивительной кротостью начал Г. М. — Я должен кое в чем признаться.

— Да, сэр?

— Старику скучно. Мне кажется, я уже несколько лет сижу на заднице. Я не нужен в Лондоне... — уголки его рта опустились, — и, кажется, не нужен нигде.

Я не слишком доверял этим словам, так как мне говорили, что он занимает очень важный пост в военном министерстве.

— Поэтому, если вы хотите спросить меня о чем-то стимулирующем, я готов. Но для начала я задам вам один вопрос, сынок. И будьте осторожны с ответом.

— Да, сэр?

Г. М. достал из кармана парусинового костюма, продемонстрировав при этом весьма солидное брюхо, украшенное золотой цепочкой от часов, коробку с черными сигарами, зажег одну из них, затянулся и поморщился, как будто находя дым неприятным (каковым он и был в действительности). Его маленькие глазки устремились на Крафта.

— Был какой-нибудь фокус-покус с этими следами?

— Я не вполне понимаю, сэр. Фокус-покус?

Г. М. печально вздохнул:

— У меня чертовски подозрительный ум, сынок. Вы видите две серии следов: крупных — оставленных мужскими ботинками — и мелких — оставленных женскими туфлями. Они тянутся через участок мягкой почвы и обрываются. Других следов там нет. Для невинного ума это означает, что мужчина и женщина дошли до края утеса и прыгнули вниз. Но для вместилища грязных трюков... — Г. М. постучал себя по лбу, — это может означать фальшивку.

Суперинтендент Крафт нахмурился, положив на колено записную книжку.

— В каком смысле фальшивку?

— Ну, предположим, по той или иной причине эти двое хотят только считаться мертвыми. Женщина стоит на ступеньках у задней двери дома, потом идет одна по мягкой почве к маленькому травянистому пригорку на краю утеса. В руке она держит пару мужских ботинок. Понятно?

— Да, сэр.

— Там женщина снимает свои туфли и надевает мужские ботинки, в которых идет, пятясь задом, рядом с первой линией следов, пока не доходит до ступенек. — Г. М. сделал гипнотический пасс сигарой. — Таким образом, вы получаете две серии следов. Простая уловка, сынок. — Он сердито уставился на суперинтендента, который громко расхохотал-

ся. — Вы находите в этом что-то забавное? — осведомился Г. М.

— Нет, сэр. Такое отлично выглядело бы в детективном романе. Но могу заверить вас, что этого не произошло.

Крафт снова стал серьезным.

— Понимаете, сэр, я не хочу изображать умника, но отпечатки ног — хорошо исследованная ветвь криминологии. Гросс¹ посвятил им целую главу. В противоположность сложившемуся мнению, фальсифицировать их почти невозможно — тем более таким образом, как вы говорите. Трюк с хождением «пятысь задом» пробовали использовать неоднократно. Его всегда можно распознать за милю. Шаги при этом короче, пятки поворачиваются внутрь, вес распределяется совсем иначе — наискосок от носка к пятке. К тому же возникает вопрос о весе двух человек, оставивших следы. С удовольствием показал бы вам гипсовые слепки следов, сделанные нами в субботу вечером. Это настоящие следы — без всяких фокусов-покусов. Мужчина имел рост пять футов восемнадцать дюймов, весил одиннадцать стоунов² десять фунтов и носил ботинки девятого размера. Рост женщины составлял пять футов шесть дюймов, она весила девять стоунов и четыре фунта и была в туфлях пятого размера. Если мы хоть в чем-то можем быть уверенными в этом деле, так в том, что миссис Уэйнрайт и мистер Салливан дошли до края утеса и не вернулись назад.

Крафт умолк и откашлялся.

Теперь я понимаю, что он говорил истинную правду.

Г. М. разглядывал его сквозь маслянистый дым сигары.

— В здешних краях серьезно относятся к научной криминалистике, не так ли?

— Лично я — да, — ответил суперинтендент. — Хотя мне нечасто предоставляется шанс ее применить.

— И вам кажется, что вы можете применить ее сейчас?

— Позвольте рассказать вам, что произошло, сэр. — Крафт окинул сад зловещим неподвижным глазом и понизил голос. — Как я говорил, тела прибило в Хэппи-Холлоу

¹ Гросс Ханс (1847—1915) — австрийский криминалист.

² Стоун — британская мера веса, равная 6,35 кг.

рано утром. Оба были мертвы и находились в воде с субботнего вечера — мне незачем сообщать вам все неаппетитные детали, — так что в голову, естественно, приходит мысль, будто они погибли от переломов и утопления. Но это не так.

В глазах Г. М. мелькнуло любопытство.

— Не так?

— Нет, сэр. Оба застрелены в сердце с близкого расстояния из мелкокалиберного оружия.

В саду было так тихо, что мы могли слышать, как кто-то разговаривает через заднюю ограду одного из соседних участков.

— Ну, — заговорил наконец Г. М., которого, казалось, беспокоило какое-то подозрение, заставляя яростно попыхивать сигарой, — если вы собираетесь во всем следовать науке, могу сказать вам, что в этом нет ничего необычного или удивительного. Многие самоубийства, особенно по сговору, происходят именно так. Участники дважды обеспечивают себе полет к славе. Они стоят на берегу реки, мужчина стреляет в девушку, она падает в воду, потом он стреляет в себя и падает следом. Финиш.

Крафт серьезно кивнул.

— Это правда, — согласился он. — Более того, раны выглядели характерными для самоубийств. Естественно, я не мог ничего утверждать, пока мы не получили рапорт о вскрытии. Но коронер позвонил доктору Хэнкинсу, и тот произвел вскрытие сегодня утром. Обе жертвы были убиты пулей 32-го калибра, выпущенной, как он говорил, с близкого расстояния. Одежда обожжена порохом. Вокруг ран тоже ожоги и почернение — несгоревшие кусочки пороха вонзились в кожу. Типичное двойное самоубийство.

— Тогда что вас гложет? — спросил Г. М. — Почему у вас такое странное выражение лица?

— Потому что, — медленно ответил Крафт, — это было не двойное самоубийство, а двойное убийство.

Читающий это повествование наверняка ожидал слова «убийство» и интересовался, когда его впервые произнесут. Для него это всего лишь подготовка к битве умов. Но на меня каждое слово, произнесенное Крафтом, действовало как ушат ледяной воды.

Разговор об огнестрельных ранах и «несгоревших кусочках пороха, вонзившихся в кожу» звучал достаточно дико по отношению к Рите Уэйнрайт. В то время как мы сидели в саду под яблоней, Рита превратилась в кусок мертвой плоти на столе в морге. Но мысль о ком-то, испытывающем настолько сильную ненависть к Рите и Барри Салливану, чтобы убить их обоих, казалась абсолютно невероятной.

Г. М. с открытым ртом разглядывал Крафта с чем-то вроде благоговейного страха, но воздерживался от комментариев.

— Давайте рассмотрим оружие, — продолжал суперинтендент. — Пистолет «браунинг» 32-го калибра. Если мистер Салливан застрелил леди, а потом себя — или наоборот, если вы это предпочитаете, — то вы бы ожидали, что оружие упадет в море вместе с ними, не так ли?

— Я ничего не ожидаю, сынок, — отозвался Г. М. — Вы рассказываете историю. Продолжайте.

— Или вы бы ожидали найти его на утесе около места, где они свалились. Но, — Крафт поднял косматые брови, — вы бы никак не ожидали найти пистолет на шоссе, далеко от моря и в полумиле от дома Уэйнрайтов.

— Вот как?

— Лучше я объясню подробнее. Кто-нибудь знаком с мистером Стивеном Грейнджем? Он солиситор в Барнстейпле, но живет здесь, в Линкоме.

— Конечно знаком, — сказал я. — Это его дочь только что была с нами на улице.

— Около половины второго ночи с субботы на воскресенье, — продолжал Крафт, — мистер Грейндж сидел за рулем своего автомобиля, возвращаясь домой после визита в Майнхед. Он проезжал мимо бунгало Уэйнрайтов, когда мы были там — я имею в виду полицию, — но, естественно, не подозревал, что что-то не так. Мистер Грейндж вел машину медленно и осторожно, как следует делать всем в наши дни. Через еще полмили в сторону Линкома фары осветили какой-то блестящий предмет, лежащий на обочине. Мистер Грейндж — аккуратный и методичный джентльмен, поэтому он остановил машину и вышел посмотреть. Это оказался пистолет «браунинг» 32-го калибра из полированной стали, за

исключением резиновой рукоятки. Повторяю: у мистера Грейнджа не было оснований думать, будто что-то не так. Но, оставаясь аккуратным и методичным человеком, он оказал нам неоценимую помощь. Мистер Грейндж поднял оружие кончиками пальцев... — Крафт проиллюстрировал это, — и, понюхав дуло, понял, что из него стреляли несколько часов тому назад. Он отвез пистолет домой, а на следующий день доставил его в полицейский участок в Линтоне. Оттуда пистолет прислали ко мне в Барнстейпл. Я получил его сегодня утром, сразу после того, как узнал о находке двух утопленников с пулевыми ранами. Из пистолета выпустили две пули, после чего его тщательно вытерли, уничтожив отпечатки пальцев. Я передал оружие и пули майору Селдену — баллистическому эксперту. Сейчас я как раз от него. Пули, убившие миссис Уэйнрайт и мистера Салливана, были выпущены из этого браунинга.

Суперинтендент Крафт сделал паузу, а Г. М. открыл один глаз.

— Угу, — сонно пробормотал он. — Знаете, сынок, я ожидал чего-то в таком роде.

— Но это не все, что сообщил майор. Если бы мы не нашли пистолет, то наверняка бы думали, что произошло самоубийство. Но это оружие принадлежит к тем образцам, которые дают так называемую «обратную вспышку». Говоря нетехническим языком, вы не можете выстрелить из него так, чтобы крупинцы несгоревшего пороха не вонзились вам в руку.

Г. М. резко выпрямился. Теперь он не выглядел сонным.

— Но ни на руке миссис Уэйнрайт, ни на руке мистера Салливана не было таких следов, сэр. Значит, это не самоубийство, а убийство.

— У вас нет на этот счет никаких сомнений, сынок?

— Поговорите с майором Селденом. Он вас убедит.

— Гореть мне в аду! — пробормотал Г. М.

Крафт повернулся ко мне. Вид у него был виноватый, но решительный. Здоровый глаз улыбался, а стеклянный оставался безжизненным.

— Мы уже получили ваши показания, доктор...

— Да, но это самое фантастичное дело...

— В том-то и беда, — кивнул Крафт и перелистал записную книжку. — В субботу вечером, во время девятичасовой передачи новостей, миссис Уэйнрайт выбежала из дома. Мистер Салливан последовал за ней. Миссис Уэйнрайт — или кто-то другой — оставила на кухонном столе записку, сообщая, что собирается покончить с собой. Я прав?

— Да, правы.

Я знал, что Крафт обращается скорее к Г. М., чем ко мне.

— Две серии следов ног — миссис Уэйнрайт и мистера Салливана — вели к краю утеса. Мы установили, что следы подлинны. Но, — продолжал суперинтендент, — между девятью и половиной десятого кто-то застрелил обе жертвы. Должно быть, убийца стоял перед ними достаточно близко, чтобы коснуться их. И все же там не было больше никаких отпечатков ног, кроме принадлежащих доктору Кроксли. В половине десятого доктор Кроксли встревожился и вышел посмотреть, что случилось с миссис Уэйнрайт и Салливаном. Увидев следы, ведущие к краю утеса, он направился туда, посмотрел вниз и вернулся в бунгало. Надеюсь, не вы застрелили эту пару, доктор? — тяжеловесно пошутил Крафт.

— Господи, конечно нет!

Крафт невесело улыбнулся:

— Не беспокойтесь. Я работаю в этом участке много лет и не могу представить кого-то менее похожего на убийцу, чем Люк Кроксли.

— Благодарю.

— Но есть веское доказательство того, что вы этого не делали, даже если бы мы оказались настолько тупы, чтобы подозревать вас. — Крафт повернулся к Г. М.: — Доктор Кроксли не зря был полицейским врачом. Он помнил о том, что нельзя наступать на следы.

— Я как раз об этом подумал, сынок.

— Он держался в добрых шести футах от них. Все следы идут параллельно. Доктор не мог, стоя в шести футах от ближайшей жертвы, глядя в том же направлении и даже не повернувшись, выстрелить в обоих с близкого расстояния. Нет, его показания абсолютно правдивы.

На сей раз я вложил в свою благодарность больше иронии, но Крафт ее игнорировал.

— Видите, куда это нас приводит, сэр Генри? Я не прошу вас поехать в морг и посмотреть на тела, так как они сильно изуродованы падением с утеса и ударами о прибрежные камни...

— Но не до неузнаваемости? — спросил я.

Крафт мрачно усмехнулся:

— Нет. Тут не может быть сомнений. Это тела миссис Уэйнрайт и мистера Салливана. Тем не менее вы должны радоваться, что вам не пришлось делать вскрытие.

«Рита, Рита, Рита!..»

— Но, как я говорил сэру Генри, с этим делом у меня будет куча хлопот. И если вы можете дать мне какой-то совет, я был бы вам очень благодарен. Вы сами видите, какова ситуация. Двух человек застрелили, когда они стояли на краю утеса. Убийца не мог вскарабкаться на этот утес или спуститься с него — едва ли он умеет летать. Однако он приблизился к жертвам и отошел от них, не оставив следов в мягкой почве. Если бы мы не нашли оружие, это стало бы идеальным преступлением, представленным как двойное самоубийство. Оно может остаться таковым даже теперь. Мне было бы интересно услышать, что вы об этом думаете.

Глава 7

Сигара Г. М. погасла. Он недовольно уставился на нее.

— Знаете, — заговорил Г. М., — однажды я говорил Мастерсу...

— Старшему инспектору Мастерсу?

— Да. Я говорил ему, что у него привычка впутываться в самые замысловатые дела, о каких я когда-либо слышал. Похоже, полиция графства Девон ненамного от него отстала. И все же я не знаю. Здесь ощущается холодный рассудок... — Он задумался. — Мне нужны все факты. До сих пор я располагал только кратким отчетом Пола Феррарса, когда мы думали, что это самоубийство. Я хочу знать остальное.

— Может быть, вы расскажете сэру Генри, доктор Кроксли? Вы ведь участвовали в этом с самого начала.

Я охотно согласился.

Если Риту действительно убили, то я испытывал к убийце лютую личную ненависть без всякого христианского милосердия. Я думал и об Алеке, потерявшем сознание в холле. Поэтому я начал с самого начала и изложил историю так же подробно, как на этих страницах.

Хотя повествование было долгим, оно, похоже, не казалось слушателям утомительным. Меня прерывали только дважды. В первый раз это произошло, когда Пол Феррарс пришел заявить права на своего гостя. Г. М. выпроводил его, используя куда более крепкие выражения, чем те, с которыми обычно обращаются к радушному хозяину, но Феррарс только усмехнулся, прежде чем удалиться. Во второй раз миссис Харпинг, моя экономка, подошла по дорожке с колокольчиком в руке, сообщая, что ленч готов.

Миссис Харпинг — личность незаменимая. Она командует нами, лечит нас (есть нечто странное в зрелище двух врачей, послушно глотающих доморощенные целебные средства), стирает наши рубашки и готовит нам пищу. Понадобилась некоторая твердость, чтобы сказать ей, что для ленча под яблоней нужны две лишние тарелки, в то время, когда с продуктами становилось туго. Но я добился своего и закончил рассказ, когда посуду убрали со скатерти.

— Ну, сэр? — допытывался Крафт. — Вас что-нибудь удивило?

Г. М., занятый рычагом управления креслом, покосился на него маленькими пронизательными глазами:

— Очень многое, сынок! Во-первых... Но мы пока оставим это. Есть другие, почти столь же интересные моменты. — Он сделал паузу, поглаживая лысину. — *Imprimis*¹, ребята, зачем кому-то понадобилось выливать бензин из автомобилей и перерезать телефонные провода?

— Даже если это сделал убийца? — спросил я.

— Даже если это сделал кто угодно. С какой целью? Пытаясь предотвратить выявление преступления, которое никто не должен был считать таковым? Но каким образом? Вы же находились не на Северном полюсе, а менее чем в полудюжине миль от полицейского участка. Предотвратить обна-

¹ Во-первых (*лат.*).

ружение истины было нельзя. Зачем привлекать внимание к возможности какого-то фокуса-покуса в случае очевидного самоубийства по сговору?

— Это мог сделать Джонсон.

— Безусловно. Но я бьюсь об заклад, что он этого не делал.

— А другой момент?

— Часть той же глупости. Как говорит наш друг Крафт, убийца ускользнул после практически идеального преступления. Но потом этот болван подбрасывает оружие на дорожку, где его наверняка найдут. Если только...

— Если — что?

Г. М. задумался.

— Я хотел бы услышать еще кое-что об этом оружии. Например. — Он повернулся ко мне: — Когда вы обнаружили, что бензин вылит из автомобилей, вы поплелись пешком в Линком звонить по телефону. Должно быть, вы шли по той же дороге, где мистер Грейндж позднее нашел пистолет. Вы заметили его?

— Нет, но это неудивительно. Я уронил и потерял электрический фонарь Уэйнрайтов, а на дороге было темно.

Г. М. атаковал Крафта:

— Вы отправились туда с отрядом копов в автомобиле. Очевидно, вы включили фары. По вашим словам, вы прибыли около без четверти час. Однако оружие нашли еще позже. Вы тоже его не заметили?

— Нет, сэр, и в этом нет ничего странного. Мы ехали в противоположном направлении, по другой стороне дороги.

Г. М. надул щеки и сложил руки на животе.

— Поймите, я не говорю, что это странно. Все, что мне нужно, — это информация. Далее, записка о самоубийстве. Она у вас при себе?

Крафт достал листок бумаги, лежавший между страницами записной книжки. Как я говорил, это был всего лишь маленький клочок, вырванный из кухонного блокнотика для памяток, с нацарапанным карандашом текстом:

«Джульетта умерла как леди. Никаких обвинений. Я люблю всех. Прощайте».

Г. М. прочитал записку вслух, и мне пришлось прикрыть глаза ладонью. Он печально посмотрел на меня:

— Доктор Кроксли, вы видели это?

— Да.

— Это почерк миссис Уэйнрайт?

— И да и нет. Я бы сказал, что это ее почерк при сильном напряжении эмоций.

— Слушайте, доктор. — Г. М. явно был смущен. — Вижу, вы очень любили эту женщину. Я спрашиваю не из праздного любопытства. По-вашему, миссис Уэйнрайт намеревалась покончить с собой?

— Да.

— Прошу прощения, сэр, — вмешался суперинтендент Крафт, хлопнув себя кулаком по колену, — но в этом вся проблема. Если эти двое собирались покончить с собой, зачем было их убивать?

Меня это тоже озадачивало. Но Г. М. покачал головой:

— Тут может не быть никакой загадки, сынок. Возможно, они собирались совершить самоубийство, но им не хватило духу. Такое случалось много раз. Тогда появился некто третий, желающий видеть обоих мертвыми, и застрелил их. Только... — Он продолжал хмуриться, барабанив пальцами по записке, словно какая-то тайная мысль беспокоила его, как диспепсия. — Давайте смотреть фактам в лицо. Мы имеем дело с тем, что пресса именует «преступлением из-за страсти». Не зачем гадать о мотивах. Кто-то ненавидел либо миссис Уэйнрайт за ее связь с Салливаном, либо Салливана за связь с миссис Уэйнрайт достаточно сильно, чтобы прикончить обоих.

— Похоже на то, сэр, — согласился Крафт.

— Следовательно, нам придется копаться в грязи, хотим мы того или нет. Лично я, — откровенно заявил Г. М., — обладаю грязным умом и обожаю скандалы. По словам доктора, Алек Уэйнрайт считал, что его жена с кем-то путается, задолго до того, как она познакомилась со злополучным Салливаном.

— Она клялась мне... — начал я.

— Да, знаю. Тем не менее мне хотелось бы услышать менее предубежденного свидетеля. Когда мы сможем поговорить с мужем?

— Об этом вам придется спросить Тома. Думаю, не сейчас и, вероятно, не так скоро.

— А вы когда-нибудь слышали что-то о любовных связях миссис Уэйнрайт?

— Никогда.

Г. М. посмотрел на Крафта:

— Как насчет вас, сынок?

Суперинтендент колебался.

— Это не совсем по моей части, но должен признать, об этой леди я никогда не слышал ничего подобного. А в таких местечках слухи распространяются быстро.

Г. М. вернул записку Крафту.

— Нам необходимы женский подход и блаженное женское неведение относительно законов о клевете. Мне бы очень хотелось поболтать с той девушкой. — Он кивнул в сторону дома Молли Грейндж. — Она показалась мне толковой и наблюдательной. Я бы не возражал и против маленькой *causeeie*¹ с ее отцом...

— Мы могли бы зайти к ним сейчас, — предложил Крафт и посмотрел на часы. — День идет к концу, и мистер Грейндж вскоре должен вернуться домой.

Г. М. потянул рычаг управления коляской. Мотор ритмично застучал, и это было слышно на Хай-стрит. Ответ последовал незамедлительно. Уши встали торчком, хвосты задрожали, тела напряглись, и послышался отдаленный лай. Г. М. злобно прищурился:

— Паршивые шавки! Слушайте, сынок, я заявляю протест. Вы можете что-нибудь сделать с этими чертовыми псинами?

Было очевидно, что суперинтенденту Крафту иногда бывает нелегко иметь дело с великим человеком.

— С вами все будет в порядке, сэр, если вы не станете ездить слишком быстро, — отозвался он. — Я предупреждал вас вчера, когда вы описывали круги на лужайке мистера Феррарса...

— Все знают, что я кроткий и добродушный человек, — продолжал Г. М. — Я люблю животных, как святой Фран-

¹ Беседа (фр.).

циск Ассизский¹, да благословит Бог их уши. Но сегодня утром я едва не сломал шею из-за этих преданных друзей человека. Если мне придется разъезжать, как русский великий князь в санях, преследуемый волками, то это не пойдет.

— Я пойду впереди вас и буду отгонять собак.

— Тогда еще одно. Когда мы увидим эту девушку, — Г. М. снова кивнул в сторону дома Молли, — что мы ей скажем? Люди все еще думают, что это было самоубийство поговору. Мы сообщим, что произошло убийство, или будем прятать этот факт в рукаве?

Крафт почесал подбородок.

— Не вижу, как мы можем скрывать преступление, — сказал он. — В любом случае в среду будет дознание. И если мы хотим выяснить что-то до того...

— Значит, скажем ей откровенно?

— Пожалуй.

Г. М. поехал по садовой дорожке, вполне сносно определяя курс. Грейнджи — отец, мать и дочь — жили в скромном аккуратном доме. Окна гостиной были открыты, и внутри кто-то играл на фортепиано.

Когда мы подняли Г. М. на крыльцо, опрятная горничная проводила нас в холл и в гостиную. Меблировка последней свидетельствовала о достатке и вкусе. В доме Стива Грейнджа все было на своем месте. При виде нас Молли с удивлением поднялась из-за рояля.

Мы трое неуверенно откашливались. Я заговорил первым:

— Молли, сегодня утром ты сказала мне, что у тебя имеются какие-то идеи относительно этого злосчастного дела. Я имею в виду Риту Уэйнрайт и Барри Салливана. Вроде бы ты хотела что-то мне показать.

— Ах это! — равнодушно отозвалась Молли, коснувшись пальцем клавиши. — Я ошибалась, доктор Люк, и... рада этому. Это было мерзко.

— Но что именно ты собиралась мне показать?

— Ничего особенного. Всего лишь старый сборник головоломок.

¹ Франциск Ассизский (Джованни Франческо Бернардоне) (1182?—1226) — итальянский монах, основатель францисканского ордена.

— Вау! — воскликнул Г. М. с таким живым интересом, что мы все повернулись к нему. Молли бросила на него быстрый взгляд и снова начала постукивать по клавишам. — Интересно, не думали ли мы об одной и той же головоломке? Но это не сработает, девочка моя. Это было бы слишком легко. Если бы все было так просто! — Г. М. ожесточенно взмахнул кулаком. — Тем не менее мне это интересно.

В голове у меня мелькнуло смутное воспоминание о ком-то еще, связанном с этим делом и упоминавшем о головоломках, но я не мог вспомнить, кто это был.

— Мне тоже интересно, — улыбнулась Молли. — Пожалуйста, садитесь. Я позову маму — она в саду.

— Мы бы предпочли, чтобы вы этого не делали, мисс, — замогильным голосом произнес суперинтендент Крафт. — Наше дело касается только вас одной.

Молли усмехнулась и опустилась на табурет у рояля.

— Все равно садитесь. Что у вас за дело?

— Не возражаете, мисс, если я закрою двери?

— Ради бога.

Крафт осуществил свое намерение, потом сел на край стула и продолжал тем же глубоко серьезным тоном:

— Мисс, пожалуйста, приготовьтесь к потрясению.

— О чем вы?

— Миссис Уэйнрайт и мистер Салливан не совершали самоубийства. Они даже не утонули. Их преднамеренно убили.

В наступившей паузе было слышно, как тикают часы на каминной полке.

Было очевидно, что сообщение вызвало у девушки шок. Ее рот открылся, руки беззвучно упали на клавиатуру, а голубые глаза устремились на меня с просьбой о подтверждении. Я молча кивнул.

— Где? — тихо и хрипло произнесла Молли.

— На краю утеса.

— Их убили на краю утеса? — недоверчиво переспросила Молли.

При слове «убили» она бросила взгляд на занавешенные сеткой окна, как будто боясь, что ее могут услышать с улицы.

— Да, мисс.

— Но это невозможно! Они были одни. Там не было чужих следов. По крайней мере, так мне говорили.

— Мы все это знаем, мисс, — терпеливо отозвался Крафт. — Тем не менее это правда. Убийца словно растворился в воздухе. Прошу вас пока держать это в секрете. Мы надеялись, что вы сумеете нам помочь.

— Как они были... убиты?

— Их застрелили. Вы не слышали о пистолете 32-го калибра, который...

Г. М. вмешался, громко прочистив горло и выпятив голову, как дракон в мультфильме Диснея. Молли от неожиданности сыграла фальшивый аккорд.

— Как говорит суперинтендент, — заметил Г. М., — ситуация выглядит невозможной. Если бы здесь был мой лондонский друг Мастерс, с ним бы случился припадок. Я рад, что местные жители воспринимают это более разумно.

— Но откуда вы знаете, что их убили? — настаивала Молли. — Разве это предположение не невероятно само по себе?

— Это длинная история, девочка моя, и она может подождать. Так как в отношении техники преступления мы не достигли никакого прогресса, то решили взглянуть на него с другой стороны. Скажите, вы хорошо знали миссис Уэйнрайт?

— Достаточно хорошо.

— Она вам нравилась?

Молли криво улыбнулась мне:

— Нет. Не особенно. Пожалуйста, не поймите меня превратно. Не то чтобы я ее не любила. Просто некоторые ее выходки казались мне глупыми, и я думала, что она слишком часто строит глазки мужчинам...

— Вы это не одобряли?

— У меня есть лучшие способы распоряжаться своим временем, — чопорно ответила Молли.

— Вот как?

— Опять же не поймите меня неправильно. Я несколько не осуждала Риту. Мне только казалось глупым постоянно об этом думать.

— О чем?

Лицо Молли порозовело.

— О любовных связях — о чем же еще?

— Ну, не знаю. Люди часто используют разные термины. Но меня интересует следующее. Была ли у нее когда-нибудь серьезная внебрачная связь до Салливана? Мы спрашиваем не из праздного любопытства.

Молли задумалась, проводя рукой по клавиатуре.

— Полагаю, вам нужен честный ответ? — спросила она, подняв взгляд. — В таком случае не знаю. Понимаете, говоря, что Рита строила глазки мужчинам, я не имела в виду, что она бегала за ними. Мне всегда казалось, что она верна мистеру Уэйнрайту. А что именно вы ищете?

— Мы ищем мотив, мисс, — вмешался Крафт. — Мы пытаемся выяснить, существовал ли мужчина, который настолько любил миссис Уэйнрайт, чтобы, когда она полюбила другого, лишиться рассудка и прикончить их обоих.

Молли уставилась на нас:

— Надеюсь, вы не думаете о бедном мистере Уэйнрайте?

Могу честно признаться, что мысль об Алеке в связи с убийством до сих пор ни разу не приходила мне в голову. Подобные версии в отношении хорошо знакомого вам человека всегда скрыты за ширмой предубеждений. Но после одного взгляда на суперинтендента и Г. М. стало ясно, что они не подвержены такой форме слепоты.

Крафт улыбнулся, как призрак отца Гамлета.

— Нет, — ответил он. — Мы не думаем ничего подобного, мисс, потому что не можем так думать. В том-то вся беда.

— Не понимаю.

— Когда убивают жену, — продолжал Крафт, — естественно, нас в первую очередь интересует муж.

— Этот приятный маленький человечек? — воскликнула Молли.

— Любой муж. Но согласно доктору Кроксли — а мы ему верим — мистер Уэйнрайт находился в его присутствии каждую секунду с девяти до половины десятого в субботу вечером. Даже если предположить, что какая-то нечистая игра — сокрытие или уничтожение улик — происходила после половины десятого, то все равно доктор Кроксли был с мистером Уэйнрайтом, пока тот не упал в обморок. А впоследствии, если доктор верно описал нам состояние мистера Уэйнрайта, он никак не мог встать с кровати.

— Безусловно, не мог, — согласился я. — Готов поклясться на Библии.

— Так что нам приходится искать в другом направлении, — объяснил Крафт. — Это не было преступлением ради денег или чего-то в таком роде. Мы должны искать человека, который ненавидел обоих достаточно сильно, чтобы стараться убить их вместе. Причина глубоко личная. Нам кажется, мисс, ответ может заключаться в любовных связях миссис Уэйнрайт. По вашим словам, вам всегда «казалось», что она была верна мужу. Выходит, вы были не вполне в этом уверены. Если у вас есть какая-то информация, мисс, должен напомнить, что ваш долг — сообщить нам ее. Можете вы это сделать?

Молли тихо сыграла несколько аккордов, словно опасаясь прикоснуться к клавишам. Ее лицо выражало неуверенность и сомнение.

Потом девушка глубоко вздохнула и подняла голову.

— Да, — ответила она. — Боюсь, что могу.

Глава 8

— Мне не хочется об этом рассказывать, — продолжала Молли, — потому что это напоминает подглядывание. Но в действительности все получилось случайно.

— Да, мисс?

— Это произошло весной — кажется, в апреле. Было воскресенье, и я пошла прогуляться. Знаете маленькую аллею, которая отходит от шоссе к Бейкерс-Бриджу милях в трех отсюда?

Суперинтендент Крафт открыл рот, чтобы ответить, но тут же закрыл его и молча кивнул.

— Я свернула туда, собираясь дойти до моста и вернуться в Линком. Шла я быстро, так как скоро должны были наступить сумерки. День был сырой, деревья только начинали зеленеть. Ярдах в двухстах по этой аллее находится маленький каменный дом. Несколько лет назад его использовал какой-то художник в качестве студии, но с тех пор он пустует. Вы его знаете?

— Да, мисс.

— Когда я находилась ярдах в тридцати от дома, то заметила, что около него стоит машина. Это был «ягуар» Риты, хотя в тот момент я его не узнала. Дом обветшал, а почти все стекла на крыше студии разбились. В дверях застыли двое. Одной была женщина в ярко-красном джемпере — поэтому я разглядела его при меркнувшем свете. Другим был мужчина, но я не знаю, кто он и даже как выглядел, — он оставался внутри дома. Женщина обняла его, потом быстро подбежала по грязи к машине и села за руль. Машина развернулась и поехала мне навстречу. Тогда я узнала за рулем Риту, но она меня не видела — сомневаюсь, что она вообще что-либо замечала. Рита выглядела... ну, измятой, всклокоченной, и на лице у нее было страдальческое выражение, как будто свидание не доставило ей никакого удовольствия. Машина промчалась мимо меня, прежде чем я смогла ее окликнуть. Впрочем, я не собиралась это делать. Я решила идти дальше, не поворачиваясь, так как это выглядело бы подозрительно. Мужчину я больше не видела. Это все, что я могу вам сообщить. Сомневаюсь, что это что-либо доказывает. Но поскольку вы спрашивали, был ли в жизни Риты другой мужчина, о котором мы не слышали...

Крафт достал записную книжку, что, казалось, беспокоило Молли, и написал полдюжины слов.

— Понятно, мисс. — Его голос звучал бесстрастно. — Вы сказали, это было на дороге к Бейкерс-Бриджу? Примерно в полумиле от дома Уэйнрайтов?

— Да.

— И мужчину вы не можете описать?

— Нет. Я видела только фигуру и две руки.

— Он был высокий или низкорослый? Молодой или старый? Толстый или худой?

— Сожалею, но это все, что я могла вам рассказать.

— Простите за нескромный вопрос, но вы никогда не слышали сплетен, связывающих миссис Уэйнрайт с кем-то из этих мест?

Молли покачала головой:

— Никогда.

Несколько минут Г. М. сидел неподвижно, с закрытыми глазами и печально опущенными уголками рта.

— Мы уже много слышали о миссис Уэйнрайт, — заговорил он. — Не могли бы вы рассказать нам что-нибудь о Салливане? Например, как его настоящее имя?

На сей раз ему удалось удивить не только Молли, но и нас с Крафтом.

— Настоящее имя? — переспросила Молли. — Барри Салливан, не так ли?

— Невежество нынешнего молодого поколения в области театрального искусства заставило бы поседеть мои волосы, если бы они у меня были, — вздохнул Г. М. — Что бы вы подумали о современном актере, которому хватило бы дерзости именовать себя Дейвидом Гарриком¹ или Эдмундом Кином?²

— Я бы подумала, — отозвалась Молли, — что это сценический псевдоним.

— Угу. Настоящий Барри Салливан был одним из самых известных романтических актеров прошлого века³. Конечно, это может быть совпадением. Настоящая миссис Салливан могла назвать своего красивого сына Барри. Но, учитывая связи со сценой, это достаточно интересный факт, чтобы его расследовать. — Он повернулся к Крафту: — Вы можете навести справки в американском консульстве в Лондоне, в актерском профсоюзе и даже там, где он работал, продавая автомобили.

— Я уже телеграфировал в тамошний отдел уголовного розыска, — кивнул суперинтендент. — Расскажу вам об этом позже.

К моему удивлению, обычно спокойное лицо Крафта налилось кровью и он смущенно откашливался. Казалось, настоящее имя Барри Салливана его абсолютно не интересует.

— Скажите, мисс, вы уверены, что это произошло на дороге к Бейкерс-Бриджу?

Молли широко открыла глаза:

— Господи, конечно уверена! Я живу здесь со дня рождения.

— Ваш отец ничего вам не рассказывал вчера или сегодня?

¹ Гаррик Дейвид (1717–1779) — английский актер.

² Кин Эдмунд (1787–1833) — английский актер.

³ Салливан Барри (1821–1891) — английский актер.

Молли недоуменно заморгала.

— Мой отец? — переспросила она.

— Он не говорил вам, что в ночь с субботы на воскресенье нашел пистолет на шоссе менее чем в десяти футах от поворота к Бейкерс-Бриджу?

На сей раз нас всех удивил Крафт. Г. М. употребил выражения, которые я, будучи достаточно старомодным, не стал бы использовать в присутствии девушки вроде Молли. Но Молли от изумления едва его слышала.

— Нет, он ничего не говорил, но... вряд ли стал бы это делать. Отец мало что рассказывает маме и мне.

— У него не было никаких оснований предполагать что-то дурное, мисс, — указал суперинтендент. — Мы сами до сегодняшнего утра не знали, что этих двоих убили из найденного пистолета.

— Отец будет очень сердиться, — сказала Молли.

— Сердиться? Почему?

— Потому что он терпеть не может быть замешанным в подобных делах — даже в качестве человека, нашедшего оружие. Он говорит, что для солиситорской практики нет ничего хуже. А когда он узнает, что я говорила о бедной Рите после ее смерти...

Аккуратная горничная постучала и заглянула в комнату.

— Мне подавать чай, мисс Молли? — спросила она. — Мистер Грейндж только что вернулся.

Стив Грейндж был высоким худощавым и жилистым мужчиной лет пятидесяти пяти, с прямой осанкой, пружинистой походкой и сухими, педантичными манерами. Его скуластое лицо нельзя было назвать некрасивым, хотя кожа начинала сморщиваться, а черные волосы и усы — седеть. Одетый, как всегда, щеголевато, он вошел с вечерней газетой в руке, и Крафт тут же сообщил ему новости.

— Боже мой! — Стив Грейндж недоверчиво уставился на нас своими темно-серыми глазами, хлопая сложенной газетой по левой ладони. Потом он повернулся к Молли: — Где твоя мать, дорогая?

— В заднем саду. Она...

— Лучше пойди к ней. Скажи Глэдис, чтобы пока не подавала чай.

— Если не возражаешь, папа, я бы хотела...

— Иди к матери. Я хочу поговорить с этими джентльменами.

Молли покорно удалилась. Продолжая хлопать газетой по ладони, Стив прошелся по комнате, потом сел напротив нас, сдвинув брови.

— В высшей степени неприятное дело, — заявил он, махнув костлявой рукой. — Не только неприятное, но и трудное. Удивительно, что вы вообще нашли тела.

— Я тоже так думаю, сэр, — кивнул Крафт. — Учитывая здешние течения и все прочее. Но мы нашли тела и оружие — благодаря вам.

Стив еще сильнее нахмурился:

— Откровенно говоря, если бы я знал, что это за оружие, то не уверен, что передал бы его вам. Возможно, это пренебрежение гражданским долгом, но тем не менее... — Он побарабанил холеными пальцами по подлокотнику кресла. — Теперь нас всех ожидают неприятности.

— Не могли бы вы, сэр, рассказать нам что-нибудь об этом пистолете?

— Послушайте, суперинтендент. — Сухой тон Стива вызвал обычный эффект. — Надеюсь, вы не думаете, что я замешан в этой истории?

— Нет-нет, сэр! Я только...

— Очень рад это слышать. — Стив изобразил подобие улыбки. — Вы нашли тела, но, не располагая орудием преступления, по-прежнему считали бы, что это самоубийство по сговору. Только заполучив пистолет с «обратной вспышкой», вы пришли к иному мнению. По-вашему, если бы я имел какое-то отношение к убийству этих двоих, стал бы я добровольно передавать вам пистолет?

— Едва ли, — усмехнулся Крафт. — Я просто имею в виду, что вы, будучи главой местного ополчения, могли где-то видеть его раньше.

— Не припоминаю. Во всяком случае, я не могу его опознать. Вы заметили, что регистрационный номер спилен?

— Да, сэр.

— Честно говоря, суперинтендент, я сомневаюсь, что вам удастся отследить происхождение этого пистолета. Раньше,

когда огнестрельное оружие и боеприпасы продавали только при предъявлении лицензии, это не составило бы труда. Но в наши дни, когда их продают почти всем желающим...

С осуждающим видом Стив соединил кончики пальцев и закрыл глаза. Я всегда считал это сознательной позой, рассчитанной на то, чтобы произвести впечатление, но Стив прибегал к ней так долго, что забыл, насколько напыщенной она выглядит.

— Я заметил, что армейские офицеры приобрели досадную привычку, — продолжал он. — Приходя в рестораны, клубы или театры, они часто снимают ремень с кобурой и оставляют его висеть в гардеробе на глазах у всех. А сейчас они носят оружие любого образца и калибра, какой им нравится...

— Вы думаете, пистолет могли украсть?

— Не знаю. Просто озвучиваю идею. — Стив повернулся к Г. М. и добавил более любезным тоном: — Полагаю, это знаменитый сэр Генри Мерривейл?

— Угу, — ответил Г. М., сосредоточенно разглядывая свой костыль.

— Рад видеть вас в своем доме, сэр Генри. Я много о вас слышал от нашего общего друга.

— Вот как? От кого же?

— От лорда Блэклока. Он мой клиент, — не без самодовольства сообщил Стив.

— Старина Блэки? — с интересом отозвался Г. М. — Как он поживает?

— Боюсь, у него нелады со здоровьем. — Стив поудобнее устроился в кресле перед разговором о сильных мира сего.

— Еще бы, — вздохнул Г. М. — Он сам не свой с тех пор, как побывал в Нью-Йорке и начал глушить виски стаканами.

— В самом деле? — после небольшой паузы осведомился Стив. — Не могу сказать, что когда-нибудь видел его... э-э... нетрезвым.

— Это благодаря его жене. — Г. М. повернулся к Крафту и мне: — Худшей стервы не найти до самого Бристольского залива, но она умудряется держать его под контролем.

Стив, казалось, жалел, что затронул эту тему.

- Похоже, лорд Блэклок вами недоволен.
— Старина Блэклок мною недоволен? Почему?
Стив улыбнулся:

— Он говорит, что приглашал вас провести часть лета в его сельском доме, а вы предпочли остановиться у этого парня... как бишь его? — Стив небрежно щелкнул пальцами, притворяясь, будто забыл фамилию Феррарса, хотя прекрасно ее помнил.

- Пола Феррарса?
— Да-да, художника.

— Не вижу, почему я не должен был у него останавливаться, — сказал Г. М. — Он пишет мой портрет. — Последовала пауза, во время которой в голове Г. М., казалось, мелькнуло ужасное подозрение. Поправив очки, он медленно обвел взглядом нашу группу, изучая каждое лицо в поисках признаков отсутствия серьезности. — Кто-нибудь из присутствующих, — с вызовом осведомился Г. М., — может назвать мне любую причину, по которой художник не может или не должен писать мой портрет?

Я мог бы назвать одну причину сугубо эстетического порядка, но счел более тактичным не упоминать о ней.

— Этот молодой парень, — продолжал Г. М., — друг моей младшей дочери. Он написал мне одно из самых оскорбительных писем, какие я когда-либо получал, а я получал их достаточно. Пол Феррарс утверждал, что у меня самая забавная физиономия из всех, какие он когда-либо видел, в том числе даже в студенческие годы в Париже, и пригласил меня сюда, дабы увековечить ее для потомства. Это было настолько оскорбительно, ребята, что я приехал из чистого любопытства.

- И остались?

— Разумеется. Должен признать, этот парень воздаст мне должное. Портрет получается превосходный, и я собираюсь купить его. Он еще не вполне окончен из-за этого. — Г. М. вытянул ногу под пледом. — Я хотел позировать стоя, а мне теперь позволяют стоять только очень короткое время. — Он фыркнул и скромно добавил: — Феррарс изображает меня в виде римского сенатора.

Это подействовало даже на суперинтендента Крафта.

— В виде кого, сэр?

— Римского сенатора, — повторил Г. М. С подозрением посмотрев на Крафта, он проиллюстрировал свои слова с неподражаемым достоинством, выпрямившись и перебросив через плечо край воображаемой тоги.

— Понятно, — равнодушно произнес Стив Грейндж. — Похоже, мистер Феррарс достиг некоторых успехов.

— Вы не любите его, верно?

— Боюсь, сэр Генри, я недостаточно хорошо его знаю, чтобы любить или не любить. Возможно, я слишком старомоден, но мне не по душе то, что именуют богемным образом жизни, — вот и все.

— А как вы относились к миссис Уэйнрайт?

Поднявшись с кресла, Стив подошел к окну позади фортепиано, отодвинул одну из кружевных занавесок и посмотрел на улицу. Я заметил, что по пути он бросил взгляд в зеркало на стене — подобно большинству из нас, Стиву было не чуждо некоторое тщеславие.

— Более года назад у меня с миссис Уэйнрайт произошла серьезная ссора, — ответил он. — Любой может вам это подтвердить. С тех пор мы не разговаривали. — Повернувшись от окна, Стив решительно продолжил: — Причина этой ссоры должна оставаться в секрете. Миссис Уэйнрайт просила меня о профессиональной услуге, которую я счел неэтичной. Это единственное объяснение, которое я могу вам дать. Я отговаривал Молли от визитов туда как только мог. Поймите меня — Молли сама себе хозяйка. Она зарабатывает себе на жизнь и имеет право в пределах разумного поступать по-своему. Но уэйнрайтовский образ жизни нравится мне не больше богемного. Я очень разборчив в отношении людей, которые приходят сюда повидать Молли, о чем открыто ее предупреждаю.

Я счел себя обязанным выразить протест.

— Что вы подразумеваете под «уэйнрайтовским образом жизни»? Надеюсь, не игру в бридж в субботние вечера? В конце концов, я сам в этом участвовал.

Стив улыбнулся:

— Под «уэйнрайтовским образом жизни», доктор Люк, я подразумевал саму миссис Уэйнрайт и всех ее более молодых поклонников мужского пола.

Суперинтендент кашлянул.

— В том-то и суть, сэр. Мы ищем мужчину, которого ваша дочь видела с миссис Уэйнрайт у старой каменной студии на дороге к Бейкерс-Бриджу.

Кожа на щеках и подбородке Стива напряглась, словно скулы затвердели внутри.

— Молли не следовало рассказывать вам об этом. Это нескромно и, возможно, даже дает повод для судебного преследования.

— Но вы не сомневаетесь в словах вашей дочери?

— Нет. Хотя мне часто кажется, что у нее чрезмерно развито воображение. — Стив потерял подбородок. — Что касается этого эпизода в студии, то, может быть, имел место более-менее невинный флирт...

— Приведший к убийству? — осведомился Г. М.

Стив снова опустил в кресло.

— Вы никогда не докажете, что в деле фигурировал мужчина, — заявил он, соединив кончики пальцев. — Более того, вы зря тратите время, пытаясь доказать, что произошло убийство. Это было самоубийство по сговору, каковым его определит любое коронерское жюри.

Крафт начал возражать, но Стив заставил его умолкнуть, подняв руку. Его губы улыбались под усами, но лицо и глаза оставались серьезными и задумчивыми. Я мог бы поклясться, что он верит каждому своему слову.

— Чем больше я об этом думаю, джентльмены, тем сильнее убеждаюсь, что это было самоубийство по сговору. На чем вы основываете ваше предположение об убийстве? На двух обстоятельствах. Первое: отсутствие следов пороха на руках жертв. И второе: находка оружия вдалеке от места происшествия. Это так?

— Да, сэр. И для меня этого достаточно.

— Посмотрим. — Стив откинулся на спинку кресла. — Предположим, миссис Уэйнрайт и мистер Салливан решают покончить с собой. Салливан достает пистолет. Они идут на край утеса, где Салливан сначала стреляет в нее, потом в себя. Что, если на его правой руке была перчатка?

В белой гостиной стало совсем тихо, если не считать тиканья часов.

— Перчатка на руке, чтобы выстрелить в себя? — начал я, но тут же вспомнил некоторые случаи в судебно-медицинской и моей собственной практике.

— Давайте подумаем о привычках самоубийц, — продолжал Стив Грейндж. — Они принимают тщательные меры предосторожности, чтобы не причинить себе боль. Если самоубийца вешается, то часто смазывает веревку. Он крайне редко стреляет себе в глаз, хотя это самый надежный метод. Он подкладывает в духовку подушку, чтобы голове было удобнее. Данное оружие давало «обратную вспышку». Это означало болезненный ожог порохом. Салливан должен был выстрелить в миссис Уэйнрайт, прежде чем застрелиться самому. Не является ли естественным и даже неизбежным, что он надел перчатку?

Ни Г. М., ни Крафт ничего не сказали, хотя я видел, как последний едва заметно кивнул.

Стив Грейндж указал на книжную полку на задней стене комнаты.

— Мы много читаем о преступлениях, — слегка виновато констатировал он. — Позвольте мне продолжить. По-моему, суперинтендент, на телах, прибитых к берегу, вся или почти вся одежда разорвана в клочья?

Стеклянный глаз Крафта приобрел, если это возможно, еще более неестественное выражение. Он то и дело заглядывал в записную книжку.

— Это достаточно верно, — признал Крафт. — Я знал один или два случая, когда трупы прибывало к берегу полностью обнаженными, если не считать обуви. Она никогда не сваливается, так как кожа в воде сжимается. Миссис Уэйнрайт и мистер Салливан оставались одетыми, но почти целиком в рвань. Вы имеете в виду, что прежде всего в воде сваливаются перчатки?

— Совершенно верно.

Стив заколебался, пытаясь покусывать короткие усы.

— Прошу прощения, — сухо продолжал он. — Следующая часть весьма неприятна для меня. Это оскорбит старого друга, но я ничего не могу поделать.

Стив посмотрел мне в глаза:

— Давайте будем честными, доктор Люк. Кроме отпечатков ног самоубийц, там были только ваши следы. Мы все знаем, как вы любили миссис Уэйнрайт. Признайте — вам была бы ненавистна мысль об огласке того факта, что она покончила с собой, так как не могла хранить верность мужу. Должно быть, оружие упало на маленький травянистый пригорок на краю Прыжка Влюбленных. Лежа там и глядя вниз, вы могли дотянуться до него тростью и подтащить к себе. Черт возьми, вы наверняка так и поступили! Потом вы забрали пистолет с собой и выбросили его на дороге по пути домой. — Бросив на меня неодобрительный и в то же время сочувствующий взгляд, Стив повернулся к остальным: — Говорите что хотите, джентльмены, но это единственно возможное объяснение. Только его примет коронерское жюри.

В этот момент Г. М. с любопытством посмотрел на него.

— К тому же оно правдиво. Это подтверждают записка и прочие факты. Мы все любим доктора Люка и ценим его добрые намерения. Но скольких хлопот, скандалов и неприятностей для абсолютно невинных людей можно избежать, если он признается, что солгал.

Снова наступило молчание. Крафт поднялся со стула и устремил на меня взгляд сверху вниз. Все трое смотрели на меня с задумчивым видом, в значении которого было невозможно ошибиться.

— Но я этого не делал! — услышал я собственный крик.

Как объяснить им, что я бы только радовался, если бы все было именно так? Что я бы охотно солгал, если бы от этого вышла хоть какая-то польза? Но совершено убийство — убийство близкого друга, — и оно должно быть отомщено.

— Нет, сэръ? — очень странным тоном переспросил суперинтендент Крафт.

— Нет!

— Люк, старина! — упрекнул меня Стив. — Помните о состоянии вашего здоровья.

— К черту мое здоровье! Пусть я умру на этом месте... — здесь Стив протестующе поднял руку, — если каждое мое слово не было чистой правдой! Я не хочу поднимать скандал — я ненавижу скандалы. Но правда есть правда, и нам ее не изменить.

Крафт коснулся моего плеча.

— Ладно, доктор, — произнес он дружелюбным тоном, который звучал еще более зловеще. — Пусть будет так. Давайте выйдем и обсудим это.

— Говорю вам...

— Если только мистеру Грейнджу больше нечего нам сообщить.

— Боюсь, что нет. — Стив поднялся. — Вы останетесь к чаю? Услышав отказ, он явно испытал облегчение.

— Ну, возможно, вы правы. Думаю, доктору нужно отдохнуть. Когда дознание?

— Послезавтра в Линтоне, — ответил Крафт.

Стив кивнул и посмотрел на часы.

— Я поговорю с мистером Рейксом. Он коронер, не так ли? Мистер Рейкс мой близкий друг. Я передам ему одну-две наши идеи, и уверен, он сможет убедить жюри увидеть правду. Доброго дня, джентльмены. Этим вечером с моей души упадет тяжкий груз.

Он стоял в дверях, держа руки в карманах, и ветер приглаживал его волосы, куда мы толкали коляску Г. М. по дорожке к улице.

Глава 9

— Говорю в пятидесятый и в последний раз, суперинтендент Крафт: я этого не делал!

— Но вы слышали, что сказал мистер Грейндж, доктор. Что это могло произойти только так!

— Сегодня утром вы считали это убийством.

— Потому что мне не хватило сообразительности додуматься до такого объяснения.

Похоже, терпение Крафта подходило к концу. Он и я сидели спереди большого полицейского автомобиля, едущего по шоссе к бунгало Уэйнрайтов.

Мы вкатили кресло Г. М. в багажное отделение, поставили кресло боком и усадили Г. М. на заднее сиденье. Он скрестил руки на широкой груди, и, поскольку верх был опущен, ветер поднимал две тонкие пряди волос по бокам его лысой

головы наподобие рожек. Больше двух миль он не произносил ни слова. В основном говорил суперинтендент.

— Неужели вы не видите, что все сходится? — настаивал он. — Нет ни одного противоречия. Три линии следов тянутся к краю утеса... — Крафт проиллюстрировал это жестами.

— Держите руки на руле!

— Ладно. Их следы оканчиваются футом в четырех дальше пригорка — единственного места на утесе, где растет трава, — а ваши — в луже, куда вы приползли на животе. Следы идут параллельно — ваши на расстоянии шести футов от их...

— Вот видите!

— Но, — указал Крафт, — вы слышали, что говорил мистер Грейндж. Когда пистолет упал на траву, вы могли протянуть руку с тростью...

— С какой тростью? Я не ношу трость — спросите кого угодно. Кто я, по-вашему, — старое ископаемое, бродящее на краю могилы?

Мне показалось, будто с заднего сиденья донеслось одобрительное фырканье. Но Крафт был занят другим, внимательно разглядывая дорогу впереди.

— Кстати, доктор, я только что вспомнил. — Он прочистил горло. — Когда наш младший болел в прошлом январе и вы навещали его три недели почти каждый вечер, вы так и не прислали счет. Сколько мы вам должны — хотя бы приблизительно?

Внезапная перемена темы застигла меня врасплох. Ничто в мире не интересовало меня меньше этого.

— Мой дорогой Крафт, откуда мне знать? У меня нет времени беспокоиться из-за таких вещей. Спросите Тома — может быть, он знает.

— А может быть, нет, — сказал Крафт. — Судя по всему, он так же рассеян, как вы. Том редко присылает счета и, как правило, по неверному адресу.

— Слушайте, мне не нужны никакие деньги...

Крафт крепче стиснул руль.

— Может, и нет, но будь я проклят, если вам не понадобится помощь. Дознание, как вы знаете, в среду. И вам придется давать показания под присягой. Это вы тоже знаете?

— Разумеется.

— И вы собираетесь рассказать на дознании ту же историю, что рассказали нам?

— Почему нет, если это правда?

— Послушайте, — не унимался Крафт. — Жюри почти наверняка вынесет вердикт о самоубийстве по сговору. Он застрелил ее, а потом себя. В таком случае им придется включить дополнительный пункт, утверждающий, что вы лгали под присягой. Тогда мы будем вынуждены арестовать вас за лжесвидетельство.

Признаюсь, эта мысль до сих пор не приходила мне в голову.

Я не в том возрасте, когда радуешься, попав в тюрьму за то, что сказал правду. Более молодые люди усматривают в этом нечто благородное и возвышенное, хотя я никогда толком не понимал почему. Подобно Галилею, я готов опуститься на колени и отрицать, что земля вертится, если таким образом можно остаться на свободе. Но это было личное дело.

— Вы имеете в виду, — осведомился я, — что не хотите арестовывать человека, которому должны деньги?

— Что-то в этом роде, — признал Крафт. — Если бы вы избавили нас всех от хлопот, сказав правду!

— Обещаю говорить правду, всю правду и ничего, кроме правды.

Крафт с подозрением покосился на меня. Он явно зашел в тупик, так как знал, что лгать не в моих привычках, однако факты доказывали обратное. Я не осуждал его. Будь я на его месте, то тоже не поверил бы себе. Он обернулся к заднему сиденью:

— Что вы думаете об этом, сэр? Как говорил мистер Грейндж, это единственный способ, которым все могло произойти.

— Именно слова «единственный способ» пробуждают во мне недоверие, — проворчал Г. М.

— Вы не верите этому, потому что это единственный способ?

— Да, — просто ответил Г. М. — Хотел бы я, чтобы Мастер мог вас слышать.

— Но разве вы когда-нибудь слышали об убийце, умеющем летать по воздуху?

— Ох, сынок, вы не знаете мою биографию! Я видел человека, который был мертв и в то же время не был¹. Я видел убийцу, оставившего одними и теми же руками разные серии отпечатков пальцев². Я видел отравителя, налившего атропин в чистый стакан, к которому никто не прикасался³. — Он фыркнул. — Что касается убийцы, летающего по воздуху, то я в любой момент ожидаю встречи с ним. Это завершило бы цикл, прежде чем старик отправился бы в мусорный ящик.

— В какой мусорный ящик?

— Не важно. — Г. М. посмотрел на меня. — Давайте на секунду допустим, доктор, что вы говорите правду.

— Спасибо.

— Когда вы в субботу вечером подошли к краю утеса, вы не увидели там никакого оружия?

— Нет.

— Предположим, оно там было. Вы бы заметили его?

— Не знаю. — Потрясая меня сцена вновь предстала перед мысленным взором. — Я был слишком расстроен, чтобы многое замечать. Мне показалось, там не было оружия, но я бы не мог в этом поклясться.

— Тогда еще вопрос. — Сняв руки с груди, Г. М. указал на Крафта. — Пистолет отбрасывает использованные гильзы. Копы нашли их там?

— Нет, но...

— Знаю! Еще один урок элементарной криминалистики. Использованные гильзы не просто выкатываются из обоймы при выстреле. Они выбрасываются со щелчком вверх и вправо. Вероятно, они упали в море. Вы искали их у подножия утеса?

— Нет, сэр. Тогда был сильный прилив глубиной тридцать футов, и я знал, что тела наверняка смыло, не говоря уже о двух маленьких гильзах.

— Тем не менее вы их искали?

— Нет, сэр. — Крафт поколебался. — Кстати, об элементарной криминалистике. Что вы думаете о Грейнджах?

¹ См. роман «Читатель предупрежден».

² См. роман «Девять плюс смерть равняется десять».

³ См. роман «Смерть в пяти коробках».

— Девушка мне понравилась. Хотя обычно я не доверяю девицам, утверждающим, что они не интересуются противоположным полом. Обычно это означает, что они просто прячут свой интерес. Как, например...

Г. М. на миг закрыл глаза. Уголки его рта опустились. Снова скрестив руки на груди, он откинулся на сиденье и посмотрел на дорогу впереди.

— Скажите, сынок, мы находимся недалеко от дороги к Бейкерс-Бриджу? Мне бы очень хотелось взглянуть на студию, где развлекалась миссис Уэйнрайт.

Крафт был удивлен.

— Дорога чуть дальше, — ответил он. — Если хотите, можем свернуть туда.

— Пожалуйста, сделайте это. Уверяю вас, я не имею ни малейшего понятия, что увидим или обнаружим там. Вероятно, ничего. Но просьба остается в силе.

Дорога к Бейкерс-Бриджу, вьющаяся по сельской местности, соединяясь кратчайшим путем с шоссе до Барнстейпла, представляет собой всего лишь узкую аллею. По ней можно добраться и на другую дорогу к пустошам Эксмур. Было шесть вечера, когда мы свернули на грязный проселок с высокими насыпями по бокам. Заходящее солнце отбрасывало мягкий свет на мощные, поросшие мхом стволы деревьев. Что-то пробежало по мертвым листьям. Ярдов через пятьдесят Крафт внезапно затормозил.

— Ха! — воскликнул он.

Маленький старичок приближался к нам, шагая под деревьями. На нем были ветхий костюм, грязная рубашка без галстука и широкополая шляпа. Пышные седые усы внизу казались коричневатыми, словно от табачного дыма. Казалось, он на ходу обращается с пространной безмолвной речью к деревьям.

— Вот так встреча! — промолвил Крафт. — Это же Уилли Джонсон.

— Вы имеете в виду садовника, которого уволили Уэйнрайты? Лучше остановите его, сынок.

Просьба была излишней. При виде нас мистер Джонсон застыл как вкопанный, потом с достоинством направился к нам, помахивая коричневой тростью из ротанга — признак

джентльмена и даже щеголя. Он был не пьян, но изрядно накачан пивом, которое словно сочилось у него из вен и глаз. Подняв воротник пиджака, Джонсон обратился к Крафту.

— Я хочу подать жалобу, — заявил он.

— Слушай, Уилли, — предупредил Крафт. — Сержант в Линтоне говорит, что уже устал от твоих жалоб.

— Только не от такой. Речь идет... — мистер Джонсон порылся в памяти, — о воровстве, сэр. Он украл это.

— Кто украл что?

Мистер Джонсон подобрал веточку и попытался вставить ее в нос. У него ничего не получилось, и это его раздосадовало.

— Четыре фута шириной, и он это украл. Но джентльмен за это поплатится!

— Какой джентльмен?

— Мистер Уэйнрайт, который потерял жену. Некоторые его жалеют, но не я. Когда он думает, что его не видят, у него лицо становится хитрым-прехитрым...

— Ты пьян, Уилли. Придешь ко мне, когда протрезвеешь. Я хочу задать тебе несколько вопросов.

Мистер Джонсон горячо запротестовал, что он не пьян.

— Послушайте, сынок, — вмешался Г. М. — Должно быть, вы давно живете в этих краях.

Наш информатор с гордостью сообщил, что живет здесь двадцать... нет, тридцать... нет, пятьдесят лет.

— Вы знаете студию дальше по этой дороге? Кому она принадлежит?

— Принадлежала старому мистеру Джиму Уэзерстону, — сразу ответил мистер Джонсон, — который умер восемь... нет, десять лет назад. Он уступил ее художнику, который убил себя там, как эти двое.

— Да, но кому студия принадлежит теперь?

— Ее прибрали к рукам адвокаты. А разве там кто-то живет? В доме и водопровода нет, а еще этот художник убил себя там... — Мистер Джонсон сплюнул на дорогу. — Один ремонт обойдется в сотню фунтов, да и кто теперь согласится там жить?

Г. М. порылся в карманах в поисках серебра, но нашел только десятишиллинговую купюру, которую, к недовольству Крафта, отдал Джонсону.

— За десять шиллингов ты можешь купить целое ведро пива, Уилли, — мрачно заметил Крафт.

— Пива? — с достоинством переспросил Джонсон. — Я собираюсь в кино. — В Линтоне раз в неделю показывали фильм. — Это исторический фильм про то, как римляне жгли христиан, а девушки ходили совсем голыми. Доброго вам дня, мистер Крафт. И вам тоже, сэр. Надеюсь, вы приятно проведете у нас время.

— Будь осторожен! — крикнул Крафт ему вслед. — В один прекрасный день ты начнешь видеть розовых слонов!

Уилли не соизволил обернуться.

— Когда он немного протрезвеет, то с ним все будет в порядке, — сказал суперинтендент. — Хотя зря вы дали ему деньги. Студия совсем близко.

Она находилась ярдах в двухстах от поворота на шоссе. Аллеей редко пользовались, но я иногда проезжал мимо дома, и он всегда казался заброшенным.

Ограды не было. Каменное, некогда побеленное, а теперь грязно-серое сооружение стояло неподалеку от дороги. Северная сторона островерхой покатой крыши состояла из стеклянных панелей, но сохранились лишь немногие из них, которые выглядели почерневшими от грязи.

Тяжелые двойные двери — достаточно широкие, чтобы в них проехал грузовик, — были обращены лицом к дороге. Сбоку находилась еще одна маленькая дверь, к которой вели две ступеньки с заросшей сорняками тропинки. Должно быть, здесь Молли видела Риту Уэйнрайт в красном свитере, обнимающую кого-то в сгущающихся сумерках.

Внизу окон не было, а два верхних окна — по крайней мере, с видимой нам стороны — были заколочены досками. Справа от нас находилась массивная каменная труба. За студией росли сосны, чья зеленая хвоя казалась черной. При богатом воображении можно было представить себе бродящий там призрак Риты. Возле двойных дверей синели колокольчики.

Крафт выключил мотор, и нас окутала теплая влажная тишина.

Но в этот момент ее нарушил женский крик.

Он был негромким, но это делало его еще более жутким. Казалось, от ужаса или физического истощения у женщины

пересохло в горле. В этих звуках ощущались боль и страх. Их сопровождал слабый настойчивый стук, как мы вскоре определили, в левое из заколоченных окон наверху.

Нам пришлось оставить Г. М., несмотря на его протесты. Передвигать его не было времени. Крафт задержался ровно настолько, чтобы достать из машины фонарь.

— Думаю, парадные двери не заперты, — бросил он через плечо.

Мы направились к ним.

Двери из красивого мореного дуба действительно не были заперты. Хотя какой-то вандал прикрепил снаружи засовы, висячий замок свисал открытым. Мы распахнули их и вошли внутрь.

В доме пахло сыростью и плесенью. Но благодаря стеклянной крыше мы могли хорошо видеть планировку здания. Оно состояло из одной большой комнаты — студии — и пристроенных сзади кухни и кладовой. Над парадными дверями находилось нечто вроде галереи в качестве пола комнаты внутри студии, которая нависала у нас над головами. Некогда побеленная лестница справа вела к ее закрытой двери.

Оттуда доносились слабые стоны.

— Пошли! — скомандовал Крафт.

Он включил фонарь и обвел им помещение, прежде чем мы поспешили наверх. Пол студии был вымощен кирпичом, как в фермерской постройке. Очаг большого камина зиял в правой стене. На полу валялось несколько сломанных предметов мебели.

— Все в порядке! — крикнул Крафт. — Мы идем!

Дверь у изголовья лестницы была заперта. Но в ней торчал новенький ключ, и Крафт повернул его. Дверь открылась без скрипа.

— Кто там? — с тревогой спросил женский голос.

— Все в порядке, мисс, — повторил Крафт. — Я полицейский офицер.

Он направил луч фонаря внутрь, осветив не только меблированную, но и неожиданно богато обставленную комнату.

Затем луч скользнул в сторону и остановился на женщине — вернее, девушке, — которая отшатывалась от нас, прижимаясь к стене возле угла японского шкафа, поблескиваю-

щего лаком, позолотой и жемчугом. Когда свет упал ей на лицо, девушка прижала руки к глазам и вскрикнула.

Все в ней говорило скорее о городе, чем о деревне. Изящные туфельки на высоком каблуке покрылись засохшей грязью. На шелковых чулках спустились петли. Зеленое с белым платье также было перепачкано. Ростом девушка была не более пяти футов, но обладала красивой, чуть полноватой фигурой. Мне пришел в голову эпитет «карманная Венера», но я забыл о нем при виде ее состояния.

Девушка дрожала не только от страха, но и от физической слабости. Крафт шагнул к ней, но она снова отпрянула и уставилась на нас, прикрывая глаза ладонью.

— Успокойтесь! — сказал Крафт. — Говорю вам: я полицейский офицер! Вы в полной безопасности, понятно? Кто вы?

Девушка заплакала.

— Я миссис Барри Салливан, — ответила она.

Глава 10

Если Крафт был ошеломлен, то не показал этого.

— Давно вы здесь заперты?

— Не знаю. — У нее был приятный голос с американским акцентом. — Может быть, с прошлой ночи или с утра. Ради бога, заберите меня отсюда!

— Пойдемте с нами, мисс, и все будет хорошо. Обопритесь на мою руку.

Девушка сделала два шага от шкафа и упала на колени. Я поднял ее и спросил:

— Когда вы ели последний раз?

Она задумалась.

— Вчера утром в поезде. Где мой муж? Где Барри?

Крафт и я обменялись взглядами. Я подвел ее к оттоманке и усадил на подушки.

— Сейчас она еще не в состоянии говорить, суперинтендент. Здесь есть какое-нибудь освещение?

— Только масляные лампы, — сказала девушка. — Но они выгорели, а масла нет.

Я предложил Крафту отодрать доски от окон, но он решительно отказался с истинно английским ужасом перед нарушением прав собственности. Поэтому мне в очередной раз досталась роль козла отпущения. Вскоре стало очевидно, почему девушка не могла выбраться самостоятельно. Окно, которое я атаковал, было забито наглухо, как гроб. Наконец мне удалось справиться с ним, взобравшись на стул и орудуя ногами. Щепки летели во все стороны. Выбравшись наружу, я увидел злобную физиономию сэра Генри Мерривейла, который сидел в машине, глядя на меня.

— У вас есть бренди? — спросил я.

Даже на этом расстоянии мне показалось, что Г. М. слегка покраснел. Тем не менее он молча полез в карман брюк и достал огромную серебряную флягу, которой медленно размахивал в воздухе, как наживкой. Когда я спустился за ней, волны гнева ощущались физически, подобно взрывным.

— Наверху девушка, — объяснил я, — в истерике от страха и полумертвая от голода. Кто-то запер ее там. Она называет себя миссис Барри Салливан.

Все признаки гнева моментально испарились.

— Господи! — пробормотал Г. М. — А она знает о...

— Очевидно, нет.

Г. М. протянул мне флягу.

— Тогда бегите назад, пока Крафт не рассказал ей!

Несмотря на запреты перенапрягаться, я вернулся за несколько секунд. Сумерки проникали в комнату через открытое окно. Девушка сидела на оттоманке с Крафтом, демонстрирующим удивительные деликатность и такт. Она все еще конвульсивно вздрагивала, но пыталась улыбнуться.

Несмотря на осунувшееся лицо, растрепанные волосы и размазавшуюся от слез косметику, «карманная Венера» выглядела очень хорошенькой. Темно-каштановые волосы были завиты по моде в мелкие локоны. Маленький ротик и большие серые сияющие глаза слегка опухли. При виде фляги она засмеялась, продемонстрировав отличные зубы.

— Можно мне выпить?

Я наполнил до краев крышку от фляги и передал ей. Она выпила бренди залпом, кашлянула и протянула крышку за следующей порцией.

— Нет. Пока этого достаточно.

— Может быть, вы и правы. Я не хочу пьянеть. У кого-нибудь есть сигарета?

Крафт достал пачку и зажег сигарету. Рука девушки так сильно дрожала, что несколько раз она не могла вставить сигарету в рот, хотя при этом крепко держала бренди. Больше всего меня беспокоил застывший в ее глазах страх.

— Послушайте, — начала девушка. — Что здесь происходит?

— Мы надеялись, — отозвался Крафт, — что вы сможете нам это объяснить, мисс... миссис...

— Салливан. Белл Салливан. А вы действительно коп? Вы не шутите?

Крафт предъявил удостоверение.

— А этот мужчина с вами?

— Это доктор Кроксли из Линкома.

— А, доктор! Тогда все в порядке. — Рука с сигаретой снова дрогнула. — Я хочу рассказать вам самую ужасную...

— Если вам трудно говорить сейчас, миссис Салливан, — сказал я, — то у нас снаружи автомобиль, и мы можем отвезти вас в более удобное место.

Крафт нахмурился:

— Думаю, сэр, нам лучше побеседовать сейчас.

— Да, я тоже так считаю. — Девушка вздрогнула опять. — Моего мужа зовут Барри Салливан. Вряд ли вы его знаете.

— Я слышал о нем, мэм. Полагаю, вы тоже из Штатов?

Она поколебалась.

— Ну... нет. Вообще-то я из Бирмингема. Но клиентам я представляюсь американкой, так как им это нравится.

— Клиентам?

— Я танцовщица в лондонском отеле «Пикадилли».

— Тогда почему вы приехали сюда?

Молодая леди отнюдь не отличалась скрытностью.

— Потому что я чертовски ревнива, — откровенно сказала она. — Я знала, что у Барри завелась здесь бабенка, так как нашла конверт со штемпелем Линкома. Но я понятия не имею, кто она.

Ее глаза наполнились слезами.

— Я приехала не устраивать скандал, а просто взглянуть на эту бабенку — посмотреть, что у нее есть такого, чего нет

у меня. — Белл Салливан снова протянула руку с крышкой от фляги. — Пожалуйста, налейте мне еще. Обещаю не болтать глупости и не вешаться вам на шею.

Я налил ей бренди.

Крафт, хотя пытался это скрыть, был явно шокирован прямоотой девушки. Но мне она скорее нравилась. Белл так же быстро осушила содержимое крышки.

— Барри уехал в пятницу вечером. В субботу я довела себя до такого состояния, что больше не могла оставаться дома. Поэтому в воскресенье утром я села в поезд, но, прежде чем он отошел, сказала себе: «Белл, ты спятила! Не можешь же ты подойти в этой деревне к первому встречному и спросить: «Извините, не знаете ли вы женщину, которая спит с моим мужем?»»

— Полагаю, что нет, мэм.

— Кроме того, я не хотела, чтобы Барри знал о моем приезде. Но я ничего не могла с собой поделать. Поездка была жуткой. Сначала я выяснила, что нужно сделать пересадку в Эксетере и ехать дальше до Барнстейпла, а прибыв в Барнстейпл — что Линком находится от него в тринадцати милях, что железной дороги там нет, а автобусы по воскресеньям не ходят. Мне пришлось взять такси, хотя это обошлось в кучу денег. Водитель спросил, куда именно меня отвезти в Линкоме. К тому времени я уже проклинала себя за то, что отправилась туда. Я попросила высадить меня у самого большого паба и как можно скорее. Он сказал, что знает короткую дорогу, и повез меня сюда.

Сумерки сгущались. Дрожащий голос девушки пронзительно звучал в неподвижном воздухе. Должно быть, сидящий в машине снаружи Г. М. слышал каждое слово.

Белл Салливан закусила губу.

— Говорите, это было в воскресенье вечером, мэм? — спросил Крафт.

— Да, около половины девятого. Было еще светло. Мы ехали по этой дороге. Машина ползла еле-еле. Мы проезжали мимо этой студии и... Помните большие двойные двери, которые выходят в сторону дороги?

— Да.

— Двери были распахнуты, и внутри стояла машина Барри. Я узнала номер сзади.

Кустистые брови Крафта приподнялись.

— Машина мистера Салливана? — переспросил он своим замогильным голосом. — Но, насколько я знаю, он никогда не приезжал сюда на автомобиле.

— Конечно нет. Где бы он взял деньги, чтобы купить машину? Он их продает, и это была его демонстрационная модель. Ему не позволяют уезжать в ней из Лондона, тем более сейчас, когда он вот-вот потеряет работу, так как автомобилей на продажу не осталось. Поэтому я так испугалась при виде этой машины. Но я подумала: «Раз машина Барри здесь, значит, он тоже скоро тут появится и, вероятно, со своей бабенкой». Вот я и велела водителю высадить меня около студии.

Водитель наверняка решил, что я спятила. Он сказал, что в этом доме уже много лет никто не живет и что какой-то художник перерезал в нем себе горло. Но я заплатила деньги и отослала его, а потом начала шарить в доме. Я обнаружила только грязную студию с кирпичным полом, где стояла машина Барри, и запертую дверь наверху. Неплохое местечко для свиданий, а? Даже если не считать эту шикарную комнату. В студию можно въехать на автомобиле, как в гараж, потом закрыть двери, и никто вас не увидит.

Я думал о том же.

— Вскоре начало темнеть, — продолжала Белл.

Ее серые глаза невольно устремились к окну, за которым виднелись тонкие зеленые верхушки деревьев. Девушка трянула каштановыми локонами и сняла ногу с ноги. Ее сигарета погасла, и она бросила ее на мягкий темно-красный ковер.

— Мне не нравится деревня. У меня от нее мурашки по коже бегут. Я люблю, когда шумно и кругом много людей. А здесь было тихо, как в могиле. И у меня кончились сигареты. Поблизости не было никакого жилья. Я не знала дороги. Потом я подумала об этом чертовом художнике, который перерезал себе глотку, и стала воображать, будто за каждым углом кто-то прячется. Я даже не могла включить фары автомобиля, а тем более воспользоваться им, так как ключа в зажигании не было. Стало почти совсем темно, когда я услышала, что кто-то идет по дороге к дому.

Крафт и я так напряглись, что девушка заметила бы это, если бы не была настолько поглощена своей историей.

— Естественно, я подумала, что это Барри... — Она поколебалась, закусив губу. — Может, это он и был. Или...

Крафт кашлянул.

— Это не мог быть мистер Салливан, — сказал он. — Во всяком случае, в воскресенье вечером.

— Почему?

— Не важно, мисс. — Крафт время от времени называл ее «мисс», так как она очень молодо выглядела. — Просто поверьте мне на слово.

— Вы имеете в виду, что он уехал? — Хорошенькое личико девушки омрачилось.

— Ну... да. Продолжайте.

— Сначала я была вне себя от злости на него за то, что он меня так напугал. Но у меня есть гордость, и я не хотела, чтобы Барри обнаружил меня здесь. В то же время я не хотела, чтобы он ушел и оставил меня одну. Покуда я ходила взад-вперед, я ни разу не подумала, что буду делать, когда Барри вернется к своей машине.

Мне оставалось только одно. Автомобиль Барри — родстер «паккард» с большим откидным сиденьем. Я отстегнула сиденье, влезла внутрь и спряталась под его крышкой. Это было легко, так как я достаточно маленькая. — Она протянула руки в стороны, чтобы это продемонстрировать. — Кроме того, в откидных сиденьях два маленьких отверстия для вентиляции, так что воздуха хватает. Потом он вошел в студию, и... — девушка провела по лбу тыльной стороной ладони, — я услышала, как он плачет... Я хотела сказать «как ребенок», но дети так не плачут. Это были жуткие дрожащие всхлипывания, как будто он задыхался. Ужасно слышать, как мужчина плачет таким образом. Пару раз он стукнул кулаком по борту машины.

«Пропавшая душа, кто бы ты ни был», — подумал я.

— От страха мне тоже хотелось плакать. Но я подумала: «Вот сукин сын! Ты бы не стал так рыдать из-за меня!» В некоторых отношениях Барри действительно как ребенок — ему только двадцать пять, а мне двадцать семь. У меня было мало времени на размышления. Я слышала, как он ходил

вокруг, а один раз поднялся наверх и повернул ключ в замке. Потом он сел в машину, завел ее, и мы поехали задом. «Господи! — подумала. — Мы едем к бабенке, а я торчу под сиденьем!»

Белл сделала паузу, пытаясь засмеяться. Ее щеки порозовели от бренди, но она еще не пришла в себя.

— Слушайте, мисс, — заговорил Крафт. — Я хочу, чтобы вы подумали как следует. Вы уверены, что слышали вашего мужа?

Лицо Белл стало озадаченным.

— Естественно, я думала, что это Барри... — Внезапно ее глаза расширились. — Погодите! Вы хотите сказать, что это могла быть бабенка?

— Успокойтесь, это не была «бабенка». Я только хочу знать следующее. Вы слышали, как кто-то плачет и ходит вокруг. Но вы не слышали, как он говорит?

— Нет. Но если это не были ни Барри, ни его бабенка, кто еще это мог быть? Слушайте, что тут происходит? Почему вы оба выглядите так странно?

— Если вы продолжите рассказ, мисс, доктор даст вам еще бренди.

— Доктор ничего не даст, — возразил я. — Молодая леди в плохом состоянии. Ее нужно отвезти в Линком, накормить и уложить в постель.

— Со мной все в порядке. — Белл с трудом улыбнулась и положила крышку фляги на оттоманку. — Я хочу все рассказать, так как подхожу к тому, чего не понимаю. Как я говорила, машина задом выехала из студии. Дорога была ухабистой, но я свернулась калачиком на складном сиденье, и меня не слишком трясло. Я думала только о том, как жутко буду выглядеть, когда мне придется встать, и во что превратится моя шляпа. — Она рассеянно прикоснулась к голове. — Потом мы выбрались на ровную дорогу и, казалось, ехали по ней много миль. Думаю, часть пути мы поднимались по склону холма, хотя я в этом не уверена. По бокам были маленькие вентиляционные отверстия, но я ничего сквозь них не видела, кроме лунного света.

Потом машину опять начало трясти. Стало гораздо холоднее. Я чувствовала, как сквозит по ногам. Мы начали спус-

каться — я в этом уверена, так как мне пришлось упираться руками. И вдруг началась такая тряска, что я стукнулась головой о борт. Моя шляпа скомкалась, вуаль порвалась, а горжетка и сумочка упали на пол.

Я знала, что мы уже не на дороге, так как слышала, как о колеса шуршит сухая трава. Носом я чуяла туман. Я уже хотела закричать на Барри, когда машина замедлила ход. Барри — или кто-то другой — переключил скорость. Дверца открылась на ходу, но тут же захлопнулась опять, и мы помчались вперед как по маслу со скоростью около шестидесяти миль. Это продолжалось всего пару секунд, и мы снова остановились, словно что-то пыталось толкнуть нас назад.

Казалось, под нами что-то вроде пуховой перины, только еще более мягкое. Потом я услышала вокруг хлюпающие звуки, как будто лопались наполненные воздухом пузыри. Они походили на человеческие — что-то вроде отрыжки, да и запах был соответствующий.

А затем машина начала потихоньку погружаться во что-то. Я потянулась к полу, чтобы найти сумочку — сама не знаю зачем, — когда что-то липкое стало просачиваться через вентиляционное отверстие и коснулось моей руки. Другое отверстие тоже засорилось, и я оказалась в темноте. Внезапно автомобиль задрожал и наклонился вперед дюймов на шесть. Хлюпающие звуки становились все громче. И тут я поняла, что это...

Белл Салливан умолкла и вцепилась в края оттоманки, чтобы унять дрожь.

— Я тоже понял, мисс, — мрачно кивнул суперинтендент Крафт. — Зыбучий песок.

Глава 11

Белл кивнула в ответ, быстро моргая.

— Естественно, я знала, что мы недалеко от Эксмюра. — Она судорожно глотнула. — И в детстве я читала «Лорну Дун»¹

¹ «Лорна Дун» — роман английского писателя Ричарда Доддриджа Блэкмора (1825—1900).

или, по крайней мере, слышала о ней. Но я не думала, что такое бывает в действительности.

— Еще как бывает, — заверил ее Крафт. — Если вы незнакомы с этой пустошью, держитесь от нее подальше. А если вам необходимо проходить по ней, то только следом за местными пони — они никогда не ошибаются. Верно, доктор?

Я согласился. За время моей профессиональной деятельности мне пришлось многое узнать об Эксмуре, но я до сих пор сторонюсь этой мрачной и ветреной местности.

— Дальше началось самое худшее, — продолжала Белл, — хотя это было недолго. Сама не знаю, как мне удалось поднять верх откидного сиденья. Сначала я подумала, что Барри повернул ручку и запер меня. Очевидно, внутри было меньше воздуха, чем я думала. Когда я наконец подняла верх и попыталась встать на кожаном сиденье, у меня так закружилась голова, что я чуть не свалилась через борт в трясину. Я кричала изо всех сил, но мне никто не ответил. И на переднем сиденье никого не оказалось.

Не спрашивайте, где я находилась! Всюду был белый туман, сквозь который светила луна; дальше дюжины футов ничего не было видно, и стало так холодно, что я вся покрылась гусиной кожей. Забавно, о чем думаешь в такие моменты. Я была в бешенстве, считая, что Барри выпрыгнул из машины. Помню запотевшее ветровое стекло, обивку сидений, часы, спидометр и бензиновый счетчик на щитке, торчащие из бокового кармашка два буклета с дорожными картами — один голубой, другой зеленый. Кругом был зыбучий песок, похожий на овсянку и всасывающий в себя все. Он шевелился!

— Спокойно, мисс! Теперь волноваться не о чем.

Белл на миг закрыла лицо руками.

— Тогда я встала на краю машины и прыгнула...

Крафт побледнел.

— Боже всемогущий! Похоже, мисс, храбрости вам не занимать. И вы приземлились на твердую землю?

Девушка опустила руки.

— Очевидно, раз я здесь живая, а не похоронена под не знаю сколькими футами зыбучего песка. — Она улыбнулась, но ее губы дрожали. — Говорят, будто, когда находишься на

границы смерти, перед тобой проходит вся прошлая жизнь. Ничего подобного! Я только думала: «Барри не мог уйти далеко. Наверняка он слышит мои крики, но и пальцем не шевелит, позволяя мне увязнуть. Должно быть, он знал, что я спрячусь в складном сиденье. Окурки моих сигарет были разбросаны по всему полу студии, и от меня пахло духами, которые ему всегда нравились. Недурной способ избавиться от жены!»

Последовала долгая пауза.

— Хотите — верьте, хотите — нет, но, когда я выпрыгнула из машины, перед глазами у меня стоял Барри, каким я видела его с тех пор, как мы поженились, — добродушный, ребячливый, глуповатый, тщеславный, жадный до денег. В следующий момент я приземлилась и не почувствовала, чтобы песок затягивал меня. Я немного проползла по земле и отключилась, а когда пришла в себя, то была заперта здесь. — Белл добавила почти небрежно: — Сейчас меня больше всего бесит, что я оставила в машине шляпу, горжетку и сумочку с пудрой, помадой и деньгами. Дайте мне еще сигарету.

Мы с Крафтом обменялись взглядами. Вскоре ей придется сообщить причину, по которой ее муж не мог быть человеком, сидевшим за рулем родстера в воскресенье вечером. Смущенно кашлянув, суперинтендент достал сигареты и чиркнул спичкой.

Желтое пламя резко контрастировало со сгущающимися сумерками. Когда Белл жадно затянулась, я увидел слезы, блестевшие в ее глазах, и слегка дрожащие щеки. Но ее голос по-прежнему звучал равнодушно:

— Когда я прыгала, то поняла еще кое-что. Я совсем не люблю Барри. Вот так-то!

— Рад это слышать, мисс.

— Со мной слишком долго обходились как с половой тряпкой. Вы согласны?

— Ну...

— Вы говорите, что все это проделал не Барри. Не знаю, верить вам или нет. Вы оба что-то прячете в рукаве.

— Мисс...

— Впрочем, я не понимаю, зачем Барри было это делать, даже если он хотел избавиться от меня. Машина стоит семь-

сот или восемьсот фунтов. Это не его собственность, и компания потребовала бы с него деньги, которых у него нет. И зачем ему было привозить меня назад и бросать здесь, когда я была в обмороке?

— Вот именно! — согласился Крафт.

— Но если это сделал не Барри, то где он? Почему он позволил кому-то взять и утопить его машину? По-вашему, он вернулся в Лондон?

— Не совсем в Лондон, мисс.

— А куда?

Крафт повернулся ко мне и развел руками. Конечно, это было рискованно, но, если бы мы отказались говорить правду, девушка впала бы в истерику, что еще опаснее. Обсудив ситуацию с Крафтом, я подобрал с оттоманки крышку фляги, наполнил ее бренди в третий раз и протянул Белл. Она выпила, словно не видя крышку.

— Миссис Салливан, ваш муж и эта... бабенка... — начал я.

— Ну?

— Боюсь, ее вы никогда не увидите. А если хотите увидеть его, то должны приготовиться к потрясению.

— Они оба застрелились и прыгнули с утеса в субботу вечером, — выпалил Крафт. — Сейчас они в морге. Сожалею, миссис Салливан, но ничего не поделаешь.

Я отвернулся и начал внимательно изучать противоположную сторону комнаты. Должно быть, мебель привозили тайно, раз за разом. В этом ощущалась рука Риты Уэйнрайт. Ковер на полу, темно-красные бархатные портьеры, которыми можно было задернуть заколоченные досками окна, скрыв реальный мир воображаемым... В одном углу стояла складная ширма, за которой — я не поленился посмотреть — находился умывальник с кувшином, тазом и полотенцами. Мерзость? Возможно. Но Рита оставалась Ритой.

Больше всего меня беспокоил вопрос, что нам делать с Белл Салливан. Очевидно, она не привезла с собой чемодан. Разумеется, Молли Грейндж охотно приняла бы ее. Но при мысли о реакции Стива я решил поселить девушку у нас. Миссис Харпинг о ней позаботится.

Я думал обо всем этом, жалея, что не могу глотнуть из фляги, которую держал в руке.

— Все в порядке, доктор, — сказала Белл. — Можете вернуться. Я не собираюсь биться в припадке.

Наша «карманная Венера» все еще сидела на оттоманке, подложив под себя одну ногу и глубоко затягиваясь сигаретой. Серые глаза спокойно смотрели на меня.

— Я хочу задать вам несколько вопросов о женщине, с которой путался Барри. Она была шлюхой?

— Нет. Она была женой канадского профессора математики.

— Как ее звали?

— Рита Уэйнрайт.

— Она была красивой?

— Да.

— Задирала нос?

— Не особенно. Обычная профессорская жена.

— Купалась в деньгах?.. Хотя нет. — Белл прищурилась. — Иначе они не стали бы сигать с утеса. Сколько ей было лет?

— Тридцать восемь.

Белл вынула сигарету изо рта.

— Тридцать восемь? — недоверчиво переспросила она. Ее голос внезапно стал пронзительным. — Господи! Он что, рехнулся?

Суперинтендент Крафт вздрогнул, как будто его укололи булавкой. Вероятно, это шокировало его больше, чем все, что он слышал до сих пор. Он собирался похвалить девушку за стойкость, а теперь не знал, что сказать. Но со стороны Белл Салливан это не выглядело ни черствостью, ни пьяной болтовней. Это было искренним недоумением, вытеснившим прочие эмоции, так как она хорошо знала своего мужа.

— Справедливость заставляет меня сказать, миссис Салливан, — заговорил я, — что я не верю, будто эти двое покончили жизнь самоубийством.

— Вот как?

— Кто-то застрелил их обоих. От полиции вы, вероятно, услышите иную версию, но это правда. Пока что мы не будем больше это обсуждать. Вы поедете ко мне домой.

— Но я не захватила никакой одежды!

— Не важно. Рядом живет девушка, которая об этом позаботится. Вам необходимы еда и сон. Если вы чувствуете достаточно сил, чтобы ходить, давайте спустимся.

С дороги послышался настойчивый гудок автомобиля, и Белл невольно вскрикнула. Я подошел к окну. Сэр Генри Мерривейл с выражением неопишуемой злобы на лице, склонившись вперед, тыкал кончиком костыля в кнопку клаксона.

— Я человек терпеливый, — заявил он, — но у меня на лысине выступает роса, а сломанный палец сигналил о начинающейся пневмонии. Более того, меня настиг мой тюремщик, и я хочу попроситься.

Пол Феррарс выходил из древнего «форда», стоящего позади полицейской машины. Судя по его удивлению при виде моего лица в окне, он, очевидно, полагал, что Г. М. оказался в весьма странной компании.

— Мы сейчас спустимся, — сказал я.

Белл не возражала. С сожалением признаю, что она начала заикаться, а ее походка стала не вполне твердой. Но, учитывая обстоятельства, алкогольная анестезия пришлась кстати. Покуда Крафт запирает дверь верхней комнаты, я помог Белл спуститься по лестнице.

Когда мы вышли из студии, Г. М. и инвалидное кресло — последнее вверх дном — уже переместили в «форд», что было более чем удачно. Отвозя Г. М. в Ридд-Фарм, нам бы пришлось пересекать край Эксмюра, что вызвало бы у Белл Салливан не слишком приятные воспоминания.

Феррарс в испачканных краской фланелевых брюках прислонился к борту своего «форда», покуривая трубку из вишневого дерева. Его смышленная длинноносая физиономия под светлыми волосами, которые он сознательно не причесывал, сохраняла безмятежное выражение, покуда он не увидел девушку. Тогда у него отвисла челюсть.

— Господи! — пробормотал он, подхватив на лету выпавшую изо рта трубку и хлопнув другой рукой по корпусу автомобиля. — Белл Ренфру!

Белл повернулась и двинулась назад в студию. Я схватил ее за руку и заставил повернуться.

— Все в порядке. Это наши друзья. Они не причинят вам вреда.

— Белл Ренфру! — повторил Феррарс. — Что ты делаешь в этих краях? И что с тобой сделали после стольких прекрасных дней, которые мы провели вместе?..

— Это не мисс Ренфру, сэр, — прервал суперинтендент Крафт, — а миссис Салливан. Миссис Барри Салливан.

— О! — произнес Феррарс. После паузы он добавил, слегка покраснев: — Прошу прощения, — и после очередной паузы вскарабкался за руль «форда».

Г. М. на заднем сиденье внимательно смотрел на нас.

— Мэм, — мягко обратился он к Белл, — я старик. Меня считают столь же тактичным, как кирпич, бросаемый в люк. Я не хочу беспокоить вас в такой момент. Но в моих привычках также помогать хромым собакам перелезть через изгородь. Что касается вашей истории...

— Вы слышали ее?

— Ну... вы говорили достаточно громко. Инвалид в состоянии не только сидеть и думать. — В этот момент я протянул ему флягу, решительно отвинтив крышку. — Если вы не возражаете ответить мне на пару вопросов, прежде чем истощится эффект бренди, это могло бы помочь нам в той неразберихе, в которой мы оказались.

— Барри не убивал себя! — вскрикнула Белл. — Ему бы на это попросту духу не хватило! Можете спрашивать меня о чем хотите.

— Отлично. Когда и где вы поженились?

— Значит, вы думаете, что я солгала насчет этого?

— Вовсе нет. Я всего лишь домогаюсь информации.

— Ну а я ничего не домогаюсь, — сказала Белл. — Мы поженились в Хампстеде¹ 17 апреля 1938 года.

— Барри Салливан — это настоящее имя вашего мужа или сценический псевдоним?

— Настоящее имя.

— Откуда вы знаете?

— Потому что он подписывал им письма, чеки и все, что угодно! Не знаю, что еще вам нужно.

¹ Х а м п с т е д — фешенебельный район на севере Лондона, место жительства писателей и художников.

— Вы когда-нибудь бывали в Соединенных Штатах, миссис Салливан?

— Нет.

— А вообще за границей?

— Нет, никогда.

— Угу. Так я и думал. — Он притронулся костылем к плечу Феррарса. — Поехали, сынок.

Звук мотора «форда» нарушил вечернюю тишину. Феррарс дал задний ход и развернул автомобиль. Лысый затылок Г. М. зловеще блеснул, когда они поехали по аллее.

Глава 12

Я пишу это в середине ноября, когда ветер сотрясает окна и над землей кружит смерть. В сентябре бомбардировщики появились над Лондоном. Всего несколько ночей назад они атаковали наши провинциальные города — сначала Ковентри, потом Бирмингем. Говорят, следующим будет Бристоль или Плимут.

Мне приходит в голову, как сильно изменилась жизнь с того времени, о котором я пишу. Вплоть до лета 1940 года мы ни в чем не испытывали особого недостатка. Нормирование бензина не создавало больших трудностей. Продукты, хотя также частично нормированные, оставались в изобилии. Вы могли приглашать гостей к обеду, ни о чем не беспокоясь.

Я подумал об этом в связи с вечером того понедельника в июле, когда Белл Салливан впервые заночевала у нас.

Мы все влюбились в нее — Том, миссис Харпинг и я. Она была из тех, кого молодое поколение именует «клевыми», и ее большие глаза разили наповал. Белл быстро восстанавливала силы. Когда мы привезли ее, шок, как я и предвидел, дал о себе знать в виде озноба, тошноты, учащенного и в то же время едва прощупывающегося пульса. Девушка почти ничего не могла есть.

Но миссис Харпинг приготовила Белл ванну, и мы уложили ее в постель с грелкой и в пижаме Тома. К одиннадцати вечера, хотя Том дал ей сульфонал, чтобы она поспала, Белл сидела в кровати с иголкой и ниткой, зашивая прореху

в платье, которое неутомимая миссис Харпинг успела почистить и выгладить.

Тому очень понравилась девушка — он стал еще более дидактичным и невыносимым, чем обычно. В начале двенадцатого, когда я сидел в своей спальне, куря единственную трубку, которую мне позволяли раз в день, я слышал их романтический диалог за закрытой дверью в соседней комнате:

— Ради бога, женщина, если хотите говорить по-американски, то говорите на настоящем американском, а не на голливудском. Это не одно и то же.

— Да идите вы...

— Идите туда сами! — рявкнул мой невежливый сын, чье поведение у постели пациента отличается скорее энергией, чем утонченностью.

— Как выглядят мои волосы?

— Хуже некуда.

— У вас самого неопрятный вид. В подкладке кармана вашего пиджака дырка. Вы самый неаккуратный мужчина, какого я только видела. Дайте я ее зашью.

— Уберите руки, женщина. Я не позволю, чтобы меня лапали хищные особы.

— Это кто здесь хищная особа, сукин вы сын?

Все эти слова Белл произносила без всякой ожесточенности. Она могла использовать выражения, от которых волосы вставали дыбом, произнося их вполне дружелюбно и даже с нежностью.

— Вы, — ответил Том. — Все вы таковы. Во всем виноваты железы. Сейчас я принесу анатомический атлас и покажу вам...

— Это та штука, где люди выглядят так, словно с них кожу содрали? Нет, спасибо. — Голос Белл дрогнул. — Слушайте, доктор Кроксли, вы знаете суперинтендента Крафта?

— Да. А что?

Белл колебалась. Я хорошо представлял ее глянцевою кожу и каштановые локоны, иголку и нитку в ее пальцах, уютную спальню, которая когда-то принадлежала моей жене.

— Он говорит... что послезавтра будет дознание.

— Ложитесь и спите, — отозвался Том. — Это приказ.

— Но он сказал... что мне, может быть, придется выступать свидетелем и опознавать Барри!

— Да, идентификацию обычно осуществляет ближайший родственник.

— Это значит, я должна буду... смотреть на него?

— Спите, говорят вам!

— Он выглядит... очень страшно?

— Нельзя упасть с утеса высотой семьдесят футов в воду на глубину три или четыре фута, не получив повреждений. Но врач, который производил вскрытие, говорит, что картина вовсе не ужасна, так как оба падали уже мертвыми и их тела обмякли. По его словам, самые сильные травмы были причинены ударами о камни, когда их несло течение.

В этот момент я постучал в стену. Нужно было положить предел медицинским подробностям.

— А теперь спать! — рявкнул Том.

— Я не смогу заснуть.

Тем не менее она заснула, когда начал действовать сульфонал. Зато я не мог сомкнуть глаз. Я метался в кровати под аккомпанемент тиканья часов и в каждом углу видел лицо Риты. Наконец я спустился в приемную в ночной рубашке и выпил легкое снотворное. Врачи позволяют себе это, хотя не рекомендуют пациентам. Когда я проснулся, было уже за полдень. Солнечный свет словно вдохнул в меня новые силы.

Приняв ванну, я почувствовал себя почти бодрым. Оказалось, суперинтендент Крафт и Г. М. уже приходили навесить Белл. Г. М. даже смог подняться по лестнице, опираясь на костыль. Они передали мне просьбу встретиться с ними в доме Алека Уэйнрайта в три часа дня. Спускаясь к более чем позднему завтраку, я столкнулся с Молли Грейндж, выходящей из комнаты Белл.

Меня интересовало, как спокойная и сдержанная Молли поладила с нашей гостьей. Но один взгляд на нее сразу меня успокоил. Хотя лицо Молли слегка покраснело, она улыбнулась мне.

— Познакомилась с миссис Салливан? Она уже встала?

— Встала и одевается, — ответила Молли.

— Как она тебе понравилась?

— Очень. — Молли выглядела озадаченной. — Но ее выражения, доктор Люк...

— Тебе придется к этому привыкнуть.

— И она подходит к окну практически без ничего, — продолжала Молли. — Мужчины в «Карете и лошадях» толпятся у окон и пялят на нее глаза. Если вы не будете осторожны, доктор Люк, то заработаете себе скверную репутацию в Линкоме.

— В мои-то годы?

— Я только что отдала ей мою последнюю пару шелковых чулок. Но, как говорит Белл, черт с ними. Надеюсь, мы не должны представлять ее отцу? Его хватит удар.

— Почему полиция хотела ее видеть?

Лицо Молли омрачилось.

— Они спрашивали, есть ли у нее фотографии Барри Салливана. Она ответила, что есть, но когда полиция обыскивала лондонскую квартиру Салливанов, то не смогла найти ни одной.

— Актер без единой собственной фотографии?

— Да, странно.

— Послушай, Молли! — сообразил я. — У Уэйнрайтов должна быть дюжина его снимков. Помнишь, он и Рита все время фотографировали друг друга?

— Полиция побывала и там. Но похоже... — Молли поджала губы, — кто-то нарочно порвал все их фотографии. Понимаете, доктор Люк? Кто-то настолько их ненавидел, что уничтожил даже снимки!

Зло вернулось опять. Я всегда буду помнить Молли в этот момент, с вздымающейся и опускающейся грудью и желтыми волосами, освещаемыми солнцем через окно позади.

— Кто-то ненавидел их достаточно, чтобы убить, Молли.

— Неужели вы все еще этому верите? — спросила она.

— Верю и собираюсь заявить об этом на дознании.

— Вы не должны этого делать!

— Обязательно сделаю. А теперь иди — мне нужно позавтракать.

Но Молли колебалась.

— Не похоже, чтобы у миссис Салливан не было ни одного друга в этих краях. Кажется, она знакома с Полом Феррарсом.

— Вроде бы да.

— Белл поведала мне, что ни с кем не бывает так весело «кирять» — очевидно, она имела в виду выпивать, — как с ним. Очень интересно. Но помяните мои слова, доктор Люк, нашу маленькую приятельницу скоро будут обсуждать повсюду.

Это стало очевидным, когда я, позавтракав, вышел за ворота подышать воздухом. Харри Пирс, хозяин «Кареты и лошадей», появился из своего бара с видом нехотя исполняющего рутинные обязанности разведчика. Харри являет собой образец старомодного толстого бармена с липкой прядью волос на лбу, распространяющего вокруг аромат алкоголя.

— Не обижайтесь, доктор Люк, — начал он, — но я и некоторые мои клиенты хотели бы знать, что здесь происходит.

— В каком смысле?

— Сначала два человека прыгают в море с утеса. Вчера толстый джентльмен, как танковая дивизия, вламывается в мой бар и разбивает вдребезги одиннадцать пивных кружек, два графина с водой, одну пепельницу и один столик...

— Я очень сожалею, мистер Пирс...

— Против этого джентльмена я ничего не имею — он щедро оплатил ущерб, — заверил меня Харри, подняв руку, как будто приносил присягу. — Но такие вещи не слишком нравятся людям, которые собираются выпить первую кружку за день, верно?

— Разумеется.

— Это расстраивает клиентов. А сегодня утром молодая леди — и притом очень красивая — показывается практически голый в окне вашего дома!

— Надеюсь, это клиентов не расстроило?

— Нет, но это расстроило мою старуху. — Харри понизил голос. — И другим леди это тоже не слишком понравилось. Кто-то успел настучать пастору в церкви Святого Марка, который явился сюда, сожалея, что не успел вразумить грешницу. А тут еще Уилли Джонсон и этот чертов Нерон.

— Чертов кто?

— Император Нерон, который играл на скрипочке, когда горел Рим.

— А он тут при чем?

Харри удрученно покачал головой:

— Вчера кто-то дал Уилли десять шиллингов...

— Да, знаю.

— И тот отправился в кино в Линтоне. Вернувшись, он зашел сначала в «Корону», потом ко мне и не мог говорить ни о чем, кроме этого Нерона. Уилли утверждает, что такого злодея он ни разу не видел даже в фильмах. Вроде бы он скормил львам пятьдесят или сто христиан, пока выпил пинту горького.

— Да, но...

— Уилли продолжал бушевать, пока я не отказался его обслуживать, чтобы не потерять лицензию. Тогда он отправился в «Черный кот», и Джо Уильямсу хватило ума отпустить ему бутылку виски в кредит. — Харри снова покачал головой. — Держу пари, сегодня утром он надрызгается в стельку.

— На вашем месте я бы из-за него не беспокоился. С ним все будет в порядке.

— Надеюсь, доктор.

— Что касается молодой леди в моем доме...

— Ну?

В его глазах блеснул интерес, и это мне не понравилось.

— Можете сообщить миссис Пирс и другим леди, что девушка, которую они видели, — миссис Барри Салливан. Она потеряла мужа, очень расстроена и не хотела бы, чтобы за ней шпионили. Вы передадите им это?

Харри колебался.

— Ладно, доктор. Пусть вас не удивляет, что им это не нравится. С этой войной на нас словно обрушилось проклятие. Некоторые только и ломают голову над тем, что случится в следующий раз.

Откровенно говоря, я разделял эту точку зрения. Было начало третьего, когда я сел в свой автомобиль и поехал к дому Алека.

Небо было голубым, как яйцо малиновки, сельская местность никогда не выглядела красивее, но бунгало у Прыжка

Влюбленных казалось подрыхлевшим, как и его владелец, и еще более обветшавшим, чем в субботу вечером. Яркие пляжные кресла все еще находились на лужайке. Я вспомнил, что, когда в субботу начался дождь, Барри Салливан собирался унести их, но, очевидно, он этого не сделал.

Я оставил машину на подъездной аллее. Марта, старая служанка, впустила меня в дом и проводила наверх. Шаги по деревянному полу отзывались гулким эхом.

Алек и Рита, поселившись в бунгало, делили большую спальню в задней части дома, но в последнее время там оставалась только Рита — Алек перебрался в переднюю комнату. Однако, таща его наверх в субботу вечером, я забыл об этом и поместил в комнате Риты, куда направлялся сейчас.

Миссис Гроувер, дневная сиделка, ответила на мой стук в дверь.

— Как он, сестра?

— Насколько я могу судить, не лучше и не хуже.

— Беспокоится?

— Не очень. Иногда зовет жену.

— Вы не пропускали к нему никаких посетителей?

— Нет, доктор. Мисс Пейн и я дежурили днем и ночью, и к нему никто не приходил.

Я вошел, закрыв за собой дверь. На двух больших окнах, обращенных к морю, были задернуты белые льняные занавеси. Окна были открыты, и портьеры затрепетали от сквозняка из двери. Материал для затемнения был убран под тяжелые балдахины и цветастые ситцевые занавески.

Алек спал в большой двойной кровати красного дерева у правой стены. В комнате ощущался знакомый неприятный запах больной плоти. Это была вина самого Алека — никакой организм в его возрасте не мог противостоять шоку после стольких лет злоупотребления виски, хотя сейчас было неподходящее время для проповедей. Я пощупал его пульс и посмотрел на температурную карту в изножье кровати. В тусклом беловатом свете я видел, что Алек что-то сжимает в руке, лежавшей на груди поверх одеяла.

Кожа руки, поднимающейся и опускающейся вместе с грудью, была испещренной венами. Из кулака торчала хромированная головка ключа, с выгравированными на ней именем

«Маргарита» и двойным узлом. Алек по-прежнему дорожил ключом.

— Сестра!

— Да, доктор?

— Видите этот ключ у него в руке? Вы, случайно, не знаете, от чего он и почему мистер Уэйнрайт так к нему привязан?

Миссис Гроувер колебалась. Сиделка не должна вникать в личные дела пациента, но в это дело она явно вникла. Очевидно, решив, что мой вопрос не является ловушкой, она подошла к туалетному столику, окруженному с трех сторон зеркалами, и выдвинула ящик.

— Думаю, доктор, ключ от нее. Хотя, конечно, я не уверена.

Внутри, среди безделушек Риты, находилась большая шкатулка из слоновой кости. Над замком было выгравировано золотыми буквами слово «Маргарита», а под ним — двойной узел голубого цвета.

— Как видите, рисунок тот же самый, — указала миссис Гроувер.

Я поднял шкатулку — она была очень тяжелой — и встряхнул ее, но ничего не услышал. Под ней была рассыпавшаяся пудра, имевшая аромат еще недавно живой женщины.

Вещи Риты выглядели типичными для нее — одна тонкая лайковая перчатка, дорогие часы без стрелок, разноцветные носовые платки, шпильки, булавки, пустые баночки, тубики кольдкрема, пачка продуктовых карточек и паспорт. Все было усыпано пудрой.

Я подобрал паспорт с фотографиями куда более молодых Риты и Алека. Алек выглядел здоровым и уверенным, на его губах играла улыбка. Рита в шляпке-колоколе казалась наивной девушкой. «Подателя сего сопровождает его жена, Маргарита Дюлейн Уэйнрайт, родившаяся 20 ноября 1897 года в Монреале, доминион Канада...»

Значит, Рите было сорок три года, а не тридцать восемь, как она утверждала. Не то чтобы это имело значение... Я положил назад паспорт и шкатулку и закрыл ящик.

Миссис Гроувер кашлянула.

— Доктор, я говорила, что здесь никого не было. Но один человек подходил к дому и скандалил, пока Марта его не прогнала.

— Кто?

— Этот ужасный Уилли Джонсон, пьяный вдребезги.

К этому времени упоминания о мистере Джонсоне начали меня раздражать.

— Он говорил, что профессор Уэйнрайт что-то украл у него, — продолжала миссис Гроувер, — а потом направился к садовому сараю с другой стороны гаража. Думаю, он все еще там. Мы не хотели звонить в полицию из-за такой мелочи. Не могли бы вы что-нибудь предпринять?

— Предоставьте это мне, сестра. Я с ним справлюсь.

Спустившись, я прошел через гостиную, где портрет Риты приветствовал меня полуулыбкой, и столовую в кухню, откуда спустился на задний двор.

С субботнего вечера дождя не было. За чахлой травой обширная полоса сырой красноватой почвы тянулась к Прыжку Влюбленных. Геометрические узоры белой галькой обозначали контуры тропинки к утесу. На земле все еще виднелись четкие отпечатки ног двух любовников, которые не вернулись назад.

Вдалеке, среди сверкающей на солнце голубой воды, лениво двигался серый траулер. С моря дул легкий бриз.

— Эй! — внезапно послышался чей-то голос.

Со стороны сарая возле теннисного корта ко мне приближался мистер Уилли Джонсон.

Он шел с преувеличенной осторожностью, словно подкрадываясь. Широкополая шляпа была натянута почти до бровей; под ней, в попытке сфокусировать зрение вдоль линии носа, бегали налитые кровью глаза. Из кармана пиджака торчало горлышко бутылки, опустошенной по крайней мере наполовину. Остановившись на некотором расстоянии, мистер Джонсон указал на меня пальцем и заговорил хриплым голосом:

— Я видел ужасные сны.

— Вот как?

— Ужасные сны, — повторил мистер Джонсон. — Я видел их всю ночь. Кое-кто за это заплатит.

— Вы заплатите за это сами, если не перестанете пить.

Но мистера Джонсона это не интересовало.

— Я видел, — продолжал он, — императора Нерона, который судил меня. Он курил сигару за полкроны, а рядом были

связанные люди, покрытые смолой, чтобы ему было удобно их поджигать. В жизни не видел такой страшной рожи! Позади стояли гладиаторы с мечами и трезубцами. Он склонился вперед и сказал мне...

Мистер Джонсон сделал паузу, чтобы откашляться, но предпочел другое средство прочистить горло. Достав из кармана бутылку, он вытер рот рукавом, отмерил глазами содержимое, держа бутылку на свету, и поднес ее ко рту.

В этот момент кое-что произошло.

Глава 13

Уже несколько секунд я слышал тарахтение, предполагающее близость какого-то легкого транспортного средства с мотором. Я не стал выяснять, что это, так как отлично это знал. Должен признаться, это вызвало во мне ощущение неминуемой катастрофы, наподобие того, которое вызвало у капитана Крюка приближение крокодила с часами внутри¹.

Но я не догадывался о масштабах надвигающейся катастрофы.

Невидимый экипаж тарахтел все ближе за углом дома позади меня. Мистер Уилли Джонсон, все еще держа бутылку около рта, опустил один глаз, дабы посмотреть на источник звука.

Думаю, я еще никогда не видел такого ужаса ни на одном человеческом лице, как тот, что появился на лице мистера Джонсона. Не могу утверждать, что его волосы встали дыбом, так как он был в шляпе, но в данном случае готов признать этот феномен. Страх полностью парализовал его. Зрелище было настолько жутким, что я обернулся.

В приближающейся инвалидной коляске находилась знакомая и в то же время незнакомая фигура. На лысой голове ее обладателя громоздилось нечто, впоследствии представленное лавровым венком. Это сооружение держалось креп-

¹ Имеется в виду эпизод из сказки шотландского писателя Джеймса Барри (1860—1937) «Питер Пэн».

ко, как шляпа-котелок на букмекере, а два его кончика торчали в стороны наподобие рожек.

Вокруг бочкообразной фигуры обвивалось складками, как скверно завязанный бинт, белое шерстяное одеяние с пурпурной каймой. Оно оставляло обнаженным только правую руку, декорированную сверкающим на солнце украшением из бронзы. На ногах, упирающихся в подножку коляски, были сандалии, а большой палец правой ноги был перевязан. Широкая физиономия со съехавшими на кончик носа очками и сигарой во рту выражала неопишемую злобу.

Последовавшие события были несколько хаотичными.

Дикий вопль Уилли Джонсона, вероятно, слышали даже на борту траулера. Какое-то время он оставался неподвижным, потом снова завопил и швырнул бутылку в видение, приближавшееся к нему со скоростью около двадцати миль в час.

Сказать, что Джонсон пустился бегом, было бы чересчур мягко. Поравнявшись с велосипедом, он вскочил на него на бегу. Человек и велосипед слились в одно целое за долю секунды.

Но мое внимание привлекало другое.

Когда в голову запускают наполненной до середины бутылкой виски, это способно лишить хладнокровия даже благороднейшего из римлян.

Бутылка просвистела мимо головы сэра Генри Мерривейла и упала между суперинтендентом Крафтом и Полом Феррарсом, когда они выбежали из-за угла дома. Феррарс, через руку которого был переброшен комплект одежды, споткнулся о нее.

Г. М. инстинктивно поднял руки, прикрывая лицо. Рычаг управления, брошенный на произвол судьбы, вынудил коляску сделать поворот и устремиться напрямик к краю утеса.

— Ради бога, поворачивайте! — крикнул Феррарс. — Иначе свалитесь с обрыва!

Г. М. спасли только мягкая почва и собственный вес. Подпрыгивающая коляска оставляла за собой две глубокие колеи. Костыль выпал у него из руки. Мотор закашлялся и смолк. Коляска сделала последний рывок и остановилась,

увязнув в сырой земле на самом краю скалы. Ноги в сандалиях повисли над обрывом.

Под теплыми лучами солнца воцарилась тишина.

Паузу нарушил Феррарс. Взяв за подтяжки висящие у него на руке брюки, он изо всех сил хлопнул ими оземь.

— Это уж слишком! — заявил он.

— Что вы делаете с моими штанами? — сердито проворчала фигура, неподвижно сидящая в коляске лицом к морю. — Я не могу повернуться, но слышу, что вы что-то с ними делаете!

— Ничего в сравнении с тем, что я хотел бы сделать с вами, — сдержанно отозвался Феррарс. — Слушайте, Аппий Клавдий¹, если вы решили покончить с собой, почему бы вам не взять револьвер и не проделать это наверняка? Я больше не могу выносить ваших выходов!

— Не двигайтесь, сэр! — в ужасе крикнул суперинтендент Крафт.

— Это я могу охарактеризовать как совет законченного тупицы, — заявил Г. М. — Что, по-вашему, я собираюсь сделать — шагнуть вперед и полететь?

— Я только имел в виду...

— Швырять в людей бутылками с виски! — продолжал сердитый голос, обращаясь к морю. — Стоит выйти из-за дома, как вам прямиком в физиономию бросают бутылку! Знаете, сынок, в этой чертовой дыре бесятся не только собаки, но и люди. Как насчет того, чтобы принять какие-то меры, когда забава подошла к концу? Вы собираетесь оставить меня сидящим здесь, как король Канут², или оттащите назад?

Суперинтендент с сомнением посмотрел на него:

— Не знаю, рискнем ли мы оттащить вас, сэр.

Фигура в тоге воздела обе руки к лавровому венку и крепче натянула его на голову.

¹ Аппий Клавдий Цек (Слепой) (340—273 до н. э.) — римский политик.

² Имеется в виду Кнут Великий (994?—1035), король Англии с 1017 г., Дании с 1018 г. и Норвегии с 1028 г. Существует легенда, что он, стремясь вразумить лстивых придворных, велел посадить его на троне на берегу океана и приказал приливу остановиться. Когда этого не произошло, он объяснил, что повелевать морями может только Бог.

— Лично меня ничего не восхищает более, чем морской пейзаж, — продолжал Г. М. — Признаю, что он великолепен. Но я не могу избавиться от ощущения, что через двое суток он понемногу начнет приедаться. К тому же как быть, если мне понадобится в уборную? Черт побери, почему вы не можете оттащить меня?

Мы подошли к увязшему креслу. Г. М. не мог дотянуться до рычага, который, будучи направлен вперед, торчал над обрывом.

— Ну, сэр, — сказал Крафт, — вы увязли в земле почти по самые оси. Мы не в состоянии просто оттащить коляску — сначала нужно ее выдернуть. Но если мы это сделаем, вы можете свалиться с обрыва. — Он задумался. — Не могли бы вы как-нибудь изогнуться и вылезти сами?

— Изогнуться? — повторил Г. М. — Хороший совет, нечего сказать! Кто я, по-вашему, — чертова змея? Не могли бы вы оба перестать пороть чушь и придумать для разнообразия что-нибудь практичное?

— В конце концов, — утешил его Крафт, — даже если вы свалились, ничего страшного не произошло бы. Сейчас высшая точка прилива, и вы бы просто упали в воду.

Затылок Г. М. начал багроветь.

— У меня есть предложение, — сказал Феррарс.

Медленно и осторожно Г. М. вытянул в сторону шею и часть туловища, чтобы видеть нас. Лавровый венок щеголевато съехал на ухо, в углу рта торчала сигара. Во взгляде, устремленном на художника, светилось глубочайшее подозрение.

Губы Феррарса подергивались — он с трудом удерживался от смеха. Ветер ерошил его светлые волосы, а зеленоватые глаза смотрели отнюдь не простодушно. Все еще держа за подтяжки брюки Г. М., он похлопывал ими по земле.

— Я скажу вам, что мы можем сделать, — продолжал Феррарс. — Нужно раздобыть веревку для сушки белья и привязать его к коляске.

— Неплохая идея, сэр! — одобрил Крафт.

— Тогда мы сможем дергать коляску сколько угодно. Он не обязательно упадет.

— Больше всего мне нравится слово «не обязательно», — заметил Г. М. — Оно так утешает. Но, хотя вам это может

показаться странным, я предпочитаю плавать не привязанным к инвалидной коляске с мотором весом в двести фунтов. Вы, ребята, способны изобретать трюки, которые могут посрамить самого Гудини¹.

— Мы не позволим вам упасть, — заверил его Крафт. — Если вы отказываетесь, то что еще вы можете предложить?

— Не знаю! — огрызнулся благородный римлянин, стуча кулаком по подлокотнику коляски. — Я только прошу вас хотя бы немного использовать качество, которое Господь даровал ассирийским обезьянам...

— Осторожно, сэр! — крикнул Крафт, когда коляска накренилась на два дюйма.

Г. М. выплюнул сигару с такой силой, что она взвилась в воздух, прежде чем полететь вниз. Потом, снова изогнув шею, он заметил меня.

— Если это доктор Кроксли, не могли бы вы объяснить старику, почему этот парень кидался в меня бутылками? Насколько я помню, вчера я дал ему десять шиллингов. Вот как бывает. Вы даете человеку десять шиллингов, он покупает на них виски, а потом кидает бутылку вам в физиономию. Очевидно, здесь такие понятия о благодарности.

— Должно быть, Джонсон принял вас за императора Нерона.

— За кого он меня принял?

— Вчера вечером он смотрел «Камо грядеши»² или какой-то фильм вроде этого, и Нерон застрял у него в голове. Вы сами видели, как его почти парализовало, когда вы выехали из-за угла.

К моему удивлению, Г. М. выглядел умиротворенным.

— Ну что ж, возможно, между нами есть некоторое сходство, — согласился он. — Ведь я говорил вам, что Феррарс пишет мой портрет в виде римского сенатора?

— Да, — кивнул Феррарс. — И это еще одна проблема. Если мы вытащим вас отсюда...

— То есть как это «если»?

¹ Гудини Гарри (Эрих Вайсс) (1874—1926) — американский иллюзионист.

² «Камо грядеши» — неоднократно экранизированный исторический роман польского писателя Генрика Сенкевича (1846—1916).

— Именно это я и сказал. Если мы вытащим вас отсюда, вы должны обещать облачиться в свою одежду, как цивилизованный человек, а также раз и навсегда вылезти из этой чертовой коляски. Иначе мы оставим вас торчать здесь, пока вы не превратитесь в статую.

— Как, во имя Сатаны, я могу вылезти из коляски? Я же инвалид!

— Чепуха, — возразил Феррарс. — Утром доктор снял лубок и сказал, что вы вполне можете ходить, только осторожно ступая правой ногой.

Г. М. снова воздел руки к лавровому венку.

— Некоторые люди, — заметил он, — считают, что можно поддерживать элегантную и остроумную беседу, наполовину вися над обрывом. Вероятно, вы или Джордж Бернард Шоу¹ на это способны, но только не я. Говорю вам прямо, сынок: я чувствую себя как в третьем эпизоде «Опасностей Полины»² и теряю самообладание. Вы собираетесь вытащить меня отсюда или нет?

— А вы обещаете надеть ваш костюм?

— Хорошо, обещаю! Только...

— Осторожно, сэр! — снова крикнул Крафт.

— Нам не хватает только хорошего эффектного оползня, — продолжал Г. М. — Говорю вам, я чувствую, как эта штука движется подо мной! Люди, способные поступать так, как поступаете со мной вы, могли бы отравить молоко для младенца и украсть пенни у слепого.

Феррарс удовлетворенно кивнул. Хлопнув последний раз по земле брюками Г. М., откуда посыпались монеты и выпала связка ключей, он положил всю одежду на землю и повернулся ко мне:

— Пошли, доктор. В кухне должна быть веревка для сушки белья.

Хотя Марты в кухне не оказалось, мы нашли веревку в одном из нижних ящиков шкафа. Привязав тело Г. М. к спинке коляски, мы начали тянуть ее под аккомпанемент сыпавшейся

¹ Шоу Джордж Бернард (1856—1950) — английский драматург, романист и критик.

² «Опасности Полины» — киносериал, поставленный в 1914 г., по которому был снят целый ряд ремейков.

ся на нас отборной ругани. В один скверный момент коляска сильно накренилась, но нам удалось ее выпрямить. Отвязывая Г. М., мы ощущали легкую тошноту.

Лучше всех чувствовал себя сам благородный римлянин. Величественно поднявшись с коляски и преувеличенно хромая на правую ногу, он повернулся в разные стороны. Являя собой весьма выразительное зрелище на фоне горизонта, в колыхаемой ветром тоге, Г. М. произвел неотразимое впечатление на двух рыбаков, проплывающих в лодке внизу. Бросив полный ненависти взгляд на Феррарса, он начал подбирать свою одежду, когда из задней двери вышла Марта.

Мне казалось, старую служанку ничто не способно удивить. Но, передавая сообщение, она с испугом поглядывала на Г. М.

— Скотленд-Ярд просит к телефону суперинтендента Крафта.

На залитом солнцем утесе воцарилась мертвая тишина.

— Значит, телефон исправили? — спросил я наконец.

— О да, — проворчал Г. М. — И теперь мы, возможно, услышим новости о шутнике, который перерезал провода. Пошли!

Феррарс протянул ему костыль, и мы направились к дому, где прошли в гостиную через кухню и столовую. Недалеко от радиоприемника, по которому в субботу вечером четыре человека слушали «Ромео и Джульетту», стоял телефон. Солнце освещало противоположную сторону бунгало, и комната выглядела мрачно. Пока мы садились, Крафт взял трубку.

— Да, — сказал он. — Говорите. — Телефон, казалось, давился от смеха. Здоровый глаз Крафта устремился на Г. М. — Да, он сейчас здесь. Сидит рядом со мной.

Г. М. с трудом выпрямился.

— Кто это? — осведомился он.

— Старший инспектор Мастерс. — Крафт прикрыл рукой микрофон. — У вас есть для него какое-нибудь сообщение?

— Да. Скажите этому грязному псу: я надеюсь, что он подавится.

— Сэр Генри передает вам свои наилучшие пожелания, старший инспектор... Что-что? Разумеется, я трезв!.. Да, его

палец гораздо лучше... Нет, не могу сказать, что он наслаждается отдыхом.

— Два дня подряд меня чуть не убивают, а он спрашивает, наслаждаюсь ли я отдыхом! Дайте мне поговорить с этим занудой!

Крафт снова прикрыл микрофон.

— Вы слишком взбудоражены, сэр. А кроме того... они нашли это.

По телефону говорили долго, хотя мы не могли разобрать ни слова. Остальные молчали. Феррарс откинулся на спинку кресла, скрестив ноги в грязных фланелевых брюках и сунув руки в карманы серого свитера. Ворот его рубашки был растегнут, демонстрируя вздрагивающий кадык. Он смотрел на висящий над камином портрет Риты, и в его взгляде светилась жалость. Потом он закрыл глаза.

Лицо суперинтендента Крафта стало неподвижным, как его стеклянный глаз. Достав из внутреннего кармана записную книжку и карандаш, он положил книжку на телефонный столик и начал быстро писать. Наконец Крафт вздохнул, произнес слова благодарности и положил трубку. Когда он повернулся, его лицо было мрачнее обычного.

— Ну, сэр, — со вздохом признался суперинтендент, — похоже, вы были правы.

— Конечно прав, сынок.

— И может быть... — Крафт посмотрел на меня, — доктор тоже был прав.

— Прав насчет чего? — спросил Феррарс, открыв глаза.

— Говорите, сынок! — нетерпеливо сказал Г. М. — Я гошу в доме этого парня и знаю его. Он не станет болтать.

Крафт заглянул в записную книжку.

— Вы когда-нибудь слышали о театральном буклете под названием «Спотлайт»?

— Разумеется. Это рекламное издание для актеров.

— Полиция нигде не могла найти фотографию Барри Салливана, но в офисе «Спотлайта» обнаружился старый снимок. Этим утром они отнесли его в американское консульство на Гроувнор-сквер. — Крафт смотрел на наконечник своего карандаша. — В консульстве нет сведений ни о каком Барри Салливане. Но одна из девушек в американском паспортном

отделе сразу его узнала. У них имеются его фотография и отпечаток правого большого пальца — это новая военная мера, — так что мы достаточно легко можем это проверить. Настоящее имя «Барри Салливана» — Джейкоб Мак-Натт. Он родился в 1915 году в Литл-Роке, штат Арканзас. Я записал все данные. — Крафт постучал по записной книжке. — Может быть, вы читали в газетах, что американский лайнер «Вашингтон» прибывает в Голуэй на этой неделе?

— Да, — ответил я. — Алек Уэйнрайт упоминал об этом.

— Чтобы забрать американцев и их семьи, которые хотят вернуться в Соединенные Штаты?

— Да.

— Джейкоб Мак-Натт, он же Барри Салливан, — медленно произнес Крафт, — вместе с женой зарезервировал место на «Вашингтоне» некоторое время назад.

В голове у меня начали складываться смутные очертания истинной картины событий.

— С женой? — переспросил Феррарс.

Крафт кивнул.

— Мы не смогли раздобыть фотографию миссис Уэйнрайт, — объяснил он. — Но один из джентльменов в американском консульстве узнал ее по описанию. «Женой» была Рита Уэйнрайт. Он должен был это знать, так как выдавал ей визу в Штаты.

Я поднялся со стула, но снова сел.

— У нее был британский паспорт, выданный на имя Риты Дюлейн Мак-Натт. А внизу стояло официальное примечание: «Жена американского гражданина». Согласно американскому закону, англичанка, которая выходит замуж за американца, не принимает гражданство мужа. Она сохраняет собственный паспорт.

— Но Рита не вышла замуж за Салливана! — возразил я.

Крафт фыркнул.

— Она заключила с ним брак, так как должна была получить этот паспорт.

— У Риты был другой паспорт! Я видел его в ящике туалетного столика наверху!

— Он был для нее бесполезен. Понимаете, доктор, корабль должен забрать только американцев и их семьи. К тому же,

если Рита намеревалась исчезнуть и начать новую жизнь, она должна была обзавестись и новой личностью. Поэтому ей пришлось под фальшивым предлогом получить новый паспорт.

— Послушайте, доктор, — терпеливо заговорил Г. М. — Все происходило у вас на глазах, но вы этого не замечали. Эти двое, Рита Уэйнрайт и Барри Салливан, никогда не намеревались убивать себя. «Самоубийство по сговору» было тщательно спланированной фальшивкой, разыгранной так ловко, что, по-своему, вызывает у меня восхищение! Оно должно было обмануть не только Алека Уэйнрайта, но и всю Англию.

Рита считала это единственным выходом. Она любила мужа и не хотела причинить ему боль, но отказаться от любовника тоже не могла. Поэтому ее истеричная романтическая натура приняла план, который, как ей казалось, решал все проблемы. Она не могла просто убежать с Салливаном. Но если бы муж и весь мир считали их мертвыми, им было бы не о чем беспокоиться. Очаровательная и весьма характерная идея, как увернуться от ответственности. Неужели вы еще не поняли?

Глава 14

— А если не поняли, — добавил Г. М., — то постарайтесь вспомнить. — Машинально он стал нащупывать карман с портсигаром, но обнаружил только тогу и с отвращением посмотрел на нее. — Рита Уэйнрайт 22 мая пришла в вашу приемную в крайнем возбуждении. Она хотела, чтобы вы что-то для нее сделали. Каковы были ее первые слова, обращенные к вам? «Я поссорилась с моим солиситором. Естественно, ни один священник никогда этого не сделает. И я не знаю ни одного мирового судью. Вы должны...» И она оборвала фразу. Это правда?

— Да, — кивнул я.

— А для чего требуется рекомендация лично знакомого врача, юриста, священника или мирового судьи?

— Для паспорта, — ответил Феррарс, выпрямившись в кресле.

Передо мной живо предстал образ Риты в моем кабинете, с алыми ногтями и испуганными глазами, пытающейся сказать мне что-то. «Все так запуталось, — слышал я ее голос. — Вот если бы Алек умер...» А потом беглый взгляд на меня, проверяющий, как я воспринял ее реплику.

Тем не менее я продолжал протестовать:

— Говорю вам, это фантастично! Чем бы они зарабатывали на жизнь? У Салливана не было практически ничего, да и у Риты не было своих денег.

— Если помните, — сказал Г. М., — вы задали ей тот же вопрос. И это ее несколько не обеспокоило, сынок. Потому что у нее имелся ответ. Как насчет бриллиантов?

Его взгляд устремился к портрету Риты над камином. Впервые я перестал сосредотачиваться на ее улыбающемся лице, вспомнив, что, как я указывал в этих записках, Феррарс рисовал ее в бриллиантовом ожерелье на шее и бриллиантовых браслетах на запястьях. Теперь нарисованные бриллианты словно подмигивали мне.

— Вы сами, — продолжал Г. М., — рассказывали мне, как профессор Уэйнрайт любил увешивать жену бриллиантами. Скоро драгоценности запретят вывозить из страны, но пока что они служат выгодным товаром для продажи.

— Но Алек Уэйнрайт практически разорен, — возразил я. — Очевидно, эти бриллианты — все, что у него оставалось. Рита никогда бы не забрала их без...

— Практически разорен, — пробормотал Г. М. — Угу. А она об этом знала?

Правда — беспощадная штука.

— Ну... если подумать, нет. Алек сам говорил мне об этом.

— Он вел свой бизнес строго конфиденциально?

— Да.

— И жена считала его состоятельным человеком?

— Очевидно.

— Давайте проясним этот вопрос до конца, — сказал Г. М. — Кто-нибудь знает, где хранились эти бриллианты?

— Я могу вам ответить, — вмешался Феррарс. — Фактически я говорил вам вчера вечером. Рита хранила их в большой шкатулке из слоновой кости наверху, в своей спальне. Шкатулка открывается маленьким ключом, похожим на

ключ от американского замка, но меньшего размера, с выгравированными на нем именем «Маргарита» и двойным узлом.

Г. М. с неудовольствием посмотрел на меня.

— Муж, конечно, о многом подозревал, — сказал он. — Это доказывает каждое процитированное вами его слово в субботу вечером. «Убить меня! Вижу, вы совсем не знаете мою жену. Нет, убивать меня они не собираются. Но я могу сказать вам, что они планируют». Но Алек слегка ошибался, не предвидя трюк с фальшивым самоубийством. Он думал, что они просто собираются сбежать. Вспомните, что произошло. Вы вернулись с утеса и сообщили ему, что пара бросилась в море. Это ошеломило его. Он закричал, что не верит этому. А потом он побежал наверх и сказал, когда спустился: «Ее одежда на месте, но...» — после чего протянул маленький ключ. Это означало, тупоголовые вы мои, что бриллианты исчезли.

Последовало молчание.

Феррарс, медленно покачивая головой, смотрел в основном на ковер. Один раз он бросил взгляд на портрет, и его костлявый подбородок сразу напрягся.

— Вы хотите сказать, — заговорил он, — что мистер Уэйнрайт собирался позволить им забрать бриллианты?

— Конечно.

— Хотя у него самого почти не осталось денег?

— Бывают такие люди, сынок. — Голос Г. М. звучал виновато. — Судя по всему, Алек Уэйнрайт — один из них. Можно ли удивляться, что он чувствует себя больным, усталым и испытывает отвращение к миру?

С каждой новой деталью становилось все труднее оспаривать версию Г. М. К тому же было невозможно подвергать сомнению показания консульства, предъявившего копии паспортов и визы.

Но даже если все происходило именно так, было ли необходимо рвать и метать, вспоминая о Рите? Как заметил Г. М., это было абсолютно характерно для нее. Она приносила в мир разрушение, но ее намерения были добрыми. Она едва не убила Алека, но это не входило в ее планы. Воздавая должное Алеку, следует ли непременно порицать Риту?

— Что касается миссис Уэйнрайт и Салливана — будем называть его так, — то становятся понятными их действия, — продолжал Г. М. — Рита получила новый паспорт. Салливан пригнал сюда свою машину и спрятал в студии, чтобы они могли ускользнуть, когда трюк сработает.

— Ускользнуть, сэр? — переспросил суперинтендент Крафт.

— Разумеется. Сначала в Ливерпуль, а потом, избавившись от автомобиля, в Ирландию и Голуэй. Далее, им пришлось уничтожить все свои фотографии. Почему? Потому что вскоре они собирались фигурировать в качестве жертв ужасной трагедии. Газеты начали бы охоту за их снимками.

— Понятно, — задумчиво промолвил Крафт. — Они не могли допустить, чтобы кто-то из американского консульства или британского паспортного бюро увидел фотографии в газете и сказал: «Никакие это не миссис Александер Уэйнрайт и мистер Барри Салливан. Это мистер и миссис Джейкоб Мак-Натт, которые сейчас плывут в Америку».

Г. М. развел руками.

— Если вам мало доказательств, — обратился он ко мне, — подумайте о происшедшем в субботу вечером. Кто выбрал этот вечер, когда у горничной был выходной? Рита Уэйнрайт. Кто уволил садовника Джонсона, потому что он всюду совал нос? Рита Уэйнрайт. Кто наложил вето на предложение мужа пригласить других гостей и настоял, чтобы присутствовали только четверо? Рита Уэйнрайт. Наконец, какое время любовники выбрали для их драматического фокуса-покуса? Естественно, девять часов. А почему? Потому что Алек Уэйнрайт — фанатик радионовостей. Как только успокаивающий голос Джозефа Маклауда или Элвара Лидделла звучит в эфире, он становится глух и слеп ко всему остальному. Никто не стал вмешиваться, когда пара вышла из комнаты. Муж был слишком занят, а гость — слишком смущен.

Уверяю вас, тогдашнее поведение Риты не было игрой. Вся эта чрезмерная эмоциональность была для нее столь же реальной, как будто она действительно собиралась покон-

чить с собой. Она с искренней нежностью гладила волосы на голове мужа и плакала настоящими слезами.

В каком-то смысле, ребята, Рита прощалась с жизнью. Она отрезала прошлое острым ножом. Если хотите, можете назвать это высокопарной чепухой, но Рита так не считала. Она выходит из дома, и красавчик Салливан, слегка нервничающий из-за того, что они уносят с собой бриллианты стоимостью пять или шесть тысяч фунтов, идет следом.

Г. М. нахмурился и ирочистил горло.

Феррарс зажигал трубку. Пламя спички осветило его худые запястья и впадины под скулами.

— Скажите мне вот что. — Он задул пламя, и кошачья улыбка мелькнула под его длинным носом. — Этот Барри Салливан, или Джейкоб Мак-Натт, действительно любил Риту или его интересовали только бриллианты?

— Ну, я ни разу его не встречал. Судя по описаниям, особенно его жены...

— Вы имеете в виду Белл?

— Да. Рискну предположить, что имело место то и другое. Совесть не мешала ему делать то, что не следовало, — она только не позволяла ему наслаждаться этим. Но вернемся к их поведению в субботу вечером. Они выбегают из этой комнаты. А потом...

— Да, сэр? Что потом? — осведомился суперинтендент Крафт.

— Не знаю! — рявкнул Г. М. — Не имею ни малейшего представления! Старик озадачен целиком и полностью.

Очевидно, это его беспокоило. Закутавшись в тогу и забыв о больном пальце, Г. М. расхаживал перед камином туда-сюда. Сняв лавровый венок, он с отвращением посмотрел на него и положил на радиоприемник.

— Вот что нам известно, тупоголовые вы мои. Между девятью и половиной десятого эти двое отправились к Прыжку Влюбленных и там исчезли. Но они не прыгали и не собирались прыгать с утеса.

Крафт кивнул, хотя его лицо выражало сомнение.

— Есть только два возможных объяснения, сынок, — продолжал Г. М. — Либо они каким-то образом спустились со

скалы, либо вернулись к дому, готовясь уехать в автомобиле Салливана.

Крафт резко выпрямился. Феррарс озадаченно посмотрел на меня, вынув трубку изо рта, но я мог только пожать плечами.

— Погодите! — сказал суперинтендент. — В таком случае как быть с убийствами, совершенными на краю утеса?

Г. М. скорчил гримасу:

— Ох, сынок! Неужели вы все еще думаете, что убийства были совершены на краю утеса?

— Я по-прежнему придерживаюсь этой версии.

— В таком случае она неверна.

Лицо Крафта помрачнело еще сильнее. Он постучал карандашом по записной книжке.

— Я бы хотел услышать доказательства, сэр.

— Ладно, попытаемся. — Г. М. подтянул тогу и повернулся ко мне: — Доктор, вы сидели здесь с профессором Уэйнрайтом. Задняя дверь дома была открыта. Между вами и открытой дверью была только вот эта тонкая вращающаяся дверь в кухню, — он указал на нее, — со щелью под ней, сквозь которую вы могли ощущать сквозняк. Правильно?

— Да.

— Если этих двоих застрелили на краю утеса, то там должен был дважды выстрелить браунинг 32-го калибра. Вы слышали выстрелы?

Я задумался.

— Нет. Но это ничего не доказывает. Погода была ветреной, и если ветер дул в противоположном направлении, то он мог отнести звуки в сторону...

— Но ветер не дул в противоположном направлении, черт возьми! Вы сами неоднократно говорили, что он дул вам в лицо, когда вы шли к утесу. Вы даже ощущали его в комнате. — Маленькие глазки Г. М. сверлили меня насквозь. — Как же вы могли не слышать выстрелы? А если кто-нибудь начнет болтать о глушителях, я иду спать.

Последовала длительная пауза.

Крафт снова постучал карандашом по книжечке.

— В чем состоит ваша идея, сэр?

— Вот в чем. Двое любовников думали, что они изобрели надежный способ доказательства своего самоубийства. Они осуществили его на практике, а потом отправились к своему автомобилю. Вероятно, они ушли в начале десятого. Но убийца настиг их, застрелил с близкого расстояния и столкнул тела в море.

— Хм, — произнес Крафт.

— Меня озадачивает не поведение убийцы. Он действовал вполне логично. Следующей ночью ему нужно было избавиться от автомобиля Салливана, чтобы никто не заподозрил никаких трюков со стороны любовников и происшедшее по-прежнему выглядело самоубийством по сговору. Поэтому он привел машину на Эксмур и утопил вzybучем песке. Разве вы не помните, что Белл Салливан видела «два буклета, похожие на дорожные карты — один голубой, другой зеленый, — торчащие из бокового кармашка»?

— Ну, сэр?

— Это были не дорожные карты, а паспорта. Голубой британский и зеленый американский. Но Белл Салливан никогда не выезжала за границу, поэтому не узнала их. — Фыркнув, Г. М. перебросил через плечо край тоги, с вызовом посмотрел на нас и снова сел. — Повторяю, — настаивал он. — Меня озадачивает поведение не убийцы, а жертв.

Феррарс постучал по зубам черенком трубки.

— Вы имеете в виду, что они пошли к утесу и не вернулись?

— Вот именно, сынок. Это ставит старика в тупик. Минуту назад я говорил, что они либо спустились с утеса к морю, либо каким-то образом вернулись назад, не оставив следов. Знаю, знаю! — Яростным жестом он заставил умолкнуть попытавшегося возразить суперинтендента. — Оба объяснения — сплошное очковительство.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно. Муха не могла бы спуститься или подняться по передней стороне утеса. Что касается следов...

— Я категорически утверждаю, — решительно прервал Крафт, — что с этими следами не было никаких фокусов. Миссис Уэйнрайт и мистер Салливан действительно пошли туда и не вернулись.

— Согласен, — кивнул Г. М.

— Послушайте! — запротестовал Феррарс. В его глазах, поблескивающих сквозь клубы табачного дыма, светилось не то злорадство, не то искреннее желание помочь. — Вы узнаете, что подобный вывод ставит вас в еще более худшее положение, чем раньше?

— Меня — безусловно, — проворчал Крафт.

— Сначала у вас был только убийца, который мог ходить по мягкой почве, не оставляя следов. Теперь у вас появились два летающих трупа. Или хуже того — мужчина и женщина, которые отправились к Прыжку Влюбленных и там исчезли, как мыльные пузыри, чтобы появиться где-то еще...

— Заткнитесь! — буркнул Крафт.

Феррарс прислонился головой к спинке кресла, выпустив кольцо дыма. На его шее обозначились жилы, а глаза поблескивали из-под полуопущенных век.

— Это интригует меня, — заметил он, медленно описав в воздухе круг черенком трубки.

— Спасибо, — отозвался Г. М. — Надеюсь, мы вас позабыли.

— Я говорю серьезно. — Черенок описал еще один круг. — Вы имеете в виду, что мы — блистательные умы, собравшиеся здесь, — не в состоянии решить проблему, созданную Ритой Уэйнрайт и Барри Салливаном? При всем уважении к ним, их нельзя было назвать гигантами интеллекта.

Суперинтендент Крафт, погруженный в раздумья, скрестив руки на груди, пробудился от размышлений, чтобы задать вопрос:

— Вы были близко знакомы с этими двоими, мистер Феррарс?

— Риту я знал довольно хорошо. — Взгляд Феррарса устремился на портрет. Он вставил трубку в рот, задумчиво попыхивая ею. — А Салливана встречал только один или два раза. Он казался мне смазливym недоумком. Не знаю, что в нем могла найти девушка вроде Молли Грейндж... — Лицо художника приобрело циничное выражение. — Впрочем, у него был один талант, который мог нравиться местной публике. Он чертовски хорошо разгадывал головоломки.

— Вот оно! — воскликнул я.

Все повернулись ко мне.

— Вот — что? — с подозрением осведомился Г. М.

— Я пытался вспомнить, когда и где слышал упоминание о головоломках в связи с Ритой и Салливаном. О них упомянул сам Алек. Приглашая меня сюда в ту памятную субботу, он сказал, что его жена и Салливан обожают головоломки и что вечером мы, возможно, ими займемся.

— Профессор Уэйнрайт оказался неплохим пророком, — усмехнулся Феррарс. — И он сдержал слово, как истинный джентльмен.

— Вероятно, он с легкостью разгадывал головоломки? — спросил Г. М.

— Да, пока не начал деградировать. Но математические задачки нагоняют на меня тоску. Знаете, какой-нибудь зануда по имени Джордж входит и говорит: «У меня в курятнике есть определенное количество куриц. Если я увеличил вдвое их число по сравнению с вчерашним и втрое с половиной по сравнению с числом куриц, которое было во вторник у моей тети Матильды, сколько куриц у меня сегодня?» Вам хочется ответить: «Ради бога, Джордж, не усложняй жизнь. Ты ведь отлично знаешь, сколько у тебя куриц, верно?»

Феррарс снова выпустил облако дыма.

— Но это не математическая головоломка — тут требуется подлинное воображение. То, что изобрел не слишком умный Салливан, мы должны разгадать с помощью простого процесса обследования следов.

— Простого! — простонал Г. М. — Ох уж эта самоуверенная молодежь!

— Я настаиваю на своем. Нашему мистеру Салливану... — Феррарс наморщил нос, — не удастся одержать надо мной верх. Если маэстро признает, что оказался в тупике... — он кивнул в сторону Г. М., — я намерен попытаться счастья. Что вы об этом думаете, суперинтендент?

Крафт все еще размышлял о чем-то. Он поднял взгляд, но словно сдерживал себя, скрестив руки на груди.

— Ну, джентльмены, могу ответить вам коротко и ясно, что я думаю. Я по-прежнему не убежден, что убийства вообще имели место.

Глава 15

Это вызвало небольшой взрыв. Хотя Г. М. и я запротестовали, на Крафта это не произвело впечатления. Он поднял руку, призывая к молчанию.

— Какими фактами мы располагаем теперь? — осведомился суперинтендент. — Признаю, сэр Генри доказал, что эти двое намеревались сбежать в Америку.

— Премного благодарен, сынок.

— Но при этом он пытается вывернуть все дело наизнанку, утверждая, что их не застрелили на краю утеса. Где же их тогда застрелили?

— Откуда мне знать? — проворчал Г. М. — Может быть, в этом частном борделе в так называемой студии. Может быть, в одной из пещер на берегу. Этот парень, — он кивнул в сторону Феррарса, — голосует за пещеры.

— И вы называете это доказательством, сэр?

— Может, и нет. Но...

— Но я должен иметь доказательства, — вполне логично указал суперинтендент. — И, насколько я понимаю, подлинные доказательства в этом деле не претерпели никаких изменений со вчерашнего дня.

— Вы имеете в виду, что они все-таки покончили с собой?

— Почему бы и нет? Даже если они собирались бежать...

— Хоть в этом вы не сомневаетесь?

— Подождите. Я думаю о вопросе, который задал вам вчера. Кому могло понадобиться убивать их, если они собирались сами убить себя? Вы ответили, что это не имеет значения, что они могли планировать самоубийство и в последний момент не решиться на него.

— Ну?

— Предположим, все произошло с точностью до наоборот. Они планировали сбежать с бриллиантами старого джентльмена, но в последний момент миссис Уэйнрайт, которая явно была движущей силой во всем предприятии, не хватило на это духу. Доктор Кроксли говорил нам, и вы согласились, что она очень любила мистера Уэйнрайта. Возможно, я мало знаю о женщинах, но слова «Лучше бы мне умереть!» кажутся мне правдивыми.

— Угу. Ну и что?

— Миссис Уэйнрайт передумала. Она привела Салливана на край утеса и застрелила его, а потом себя. Позднее доктор Кроксли, который не мог вынести мысли о ней в связи с двойным самоубийством, забрал оружие с утеса и унес его — как мы думали вчера.

Итак, мы снова к этому вернулись. Снова протестовать казалось мне бессмысленным. Но на сей раз Г. М., похоже, был на моей стороне.

— Есть одна маленькая деталь, — виновато заговорил он, — о которой мне не хотелось напоминать. Только природная извращенность заставляет меня сделать это. В воскресенье вечером кто-то отвез машину Салливана на Эксмур и утопил ее вzybучем песке. Вы об этом забыли?

Улыбка Крафта контрастировала с неподвижным глазом.

— Нет, сэр, не забыл. Но один человек вчера признался нам, что знает каждый уголок Эксмюра. Наверняка он знал, где лучше всего избавиться от автомобиля. Прошу прощения, доктор, но что вы делали в воскресенье вечером?

Мне понадобилось несколько секунд, дабы осознать, что он имеет в виду. Возможно, я слишком туп, но это звучало настолько нелепо, что просто не доходило до ума. Только когда все трое посмотрели на меня и Феррарс расхохотался, я понял, в чем дело. Несомненно, Г. М. посвятил художника во все подробности происшедшего.

— Знаете, доктор, — заметил Феррарс, подходя к камину, чтобы выбить трубку, — я мог бы в это поверить. Именно такого дурацкого рыцарства можно ожидать от вас.

Должно быть, я являл собой жалкое зрелище, так как Г. М. быстро сказал:

— Спокойно, доктор! Помните о вашем сердце!

— Я хорошо представляю его занимающимся этим под покровом ночи, спасая доброе имя леди, — продолжал Феррарс. — Уничтожающим доказательство того, что она собиралась сбежать с Салливаном.

Боюсь, какое-то время я только пыхтел от возмущения.

— Что бы я ни сказал, — наконец заговорил я, — вы все равно этому не поверите. Но неужели вы думаете, что любой, в ком есть хоть капля порядочности, оставил бы мис-

сис Салливан кричать в машине, погружающейся в зыбучий песок?

— Разве молодая леди пострадала? — спросил Крафт. — Я что-то этого не припоминаю.

— Я тоже, — согласился Феррарс. Я понимал, что он говорит так только из озорства. Под его длинным носом вновь мелькнула усмешка. — Я бы сказал, что с Белл обошлись весьма мягко. Мне бы не проделать это лучше.

— Ее привезли назад, — продолжал Крафт, — хотя убийца, скорее всего, оставил бы ее на пустоши в тумане, не слишком заботясь, простудится она или нет. Когда она очнулась, то обнаружила себя в комнате над студией. Что скажете, сэр Генри?

Г. М., казалось, не слушал. Он склонился вперед в кресле, опершись локтем о колено и подперев кулаком подбородок. Если бы не очки, он бы напоминал не столько императора Нерона, сколько Марка Туллия Цицерона¹, обдумывающего речь в сенате.

— Обнаружила себя снова в студии... — рассеянно пробормотал Г. М. — Проклятие! — Он встрепенулся и поправил съехавшие очки. — Прошу прощения, сынок. Старик временами становится туповатым. В какой грязной работе доктора обвиняют теперь?

— Я не обвиняю его и даже ни на что не намекаю, — солгал Крафт. — Я только спросил, где он был в воскресенье вечером.

— Черт бы вас побрал, сэр! Я был дома!

— Понятно. А когда вы легли спать, доктор?

— Очень рано. До девяти. Очевидно, накануне я слишком переутомился.

— После этого времени вас кто-нибудь видел?

— Ну... нет. Меня никто не беспокоил.

— Значит, вы не могли бы доказать, что были дома, если бы в этом возникла необходимость?

Я вцепился в свой воротник.

— Теперь я скажу вам, как обстоит дело, — серьезным тоном продолжал Крафт, указывая на меня карандашом. —

¹ Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.) — римский государственный деятель и оратор.

Я пытался быть сдержанным, но вы не оставляете мне выбора. Кто-то убрал оружие с места самоубийства и избавился от автомобиля, чтобы защитить честь миссис Уэйнрайт. Предупреждаю вас, доктор, завтра утром на дознании у вас будут неприятности. И их причину я. — Он повернулся к Г. М.: — Разве вы не понимаете, сэр, что мне нужны только доказательства? Представьте мне хоть одно доказательство, что они не убивали себя! Вы утверждали, что они изобрели способ летать по воздуху или идти не оставляя следов...

— Я все еще это утверждаю.

— Тогда как они это проделали?

— Знаете, — Г. М. тяжело вздохнул, — у меня всегда было название для этого.

— Для чего, сэр?

— Для ситуации такого рода. Я называл это дьявольской извращенностью всего в целом. А за то, что мы оказались в этой неразберихе... — Г. М. сердито повернулся ко мне, — можете благодарить вашего друга, чрезвычайно убедительного оратора мистера Стивена Грейнджа. Он лучше всех солиситоров, с которыми я встречался, умеет отравлять умы полицейских.

— По-моему, сэр Генри, мистер Грейндж единственный, кто рассуждал здраво, — возразил Крафт. — И он имеет влияние на коронера.

— Не сомневаюсь. Завтра доктор Кроксли окажется в кутузке, или я голландец. Вот почему я должен сидеть и думать. — Г. М. окинул нас мрачным взглядом, будто римский борец перед выходом на арену. — Больше ничего не остается. Мне нужно разгадать этот трюк с левитацией¹.

— При моей скромной помощи, — добавил Феррарс. — У меня есть предложение. Думаю, я могу разгадать его для вас теперь же.

— Вы? — отозвался Г. М. с презрительной усмешкой, словно его молодой друг был червяком, обретшим дар речи.

— Не слишком задирайте нос. Вы не единственный в мире способны наслаждаться забавными делами.

¹ Л е в и т а ц и я — феномен, позволяющий телам тяжелее воздуха летать сверхъестественным способом.

— Разумеется. Но я не имел в виду забавные дела вашего типа — с Белл Салливан или...

К моему удивлению, Феррарс густо покраснел. Хотя он развалился в кресле, постукивая по зубам черенком пустой трубки, в его фигуре ощущалось странное напряжение.

— Мой дорогой Коммод¹, — сказал он, — между мною и Белл никогда ничего не было. Очевидно, вчера вечером я слишком много выпил и сболтнул лишнее. Прошу вас не упоминать об этом при Молли Грейндж.

— Почему?

— Считайте это моей причудой.

— Я не могу вас понять, — сказал Г. М. — Иногда вы говорите как отъявленный распутник, которому наскучил свет, а иногда — как молокосос, прибывший из Итона² на каникулы.

— Пока что я пытаюсь решить вашу проблему, — вежливо напомнил Феррарс. — Вы утверждаете, что наши друзья не могли спуститься с утеса на берег?

— Разумеется.

— А что, если они спустились на парашюте?

Г. М. сурово посмотрел на него:

— Не болтайте вздор, сынок. Терпеть этого не могу. Кроме того... — он почесал нос, — я уже об этом думал.

— По-вашему, это вздор? — осведомился Феррарс. — За последнее время мы видели немало удивительных трюков с парашютами. Не уверен, что можно открыть парашют и удержаться на нем, прыгая со сравнительно небольшой высоты в семьдесят футов, но почему это невероятно?

— Потому что я так говорю! — рявкнул Г. М., постучав себя по груди. — Такое было бы кое-как возможно для опытного парашютиста со специальным парашютом и приземлением на относительно ровную поверхность. Но какой шанс был у этих двоих, не имеющих ни опыта, ни, насколько нам известно, парашютов, прыгая на камни в темноте ветреной ночью? Нет, сынок, это не пойдет.

¹ Коммод Луций Элий Аврелий (161—192) — римский император с 180 г.

² Итон — колледж в одноименном городе в графстве Бакингемшир на юге Англии.

— Тогда как же это было проделано?

— Именно это мы собираемся выяснить. Пошли!

— Только не в этой одежде!

— Что в ней плохого, а? Вы ведь хотели рисовать меня в ней, хотя подозреваю, что таково ваше представление о забавной шутке. А если так...

— Это одеяние подходит для моей студии. Но я не хочу, чтобы вы расхаживали в таком виде по деревне. Черт возьми, что скажет старик Грейндж, услышав, что мой гость ходит по улицам в костюме древнего римлянина?

— Ну и что в этом такого?

Феррарс молча указал на принесенный им костюм Г. М.

Спустя двадцать минут мы стояли при бледном свете клонящегося к закату солнца, глядя на следы, оставленные Ритой Уэйнрайт и Барри Салливаном на дорожке, обрамленной белой галькой. Суперинтендент Крафт поглаживал подбородок со снисходительным видом игрока, у которого на руках одни козыри. Феррарс, как побитый пес, примостился на ступеньках у задней двери. Г. М., выглядевший куда пристойнее в обычном наряде, за исключением одного матерчатого шлепанца, склонился над следами так низко, как позволяло его брюхо.

— Ну, сэр? — не выдержал Крафт.

Г. М. поднял голову.

— Иногда вы до тошноты напоминаете мне Мастерса. Следы абсолютно подлинные. С ними не проделали никаких трюков.

— Именно это я вам и твердил.

Г. М. уперся кулаками в бока.

— Вы заметили, что упор делался на переднюю часть ступни? Как будто они бежали?

— Заметили, — сухо отозвался Крафт. — То, что они бежали, видно по длине шага. Но бежали не очень быстро — скорее спешили.

Г. М. огляделся вокруг.

— Не возражаете, сынок, если я пройду по следам? Это единственный участок, который остался нетронутым.

— Идите где хотите. Как я говорил вам, в полицейском участке у нас есть гипсовые слепки.

Г. М. двинулся по дорожке. Хотя с субботнего вечера дождей не было, его ноги увязали в мягкой почве. С осторожностью ступая на поврежденную ногу, он приковывал к Прыжку Влюбленных, шагнул на маленький, поросший травой пригорок и посмотрел вниз. У меня даже на таком расстоянии закружилась голова, но Г. М., по-видимому, высота ничуть не беспокоила.

— Нашли что-нибудь? — спросил Крафт.

Г. М. повернулся на фоне горизонта. Бриз с моря колыхал парусиновый пиджак. Его глаза скользили направо и налево, осматривая землю, испещренную следами ног, включая наши, и колеями от колес инвалидной коляски. Он долго смотрел на геометрические орнаменты белой гальки, потом указал на них похожей на ласт рукой:

— Это место выглядело безукоризненно аккуратным, пока люди не начали здесь топтаться. Узоры из гальки достойны самого Евклида¹. Галька обозначает и края дорожки. Ею не могли воспользоваться для какого-нибудь фокуса-покуса?

— Вы имеете в виду, что кто-то мог идти по гальке? Попробуйте, и увидите сами.

Г. М. коснулся камушков правым каблуком, и они тут же увязли.

— А для чего они вообще предназначены, сынок?

— Здесь ничего не растет, — объяснил Крафт. — Галька выполняет чисто декоративную функцию и к тому же хорошо видна в темноте.

Лицо Г. М. приняло озадаченное выражение. Качая головой, он поплелся к нам по четырехфутовой дорожке и снова устоялся на следы.

— Немного странно, как эти двое ступали во время бега. Как будто... — Он умолк, поглаживая подбородок.

— Послушайте. — Резкий голос Крафта заставил меня вздрогнуть. — Не будем больше тратить время. Во имя здравого смысла, доктор Кроксли, почему бы вам не признаться, что вы украли пистолет, после чего мы все могли бы отправиться домой к чаю?

¹ Евклид — древнегреческий математик (III в. до н. э.).

— Вы совершаете ужасную ошибку, сынок, — спокойно промолвил Г. М.

— Хорошо, сэр, я совершаю ошибку. Давайте отложим это до завтрашнего дознания, ладно?

— Я уже сказал, что самоубийство по сговору — очковтирательство! По-вашему, они тщательно планировали побег, а потом, под влиянием момента, слушая «Ромео и Джульетту», внезапно передумали, решив покончить с собой. Если так, где они сразу раздобыли пистолет, который до сих пор никто не может идентифицировать?

Крафт покачал головой:

— Я не утверждаю, что все произошло именно так, сэр Генри.

— Тогда как же?

— Мне кажется, они действительно вначале собирались бежать. Но не в прошлую субботу, а, вероятно, за несколько дней до нее миссис Уэйнрайт передумала и уговорила Салливана вдвоем совершить самоубийство. «Ромео и Джульетта» явились последней каплей, и они исполнили свое намерение. Помните, что они не взяли с собой ни одежду, ни чемодан. А они должны были приготовить одежду, если хотели бежать.

Я был вынужден признать, что это достаточно справедливо.

Некоторое время Г. М. смотрел прямо перед собой, потом щелкнул пальцами.

— Бриллианты! — пробормотал он. — Я почти забыл о них!

— Ну и что?

— Они должны были взять с собой бриллианты!

— Но мы не знаем, что они их взяли. Это всего лишь ваше предположение. Мы даже не заглядывали в знаменитую шкапулку из слоновой кости, так как сиделка не пустила нас. Следовательно...

Г. М. остановил его.

— Но если бриллианты исчезли или заменены фальшивыми — вот и доказательство, что эти двое собирались бежать. Рита Уэйнрайт не стала бы выходить из дому с драгоценностями стоимостью в тысячи фунтов, намереваясь покончить с собой.

Крафт задумался.

— Да, сэр, звучит достаточно разумно. Если, конечно, она заранее не обратила бриллианты в деньги.

— Нам лучше подняться в спальню, доктор, — обратился ко мне Г. М. — Если это можно устроить.

— Можно.

Наконец-то появилась надежда. Никто не понимал лучше вашего покорного слуги, что я оказался одновременно в неловком и опасном положении. Крафт был настроен решительно. Если меня обвинят в краже дорогого автомобиля с целью утопить его в эксмурском зыбучем песке, то я едва ли смогу это опровергнуть. Конечно, обвинение выглядело так же нелепо, как если бы мне приписали ограбление банка или взрыв железнодорожного полотна. Но из-за этого оно не становилось менее серьезным.

Признаюсь, к своему стыду, что, когда мы вошли в дом, у меня на глазах выступили слезы бессильной ярости.

Я объяснил ситуацию миссис Гроувер, дневной сиделке, которая с неодобрительным видом шагнула в сторону, пропуская нас. Алек все еще спал. Теперь комната была погружена в полумрак, а мебель вырисовывалась на фоне белых штор темными силуэтами.

Г. М. подошел к кровати и аккуратно извлек ключ из обмякшей руки Алека.

— Осторожнее! — предупредила миссис Гроувер.

В тишине спальни ее голос прозвучал резко и громко. Феррарс, оставшийся за дверью, молча указал на туалетный столик. Крафт подошел к окну и поднял штору, снова вызвав неодобрение сиделки. Открыв ящик туалетного столика, Г. М. поднял тяжелую шкатулку из слоновой кости и вставил в замок ключ с выгравированными на нем именем и двойным узлом.

Когда он поднял крышку, мы увидели, что шкатулка обита сталью и синим бархатом. Внутри лежали футляры — длинные, круглые, квадратные, овальные — из такого же синего бархата. Я насчитал шестнадцать футляров, когда Г. М. выложил их на туалетный столик. Только один из них — предназначенный для браслета — был пуст. Все драгоценности были из бриллиантов.

— Фальшивки, — проворчал Г. М., глядя на растущую кучку сверкающих камней. Он быстро открывал один футляр за другим, вытряхивая содержимое.

Внезапно Г. М. оперся ладонями о столик, словно поддерживая собственный солидный вес, потом подобрал один из футляров, достал бриллиантовый кулон и поднес его к свету из окна.

Он изучал кулон, приподняв очки на лоб и опустив уголки рта. Я хорошо помню ярко-голубое море и розовый горизонт позади него и сверкающие камни в его руках. Г. М. подносил к окну каждую драгоценность. Закончив, он закрыл глаза, как будто давая им отдых; его лицо стало бесстрастным, словно выточенное из дерева.

— Ну? — спросил я.

— Небольшая ошибка в расчетах. — В его голосе не слышалось никаких эмоций. — Это не фальшивки, а настоящие бриллианты.

Лежа на кровати, Алек Уэйнрайт открыл глаза. Мне показалось, что он улыбается.

Позади нас послышался негромкий смех суперинтендента Крафта.

Глава 16

Когда я вернулся в Линком, Молли Грейндж и Белл Салливан стояли у калитки.

Они являли собой привлекательное зрелище. Молли была выше, чем Белл, и, возможно, не обладала столь развитыми частями тела, которые Том напыщенно именовал «маммальными и глютеальными регионами»¹. Серые глаза Белл были слегка подведены черной тушью, губы были темно-красными, и даже каштановые локоны казались глянцевыми, чем не могла похвастаться Молли. И все же, несмотря на очарование нашей гостьи, я всегда бы отдал предпочтение соседке.

Вместо того чтобы заехать в гараж, я оставил машину у парадной двери и вышел в сгущающиеся сумерки.

¹ От *лат.* *mammae* (молочные железы) и *glutei* (мышцы ягодиц).

— Где вы были, доктор Люк? — спросила Молли. — Вы выглядите смертельно уставшим.

— Я был в доме Уэйнрайтов. Со мной все в порядке.

— Вы знаете, что уже второй раз за два дня пропускаете чай? Том в ярости.

— Ничем не могу ему помочь, дорогая моя.

— Вы блудный родитель — вот вы кто, — сказала Белл, которая курила сигарету, оставляя на ней следы помады. — Кто был с вами? Тот толстяк в инвалидной коляске, который назвал меня лгуньей, когда я сказала, что я замужем?

— Да. А также суперинтендент Крафт и Пол Феррарс.

Голубые глаза Молли прищурились.

— Что сэр Генри затеял на этот раз, доктор Люк?

— Говоря откровенно, он был одет как римский сенатор.

Обе девушки уставились на меня, потом посмотрели друг на друга и воскликнули одновременно:

— Император Нерон!

— Значит, вы тоже слышали о нем?

— Еще бы! — отозвалась Белл. Быстро затянувшись сигаретой, она вынула ее изо рта и взмахнула ею. — Только о нем мы и слышали.

— От Харри Пирса, — объяснила Молли, — и Уилли Джонсона.

— От Джонсона? Где он сейчас?

— В каталажке, — ответила Белл. — Его арестовали.

— Не могу сказать, что я удивлен. Но...

— Видели бы вы, что произошло! — продолжала Белл. — Я стояла здесь у ворот и разговаривала с этим Пирсом. Было не больше двадцати минут третьего — задолго до времени закрытия. «Надеюсь, мэм, — говорил мне Пирс, — в наших краях больше не будет того, что я мог бы назвать царством ужаса». И тут я увидела мужика на велосипеде, который мчался так, словно за ним черти гнались! Пирс выпучил глаза, выбежал на дорогу и стал размахивать руками и кричать: «Держись подальше от моего дома, Уилли Джонсон!» Должно быть, это перепугало мужика до смерти, так как он перевернулся, а велосипед на полной скорости влетел в открытые двери бара-салона Пирса.

— Опять?!

— Да, опять, — сказала Молли. — Грохот был почище вчерашнего.

— Но это еще не самое худшее, — продолжала Белл. — Сбежался народ, и Джонсон начал рассказывать историю, которую мы слышали, стоя здесь.

— Об императоре Нероне?

— Верно. Он сказал, что император Нерон повстречал его вчера на дороге к Бейкерс-Бриджу и дал ему десять шиллингов. Но Джонсон, как неисправимый грешник, истратил деньги на выпивку, поэтому сегодня Нерон стал гоняться за ним на летающем троне с крыльями. Все решили, что у него белая горячка, и, так как рядом оказался коп, его уперли в кутузку. Но теперь я в этом не так уверена.

— Отец тоже был здесь, — сказала Молли. — Он собирался повидать клиента в Линмуте. Я спросила, не может ли он помочь Джонсону, и он меня удивил.

— Как?

— Сказал, что может, — наивно объяснила Молли. — Или, во всяком случае, попытается.

— Давайте пройдем в задний сад, — пригласил я девушек. — Я хочу с вами поговорить. У меня есть новости.

Должно быть, они поняли, что дело серьезное. Мне казалось, Молли даже ожидала этого.

— У нас тоже есть для вас новости, — сказала она.

В саду мы сели на плетеные стулья под яблоней, и я задумался, с чего начать.

— С вами все в порядке? — обратился я к Белл.

— В полном. — Ее лицо было бесстрастным. Она бросила сигарету на землю и придавила ее ногой. В аккуратном зеленом платье, коричневых чулках и туфлях, она не вызвала в памяти вчерашнюю истеричную девицу. — Мне сказали, что я должна остаться и опознать тело Барри завтра на дознании. Вероятно, я потеряю мою работу в «Пикадилли» — ну и черт с ней. Я уговорила симпатичного менеджера в линтонском банке обналичить мне чек, так что все отлично.

— С вами хорошо обращались?

— Очень хорошо. — Она улыбнулась Молли. — Все мужчины мне сочувствовали и старались развлечь. Один предлагал сводить меня в Долину Камней, другой в Дартмут — не

знаю, что это такое, а третий хотел показать пещеры в утесах. Я бы с удовольствием прокатилась к ним на лодке.

— Эти пещеры находятся довольно высоко над уровнем моря, Белл, — заметила Молли. — На лодке к ним можно добраться только в разгар прилива — в четыре часа дня или час ночи. И ты не должна никуда ни с кем ездить, а то начнутся сплетни.

— Меня приглашал твой старик, так что волноваться не о чем.

Молли была настолько изумлена, что не верила своим ушам.

— Мой отец?!

— Он самый. — Белл улыбнулась без всякой иронии. — Беби, мой бизнес — разбираться в мужчинах. Неужели ты не догадывалась по тому, как твой старик одевается, что ему нравится приволокнуться за дамами? Не пойми меня неправильно — он славный дедок, и, если ему приятно разыгрывать сэра Галахада¹ в его возрасте, какой от этого вред?

Молли посмотрела на Белл и уставилась на кончики своих туфель.

— А каково твое мнение, как специалистки, о мистере Феррарсе? — спросила она.

— О Поле? Он клевый чувак, — быстро ответила Белл, — и настолько тонкокожий, что из-за всего переживает, но строит из себя циника. Слышала бы ты его после девяти-десяти порций выпивки. Начинает цитировать романтическую поэзию и так далее. Впрочем, не такая уж я специалистка. — Белл наморщила нос. — Может, я и разбираюсь в мужчинах, но становлюсь полной дурехой, когда выбираю их для себя.

— Кстати, миссис Салливан, насчет вашего покойного мужа... — начал я.

Белл повела плечами:

— Ради бога, доктор, не называйте его «моим покойным мужем» — это звучит как цитата из Библии. Зовите его просто Барри.

¹ Г а л а х а д — в цикле легенд о короле Артуре благороднейший рыцарь Круглого стола.

— Но в том-то и беда, дорогая моя. Его звали вовсе не Барри Салливан. Вы все равно услышите это завтра на дознании, так что лучше я первый сообщу вам все.

Хотя на небе еще оставались отсветы заката, в саду сгустились тени. Белл отвернулась. Ее тело напряглось, как будто она собиралась встать и побежать.

— Значит, старикан все-таки был прав, — промолвила она.

— «Старикан», как вы его называете, почти всегда оказывается прав. Скажите мне только одно. Вы, как и вчера, чувствуете, что не любили вашего мужа?

— Я лучше пойду, — сказала Молли и поднялась.

— Нет, не уходи! — крикнула Белл. Повернувшись, она протянула левую руку Молли, которая взяла ее. Обе девушки — одна в зеленом, другая в сером, одна сидящая, другая стоящая — идеально вписывались в картину сада в сумерках. — Все, что я говорю, — продолжала Белл, — и практически все, о чем думаю, можно кричать с крыши. Так что не уходи.

— Хорошо, Белл.

— Что касается любви к этому придурку, — обратилась ко мне Белл, — то все, что я сказала вам вчера, остается в силе. Естественно, мне жаль, что он мертв. Но что касается влюбленности в него до такой степени, чтобы грызть подушку и визжать... — Она посмотрела на Молли. — Ты, что называют, «приятная девушка», беби. Тебе этого не понять.

— Возможно, — согласилась Молли, с любопытством глядя на Белл.

— Можете не беспокоиться, доктор, — твердо заявила Белл. — Эта цыпочка не станет носить вдовий траур. Я свободна, и мне только двадцать восемь.

Я не мог удержаться от вздоха облегчения.

— Настоящее имя вашего мужа было Джейкоб Мак-Натт. Он собирался бежать вместе с миссис Уэйнрайт. Они планировали сесть на лайнер «Вашингтон», который прибывает в Голуэй на этой неделе.

— Так я и знала! — воскликнула Белл, хлопнув ладонью по колену. — Разве я не говорила вам, что ему бы духу не хватило убить себя? Миссис Джейкоб Мак-Натт... Ну и ну! — Она засмеялась.

— Очевидно, вы никогда не видели его паспорт или удостоверение иностранца. Если вы не выезжали за границу, у вас не было для этого повода.

— Погодите!

— Да, миссис Салливан?

Белл прикрыла рукой глаза.

— Я вспомнила об этом корабле. Мы говорили о нем. «Дорогая, — сказал Барри, — я бы очень хотел увезти тебя в Америку, но у нас просто нет на это денег». Полагаю, у его бабенки они были? Но как она собиралась сесть на борт, будучи британкой и не замужем за Барри?

— Она получила новый паспорт под фальшивым предлогом. Какой-то профессионал дал ей рекомендацию...

— Чемодан! — внезапно воскликнула Молли.

Мы одновременно посмотрели на нее.

— То, что вы говорите, доктор Люк, меня не удивляет, — объяснила она. — Я же сказала, что у меня есть для вас новости. Об этом судачит вся деревня. Сегодня утром одному из рыбаков в сеть попал серый кожаный чемодан с женской одеждой. Я ее не видела, но догадываюсь, кому она принадлежала.

Часть исчезнувшего багажа! Я надеялся, что новости уже достигли ушей Крафта, хотя он закусил удила и переубедить его будет нелегко.

— Где нашли чемодан, Молли?

— Точно не знаю. Кажется, в полумиле от дома Уэйнрайтов.

— В полумиле?

— Погодите! — снова сказала Белл, делая замысловатые жесты, как танцовщица в храме. — Я все еще не понимаю, как действовала эта бабенка. Разве она не должна была предъявить свидетельство о рождении?

— Да. Она просто воспользовалась копией канадского свидетельства о рождении, заявив, что никогда не была замужем. Но письменная рекомендация профессионала, несомненно, была подлинной на случай проверки.

— И кто же дал ей рекомендацию?

Это было труднее всего.

— Теперь, дорогая моя, подозревают, что я.

Обе девушки уставились на меня.

— Уилли Джонсон не единственный, кому грозит то, что вы называете каталажкой. Я следующий кандидат.

— Вы смеетесь, доктор Люк! — воскликнула Молли. — Я не верю ни одному вашему слову.

— Это не смех, а то, что писатели именуют кривой улыбкой. Если до ночи не случится чудо, завтра утром на дознании разразится жуткий скандал, и я хотел предупредить вас заранее.

— Скандал? Из-за чего?

— Сэр Генри и я утверждаем, что этих двоих убили, когда они собирались бежать. Но у нас на руках нет ни единой карты, а у Крафта полно козырей. Он считает, что они передумали бежать, подкрепляя это неопровержимым фактом, что они не взяли бриллианты, которые могли обратить в деньги, и заявляет, что это самоубийство. Ему также кажется, что я украл оружие и избавился от их автомобиля, дабы удалить то, что он романтически именуется печатью самоубийства.

Молли выпрямилась.

— Но ведь вы не делали этого, доктор Люк? Или делали?

— И ты туда же, Молли. Конечно нет. — И я кратко перечислил им факты.

— Слушайте, — сказала Белл, зажигая очередную сигарету. — А ваш Крафт не заявляет, что это вы едва не утопили меня в зыбучем песке в воскресенье вечером?

— Увы, да.

— В жизни не слышала такой чепухи! — воскликнула наша «карманная Венера». — Тот тип так рыдал, что едва глаза не заплакал! Я слышала его!

— К сожалению, миссис Салливан, в моем возрасте не всегда удается контролировать эмоции. Когда меня сегодня обвинили, я так обезумел, что на моих глазах выступили слезы.

Белл выпятила подбородок.

— Пусть только меня пустят на это ... свидетельское место, — сказала она, приписывая упомянутому месту отнюдь не присущие ему похотливые свойства. — Я скажу им пару слов, от которых у них волосы встанут дыбом!

— Этого я и боюсь, дорогая моя. Хочу вас предупредить: следите за своим языком в присутствии коронера. Он шот-

ландский пресвитерианин¹ и друг отца Молли, и вы должны выглядеть убитой горем вдовой. Не создавайте себе дополнительных неприятностей.

Лицо Молли покраснело.

— Но что вы собираетесь делать, доктор Люк?

— Говорить правду. Если им это не понравится, миссис Салливан, вероятно, пошлет их по соответствующему адресу.

— Доктор Люк, вы не должны этого делать! Вас арестуют за лжесвидетельство! В конце концов, какое это имеет значение? Почему бы вам не сказать то, что хочет от вас суперинтендент Крафт? Ты согласна, Белл?

— Я не возражаю против лжи, — усмехнулась Белл. — Я могу врать без умолку и бровью не повести. Но меня бесит, что такой славный старикан, как доктор Кроксли, будет рассказывать, как он оставил девушку тонуть в зыбучем песке и пальцем не пошевелил, чтобы спасти ее.

Как я указывал ранее, Молли унаследовала изрядную долю отцовского здравомыслия.

— Разве ты не понимаешь? — настаивала она. — Доктору Люку незачем признаваться, что он утопил автомобиль. Это было бы скверно, так как машина была дорогая — по крайней мере, так я слышала — и ему пришлось бы возместить ее стоимость. Полиция не может доказать, что доктор это сделал, но они в состоянии доказать, что только он мог забрать оружие. Пусть он в этом признается — тогда жюри вынесет вердикт о двойном самоубийстве, и Крафт будет удовлетворен.

— Верно, — согласилась Белл и задумалась, попыхивая сигаретой. — Слушайте! У меня идея!

— Ну?

— Предположим, я скажу, что видела типа, который утопил тачку, и что это не был доктор Кроксли?

— Тогда тебя спросят, кто это был.

— А я отвечу, что какой-то коротышка в шляпе-котелке или с бакенбардами. Ничего определенного, но будет очевидно, что это не он. Ведь я убитая горем вдова, и они должны мне поверить.

¹ Пресвитерианство — одна из разновидностей кальвинизма в англоязычных странах.

Молли задумчиво кивнула:

— Пожалуй, это может сработать.

Хотя рискованно делать обобщения, но я далеко не впервые заметил полную неспособность любой женщины говорить правду, когда это становится неудобным. Дурных намерений тут нет — для женского пола это просто не имеет значения. Правда относительна, и бывает, что ее измеряют согласно собственным эмоциональным нуждам, подобно Адольфу Гитлеру.

— Я ценю ваши намерения, девушки, но это не пойдет.

— Почему? — спросила Белл.

— Рита Уэйнрайт была убита — преднамеренно и жестоко. Я собираюсь найти и наказать того, кто сделал это, даже если мне придется провести остаток жизни в... в...

— В каталажке?

— Вот именно. Разве вы не чувствуете то же самое по поводу вашего мужа?

Это застигло ее врасплох.

— Конечно, я хочу, чтобы убийцу поймали. Но мой муж оказался дешевым обманщиком!.. — В глазах Белл блеснули слезы гнева. — Впрочем, и его бабенка не лучше. Не понимаю, чего вы так из-за нее переживаете.

— Думаю, доктор Люк, вы поступаете не слишком благо-разумно, — настаивала Молли. — Ведь мы не просим вас совершить что-то бесчестное. Почему бы вам не посоветоваться с моим отцом? Он как раз идет по дорожке.

Я был так расстроен, что даже не обернулся.

Стивен Грейндж, выглядевший, как всегда, безукоризненно в своем двубортном костюме — модном, но не бросающемся в глаза, — подошел к нам, галантно прикоснулся к шляпе, приветствуя Белл, которая тут же стала почти застенчивой, и дружелюбно обратился к Молли:

— Боюсь, дорогая, ты простудишься, сидя здесь в сумерках. Кроме того, ты нужна твоей матери. Не лучше ли тебе пойти к ней?

— Но ты должен поговорить с доктором Люком!

— Поговорить с доктором Люком? О чем?

— Он хочет заявить на дознании, что Риту Уэйнрайт убили, но ему не поверят. Что это меняет, даже если это правда?

— Мы должны всегда говорить правду, Молли, — серьезно упрекнул дочь Стив. — Следование правде — единственно надежная, разумная, консервативная политика. Разве я не говорил тебе этого?

— Ну...

— Говорил или нет?

— Ты постоянно об этом напоминаешь.

Стив резко взглянул на нее, но не стал развивать тему. Пригладив усы, он обратился ко мне:

— Но мы всегда должны быть уверены, что знаем правду. Что у вас на уме, доктор Люк?

— Стив, — сказал я, от напряжения сжав кулаки и глядя на костяшки пальцев, которые словно увеличились в размере, — поскольку завтра у меня могут возникнуть серьезные неприятности с властями, я хочу собрать всю возможную информацию.

— Что за чепуха насчет неприятностей с властями?

— Это длинная история. Молли вам объяснит. А пока что, как я сказал, мне нужны любые источники информации о Рите Уэйнрайт. Вы сообщите мне то, что я очень хочу знать?

— Безусловно, если я при этом не обману чье-то доверие.

Молли снова села, и Стив, несмотря на страх перед сырým воздухом, опустился на соседний стул. Он сидел, напрягшись, в ожидании вопроса. Я продолжал смотреть на свои руки с массивными пальцами, отчаянно ища ключ, который отперет нужную дверь до утра.

— Ну, — заговорил я, расправив плечи, — можете вы сообщить мне причину вашей ссоры с Ритой? Я имею в виду, когда она просила вас сделать нечто неэтичное?

Глава 17

Стив засмеялся. Его смех приятно разбавил вечернюю тишину, внес нотку уюта.

— Люк, старина, вы же не думаете, что это имеет отношение к делу?

— Нет. Но, к примеру, не просила ли она вас написать ей рекомендацию для получения паспорта?

Стив выглядел удивленным, насколько это было возможно.

— Безусловно, нет. Кроме того, что тут незтичного?

— Я имею в виду, на ее девичье имя мисс Маргарита Дюлейн.

— Но этого не могло быть, доктор Люк! — запротестовала Молли. — Разве вы не помните? Рита поссорилась с отцом до того, как познакомилась с Барри Салливаном. Я помню это, так как в тот день объявили о начале войны. Барри и я встретили вас и Уэйнрайтов возле вашей калитки, и я колебалась, прежде чем представить им Барри, так как знала о какой-то ссоре. Так давно Рита не могла нуждаться в фальшивом паспорте.

Все-таки я тупица! Конечно, это была правда, и я писал об этом в своем повествовании. Мое объяснение вначале позабавило Стива, но потом он снова стал серьезным. В саду становилось все темнее.

— Я категорически возражаю, — заявил Стив, подчеркивая каждое слово, — чтобы мой старый друг давал подобные показания. Помните: я еще вчера предупреждал вас об этом.

— Черт возьми, Стив, неужели никто не хочет, чтобы бедной Рите воздали должное?

Стив постучал пальцем по левой ладони:

— Если то, что вы утверждаете, правда — повторяю, если, — то я считаю, что эта женщина уже получила по заслугам. Она изменила своему мужу и собиралась его бросить. Она подорвала устои домашнего очага и семейной жизни, поэтому заслужила наказание, которое уготовило ей Провидение. Запомни это, Молли.

— Стив, мы оба достаточно стары, чтобы прекратить болтать вздор даже ради наших детей. Человеческую натуру не изменишь проповедями, иначе духовенство справилось бы с этим десять веков тому назад.

— Факт в том, — ответил он, — что она пыталась избежать ответственности и разрушила добропорядочную семью. Даже Джонсон признает...

— Кстати, что там с Джонсоном? — вмешалась Молли.

Хотя Стив казался раздосадованным тем, что его прервали, он не стал упрекать дочь.

— Джонсон протрезвел и раскаивается. Он говорит, что все всем прощает. — Стив фыркнул, очевидно не прощая Джонсону ничего. — Он даже прощает профессору Уэйнрайту газенокосилку, которую тот, по его словам, украл у него. Завтра утром его выпустят, оштрафовав на десять шиллингов. Больше я ничем не могу ему помочь.

— Бог с ним, с Джонсоном. Можете ли вы теперь честно утверждать, что это было самоубийство по сговору?

— Важно то, дружище, — ответил Стив, — что можно доказать. А полиция может доказать, что это самоубийство. Таким образом, юридически...

— К черту юридический аспект!

— О нет. Никогда так не говорите — это глупо. Факт в том, что эти двое не взяли бриллианты. Следовательно, они не намеревались бежать.

— А как же чемодан, найденный рыбаками и содержащий женскую одежду?

— Где доказательства, что одежда принадлежала Рите? — возразил Стив. — Если их нет, значит, она могла принадлежать кому угодно. И скажу вам еще кое-что. — Он попытался обследовать в сумерках свои ногти. — Если Рита собиралась бежать, чтобы начать новую жизнь, она бы не стала брать с собой одежду с метками «Р. У.» или любыми другими метками, а обзавелась бы новой, которую невозможно опознать. Поэтому я почти уверен, что никогда не удастся доказать, будто это ее одежда.

Я стиснул голову руками.

— Я говорю «Рита», — добавил Стив, — но, конечно, имею в виду «миссис Уэйнрайт».

— Однако вам не хочется рассказать мне, почему вы поссорились?

Стив колебался.

— Ну, в общем, я не возражаю. Она просила меня продать для нее бриллианты. Я отказался, и у нас вышел конфликт.

— А почему вы отказались?

— Во-первых, я не комиссионер. Во-вторых, подаренные мужем бриллианты, согласно юридической этике, считаются общей собственностью супругов, как объединенный банковский счет. Я сказал, что могу попытаться осуществить прода-

жу, если получу указания профессора Уэйнрайта. К сожалению, она вышла из себя и запретила мне даже намекать ему об этом. Слово за слово, и... — Стив пожал плечами.

— Но это было до того, как она встретила Салливана?

— Задолго до того. Полагаю, мистер Уэйнрайт слегка урезал ей содержание из-за стесненных обстоятельств. — Словно подводя итог, Стив хлопнул себя по колену, встал и повернулся к Молли: — Нам пора идти, молодая леди. Хочу только предупредить вас, Люк: никаких опрометчивых заявлений на завтрашнем дознании.

Мы зашагали по дорожке между высокими голубыми дельфиниумами, с камнями по обеим сторонам, выкрашенными в белый цвет, так что их можно было видеть даже при затемнении. Я и Белл шли к задней двери — девушка внезапно побежала вперед. Молли и Стив направлялись к калитке, но Молли неожиданно вернулась.

Время затемнения еще не наступило, и незанавешенные окна буфетной, где миссис Харпинг сервировала обед, были ярко освещены, позволяя мне видеть голубые глаза Молли, сияющие, как у Белл, и ее белые зубы в полуоткрытом рту.

— Доктор Люк, вы говорили о человеческой натуре...

— Ну?

— Если человеческая натура подсказывала бы вам что-то сделать, но против этого возражали бы воспитание и традиции, вы бы сделали это?

— Речь идет о чем-то, что впоследствии тяготило бы вашу совесть?

— Нет!

— Тогда повинуйтесь подсказке человеческой природы.

— Спасибо. Думаю, я так и поступлю. — И Молли побежала вслед за отцом.

Обед этим вечером проходил тягостно. Я ничего не говорил Тому о моих планах на завтрашний день, так как его хватил бы удар, и покорно выслушал лекцию по поводу пропущенного мною чая. Белл я заранее предупредил, чтобы она помалкивала.

Не знаю, смог ли я убедить читателя, что очень горжусь своим сыном, хотя о таких вещах не принято говорить и даже писать о них кажется дурным вкусом. Эти дни Том

работал даже не за пятерых, а за десятерых. Сейчас Том был поглощен интересным, хотя и не смертельным случаем отравления карболовой кислотой в Элм-Хилле, и я был предоставлен собственным мыслям, покуда он описывал Белл все подробности в твердой уверенности, что тема ее безумно увлекает.

— Прежде всего, — говорил Том, кладя себе на тарелку пирог с мясом и почками, — нужно промыть желудок теплой водой.

— О, Том!

— Да. С раствором сульфата магния или, если предпочитаешь, засахаренным лимоном.

— Лично я всегда предпочту засахаренный лимон, — сказала Белл. — Но пусть это на тебя не влияет.

— В комбинации с фенолом это создает безвредный эфир-сульфонат, поэтому... Слушай, поросенок, ведь ты ни черта об этом не знаешь.

— Какое у нас чувство юмора! Возьми эту солонку и запихни ее себе в глотку.

При этом Белл наблюдала за мной.

«Как, во имя Сатаны, доказать, что Рита и Салливан были убиты? Как сделать это до десяти утра?»

— Папа, ты ничего не ешь!

— Я не голоден, Том.

— Но ты должен поесть! Даже в тюрьме ты питался бы лучше, чем в эти дни!

— Оставь его в покое, Том!

«Как это доказать? Как? Как? Как?»

— Пожалуй, если ты не возражаешь, я не останусь на десерт. Прощу меня извинить.

Я встал и вышел из-за стола. Закрывая дверь столовой, я бросил взгляд на них — Тома, массивного и веснушчатого, с мешками под глазами, и Белл с глянцевыми локонами и алыми ногтями, сидящих под стеклянной люстрой, которая висит над этим столом более тридцати лет.

Миссис Харпинг вышла из кухни с протестами, и боюсь, что я огрызнулся на нее. Войдя в гостиную, я послушал удручающие новости и выключил радио. Это напомнило мне об Алеке, лежащем в «Мон Репо».

После этого я погасил свет в холле, открыл входную дверь и выглянул наружу. Над угольно-черной деревней ярко светила луна, отражаясь в оконных стеклах. Из «Кареты и лошадей» с другой стороны дороги доносились звуки веселья. Кто-то шел по дороге, топая ногами и насвистывая «За радугой»¹. Мы все насвистывали «За радугой» этим летом — возможно, самым трагическим летом в нашей истории.

Я заметил, что оставил машину на улице, но не стал отводить ее в гараж. Не желая ничьей компании, я поднялся к себе в спальню, закрыл дверь и включил свет.

Все здесь было знакомым — старое моррисовское кресло² и портрет Лоры, матери Тома, над кроватью. Том и Белл слушали внизу по радио «Если бы ты была единственной девушкой в мире».

На полках стояли знакомые книги, но этим вечером я к ним даже не прикоснулся. Раздевшись, я облачился в ночную рубашку, халат и шлепанцы.

«Люк Кроксли, — обратился ко мне внутренний голос, — ты должен покончить с этой нелепой ситуацией».

«Вот как? И каким же образом?»

«Руководствуясь имеющимися фактами, определить, как эти двое умудрились исчезнуть на краю утеса, словно мыльные пузыри, и как они были убиты».

«Едва ли я смогу это сделать, когда сам сэр Генри Мерривейл признается в собственном бессилии».

«Так или иначе, это должно быть сделано, — твердил голос. — Начни с бесспорных фактов...»

Опустившись в моррисовское кресло, я набил разрешенную мне раз в день трубку и закурил. Когда она погасла, я снова набил и зажег ее, чувствуя вину и в то же время бодрящее ощущение свободы.

Том поднялся к себе в начале двенадцатого. Я боялся, что он обратит внимание на количество дыма в комнате, но он

¹ «За радугой» — песня американского композитора Хэролда Арлена (1905–1986) на слова Э.И. Харбурга (Исидора Хохберга) (1896–1981), которую исполняла юная американская актриса Джуди Гарленд в фильме 1939 г. «Волшебник из Оз» по одноименной сказке Фрэнка Баума.

² Большое кресло с откидной спинкой и съемными подушками, названное по имени английского художника, поэта и мебельного дизайнера Уильяма Морриса (1834–1896).

лишь через дверь пожелал мне доброй ночи. Спустя несколько минут в дверь постучала Белл и вошла, неся чашку на блюде.

— Я приготовила вам горячий овальтин¹, док, — сказала она. — Обещаете выпить его перед сном?

— Да, если вы настаиваете.

— Но вы должны выпить его прежде, чем он остынет.

— Хорошо, обещаю.

Она поставила чашку на столик возле кресла.

— Слушайте, док, карты выпали против вас. Почему бы не сдаться? Скажите завтра то, что они от вас хотят.

— Пожалуйста, ложитесь спать!

— Ладно, старичок. Между прочим, как насчет нашей подружки Молли Грейндж?

— А она тут при чем?

— Думаю, вы заметили, что она по уши влюблена в Пола Феррарса?

— Конечно заметил.

— Ну, — вздохнула Белл, — надеюсь, ей больше повезет с ее друзьями, чем мне с моими. Доброй ночи.

Она вышла, хотя, похоже, собиралась сказать что-то еще. Белл, несомненно, нуждалась в утешении, но я был настолько эгоистичен, что выводил ее.

Как вы догадываетесь, я дал овальтину остыть. Закурив очередную трубку, я позволил фактам разворачиваться передо мной как на экране, покуда часы продолжали тикать в тишине.

Начав с бунгало и мерцающей тропинки к Прыжку Влюбленных, я мысленно отправился по долинам, утесам, водам и пещерам к Эксмур и дороге на Бейкерс-Бридж, после чего вернулся к бунгало и его обитателям. Закрыв глаза, я представлял себе следы ног сначала дождливым вечером, потом при солнечном свете. Я думал об Алеке, Рите, Салливане, Феррарсе, Молли, Стиве, Джонсоне и Белл...

Хотя многие события, происшедшие в «Мон Репо» в субботу вечером, были объяснены, остальные не были зат-

¹ О в а л ь т и н — напиток из молока с сахаром, какао и экстракта со-
лода.

ронуты в реконструкции, осуществленной сегодня Г. М. Эти факты казались не только загадочными, но и бессмысленными.

Например, перерезанные телефонные провода и вылитый из автомобилей бензин. Зачем убийце это понадобилось?

Это должно быть частью его плана, если только не было проделано Джонсоном. Г. М. подчеркнул это вчера. Таким образом убийца ничего не приобретал. Это не могло предотвратить раскрытие преступления. Любой посторонний рисковал, прокрадываясь в дом, перерезая провода и засовывая их в коробку. Обрыв связи с внешним миром мог всего лишь задержать прибытие полиции, пока не...

Часы в холле пробили половину первого.

Я осторожно положил трубку в стеклянную пепельницу, так как моя рука дрожала.

Ибо я наконец нашел объяснение всему.

Глава 18

Когда я нашел главный ключ, все выглядело пугающе просто.

Я поднялся с кресла в наполненной дымом комнате, чувствуя, как колотится мое сердце. Чтобы сбить волнение, я напомнил себе, что, когда ощущаешь сердцебиение, обычно в этом виноват желудок.

Теперь я знал, где искать. Если убийца не был феноменально осторожен, возможно, мне удастся доказать свою правоту. Но разумно ли и даже возможно отправляться туда ночью?

Если кто-нибудь поймает меня выходящим из дома, Том будет читать мне нотации в течение двух недель. Труднее всего завести машину так, чтобы этого не услышали. Но мой автомобиль стоял не в гараже, а у ворот. Я мог спуститься под уклон с выключенным мотором по Хай-стрит, а потом поехать назад.

Когда я быстро одевался, то вспомнил, как Пол Феррарс говорил, что хорошо представляет себе доктора Люка выхо-

дящим среди ночи делать какие-то глупости. Очевидно, он знал мой характер лучше меня. Но это нужно было сделать.

Я оделся, за исключением ботинок, и положил в карман фонарь, когда заметил на столе чашку овальтина. Он был холодным как лед, но слово надо держать. Выпив залпом большую часть, я выключил свет и открыл дверь.

Предстояло спуститься по лестнице, никого не разбудив. Но я знал каждую скрипучую половицу в доме, запомнив их много лет назад, когда возвращался с ночных вызовов, стараясь не будить Лору. В темном холле астматически тикали часы. Неся в руке ботинки, я на цыпочках спустился вниз, заставив скрипнуть лишь одну ступеньку. Уже у парадной двери мне пришла в голову новая мысль.

Свидетель.

Я должен иметь свидетеля того, что собираюсь найти, иначе мне могут не поверить, даже если я найду это. Поэтому я на цыпочках подошел к приемной и бесшумно открыл дверь. Зажигать свет было незачем. Приемную можно было пересечь десятью шагами. У противоположной стены стоял книжный шкаф с томами в кожаных переплетах и черепом на нем. Четырьмя шагами дальше находились письменный стол и стул. Сев, я нащупал телефон и набрал номер Феррарса в Ридд-Фарм.

После нескольких призрачно звучащих гудков в трубке послышался сонный голос:

— Какого черта вы будите людей среди ночи?

— Это вы, сэр Генри?

Последовала долгая пауза.

— Простите, что беспокою вас, но у меня не было выбора. Я нашел это.

Голос стал резким:

— Нашли что?

— Разгадку. Я знаю, как это было проделано.

Снова пауза.

— Я как раз размышлял, поняли ли вы это, — произнес голос.

— Вы имеете в виду, что тоже до этого додумались? Тогда слушайте. Можете встретиться со мной на углу шоссе и дороги к Бейкерс-Бриджу?

— Сейчас?

— Да, сейчас. Завтра может быть слишком поздно. Я знаю, что поступаю бесцеремонно, но, возможно, нам удастся доказать свою правоту. Сэр Генри, я точно знаю, где были совершены эти убийства.

Было так темно, что я даже не мог видеть телефон. Тьма обволакивала мою голову, как шерсть, и даже глушила голос на другом конце провода.

— Сынок, я не могу! — пробормотал голос. — Я весь день ходил на больном пальце.

— Попросите Феррарса подвезти вас.

— Феррарса нет дома.

— Нет дома? В половине первого ночи? Где он?

— Не знаю. Но он ушел и забрал автомобиль.

— Тогда приезжайте в вашей коляске! Приезжайте как угодно! — Я громко шептал в трубку, но даже собственный голос казался мне звучащим издалека. Тьма давила все сильнее, подбираясь к барабанным перепонкам. — Я бы не просил вас, если бы это не означало предотвращение судебной ошибки! Вы приедете?

— Ладно. Угол шоссе и дороги к Бейкерс-Бриджу. Когда?

— Как можно скорее!

Когда я положил трубку и начал вставать, произошли две вещи.

На стене передо мной появилась вертикальная полоса света. Дверь за моей спиной открылась, и кто-то включил лампу в коридоре. Полоса расширилась, когда дверь открылась. На стене, где стоял книжный шкаф с черепом, возникла чья-то тень. Мне казалось, что голова этой тени в точности совпадает с черепом.

— Что вы тут делаете, док? — прошептал голос Белл Салливан.

Когда я поднялся, у меня на секунду закружилась голова, и я ухватился за спинку стула, чтобы не упасть. Головокружение прошло, оставив ощущение спутанности мыслей в голове и сухости во рту.

— Что за идея, док? Почему вы одеты?

На Белл была пижама Тома в бело-голубую полоску, которая болталась на ее фигурке, хотя рукава и штанины

были подвернуты. Она надела также мои шлепанцы. Я хорошо помню ее силуэт и тусклый свет на потертом линолеуме.

— Я должен уйти, — шепнул я в ответ.

— Почему?

— Не важно. И, пожалуйста, говорите тише.

— Док, вы не можете уйти! — Шепчущий голос почти кричал. — Вы выпили овальтин?

— Да.

— В нем было снотворное, — сказала Белл. — Том дал его мне, но я подумала, что вы нуждаетесь в нем больше. Поэтому я добавила его в овальтин, чтобы вы хорошо отдохнули. Сейчас вы должны были спать как младенец.

Я пощупал свой пульс, который сильно замедлился.

— Что это было за снотворное, — осведомился я, — и в какой дозе?

— Не знаю! Это была маленькая красная капсула.

— Одна?

— Да.

Вероятно, секконал. Я выпрямился, не отпуская спинку стула.

Человек в какой-то мере может противостоять снотворному. Нам известно это по истеричным пациентам, которые испытывают страх перед сном. А поскольку я принял капсулу всего несколько минут назад, максимальный эффект должен был наступить позже. Но все же я ощущал слабость и легкую тошноту.

— Тем не менее мне нужно уйти.

— Я не пущу вас, док!

Должно быть, мое лицо напугало Белл, так как она отпрянула. Я ободряюще похлопал ее по плечу, проходя мимо. Колени мои дрожали, но голова была сравнительно ясной. У парадной двери я надел ботинки, снова почувствовав головокружение, и выскользнул наружу.

Ночной воздух был холодным и приятным. Я сел в машину, съехал под уклон, потом завел мотор, поехал назад и, оставив позади темные дома на Хай-стрит, помчался с такой скоростью, какую никогда не позволял себе раньше.

Я знал, кто убийца. Меня тошнило при мысли, как легко нас одурачил человек, которого мы все знали и которому симпатизировали.

Луна была яркой, круглой и белой — позднее это стали называть «луной для бомбардировщиков». Меня охватывало чувство нереальности, словно я мчался сквозь пространство и время наедине с луной и изгородями. Я обогнал автомобиль, показавшийся смутно знакомым, со скоростью около семидесяти миль в час.

Внезапно впереди появилось дерево. Я резко нажал на педаль. Послышался скрежет тормозов, и машину сильно тряхнуло. Собравшись с духом, я поехал дальше.

Перед правым поворотом на дорогу к Бейкерс-Бриджу я замедлил скорость и остановился.

Г. М. на месте не было. Едва ли он мог так быстро добраться сюда, но я не думал об этом. Я вылез из машины, поддерживаемый таинственной силой, которая создавала ощущение полета — приятное, если не считать покалывания в скальпе и кончиках пальцев.

Все это время я говорил сам с собой, как пьяный, озвучивая каждую мысль, приходящую мне в голову. Г. М. не было, но я не мог его ждать.

— Не существенно, — произнес я вслух. Мне казалось важным произвести впечатление на какого-то невидимого слушателя. — Он последует за мной.

Я не подумал о том, что он, вероятно, не сможет это сделать. Когда я сказал ему: «Встретимся на углу шоссе и дороги к Бейкерс-Бриджу», он, должно быть, решил, что я собираюсь отправиться в старую студию, которая уже видела столько страха и мучений.

Но я направлялся вовсе не туда.

Вместо того чтобы повернуть направо, я пересек дорогу налево, в сторону моря. Между шоссе и тянущимися параллельно ему утесами находилась широкая полоса открытого пространства с пригорками и холмиками, где росли скудные деревца, пригнутые к земле ветром. Пробираясь между ними, я молился вслух, как странствующий пастор XVII века, — чтобы моя голова оставалась ясной, пока я не доберусь до туннеля, ведущего вниз к Пиратскому Логову.

Несмотря на распространенное мнение, пещеры на нашем берегу никогда не служили пристанищем для контрабандистов — для этого вам следует отправиться в Южный Девон или Корнуолл. В позапрошлом и прошлом веке контрабандистам было нелегко добираться из Франции в Северный Девон. Пещеры — естественный феномен, усеивающий скалы. Им дали колоритные имена: Преисподняя, Приют Ветров, Пиратское Логово.

Именно последняя пещера мне и была нужна.

С этой стороны к ней вел туннель, полого спускающийся футов на сорок. Противоположный вход, с внешней стороны утеса, находился в тридцати футах над прибрежными камнями и в полумиле от дома Уэйнрайтов, если идти вдоль линии утесов.

Я бросил взгляд через плечо на освещенное луной пространство, но не увидел ничего, кроме стоящей вдалеке моей машины, шоссе и дороги к Бейкерс-Бриджу. Потом я начал спускаться.

Сначала это был настоящий кошмар. Нужно было пролезть в узкий проход между холмами и спуститься на три деревянные ступеньки, которые власти установили для экскурсантов. Я зажег фонарь, но его свет был слишком слабым.

Вход в туннель находился примерно в сотне ярдов от края утеса. Идти по нему можно было только опустив голову.

Это было хуже всего, так как черные волны тут же начали захлестывать мозг. Один раз я упал, но, к счастью, не разбил фонарь. Воздух в туннеле был вполне свежим, хотя и пах землей; ноги скользили по песку на спуске, но я придерживался одной рукой за влажную стену.

Внезапно из темноты мне в лицо подул сильный соленый ветер. Я услышал слабый плеск воды. Очевидно, было около часу ночи, и прилив достиг основания утеса.

Еще десять шагов — и я оказался в Пиратском Логове.

Передо мной была зубчатая голубовато-белая арка, освещенная луной. Внизу, отражая свет моего фонаря, плескалась черная вода. Было холодно и сыро. Округлая пещера с ребристыми стенами имела около пятнадцати футов в ширину и около десяти в высоту. Каменные выступы на стене

слегка напоминали череп и скрещенные кости, чему место было обязано своим названием.

Я обвел пещеру лучом фонаря, но не увидел ровным счетом ничего.

Плеск воды отзывался в неровных стенах глухим эхом; выступ, похожий на череп и кости, покрывали нацарапанные инициалы посетителей; щербатый каменный пол был скользким от стеарина.

«Но здесь должно быть что-то!» — прокричал голос у меня в голове так громко, что зазвенело в ушах.

Я понимал, что долго не продержусь. Череп и кости расплывались перед глазами; свет фонаря становился тусклым. Все, что мне удалось обнаружить, было огарком свечи, торчащим в стенной нише, прикрывавшей его от ветра.

Я попытался зажечь свечу, но смог сделать это только пятой спичкой. Пламя двоилось перед глазами, но череп и кости стали более отчетливыми.

«Пистолет, — повторял внутренний голос, — отбрасываю гильзы вверх и вправо».

Сунув фонарь в карман, я громко крикнул, чтобы остаться в сознании еще несколько минут, и начал ощупывать стены, как слепой жук. Выступы и впадины казались бесконечными.

Наконец я нащупал миниатюрный металлический предмет, застрявший в щели, куда его отбросило при выстреле. Но когда я коснулся его, он свалился на пол и покатился в сторону. Теперь мне пришлось шарить по полу, чтобы снова отыскать его.

Держа предмет на левой ладони и прикрывая его правой, как пойманное насекомое, я закрыл глаз, подождал, пока зрение не прояснится во втором, и посмотрел на него.

Это была медная гильза от пули 32-го калибра.

Но мои находки этим не исчерпывались. Смутное воспоминание о других ощущениях под пальцами снова привело меня к стене. Вскоре я вытащил еще два предмета, которые мечтал, но не надеялся найти. Они были так глубоко засунуты в одну из впадин, что выдернуть их было так же трудно, как водоросли. Гильза лежала в безопасности в моем жилетном кармане. Я опять отошел от стены, держа в каждой руке по новой находке.

Это были два купальных костюма. Точнее, синие мужские плавки с белым поясом и металлической пряжкой и светло-зеленый женский купальник, который могла бы опознать половина Линкома. Оба предмета были грязными и все еще влажными.

— Теперь убийца в наших руках, Г. М., — произнес я вслух. Позади меня кто-то выстрелил из туннеля.

Я не сразу понял, что это выстрел, но звук пули, срикошетиравшей о камень, напоминающий пение лопнувшей струны фортепиано, мог бы узнать любой, кому когда-либо приходилось бывать под огнем.

Пещера наполнилась эхом, а на черепе в стене появилась шербинка. Кто-то выстрелил снова, и свеча погасла.

Полагаю, я должен был радоваться этому. Но в тот момент я почти ни о чем не думал и ничего не чувствовал. Прижимая к груди купальные костюмы, словно они были моим самым ценным имуществом, я сделал пару шагов по неровному полу и упал.

В пещере было темно, если не считать лунного света, проникающего сквозь выход к морю. Вода плескалась внизу на расстоянии менее двух футов.

Я изо всех сил старался не потерять сознание. Сначала я пытался перевернуться, но пол был мокрым и скользким. С трудом мне удалось перевернуться на бок и вытащить из кармана фонарь. Хотя я был абсолютно беспомощен, как человек, потерявший много крови, мне хватило сил нажать кнопку.

Луч фонаря, ослепивший меня как прожектор, забегал в разные стороны, пока я не смог сфокусировать его на входе в туннель.

Кто-то стоял там.

Глава 19

Первым, что я увидел, проснувшись, были старое моррисовское кресло и край кружевной занавески, освещенной солнцем.

Я не сразу смог узнать кресло и даже собственную спальню с окнами в задний сад, хотя чувствовал себя свежим и отдохнувшим. Кровать подо мной казалась сделанной из лебя-

жьего пуха. Потом я увидел обращенное ко мне лицо сэра Генри Мерривейла.

— Доброе утро, доктор, — поздоровался он как ни в чем не бывало.

Пока я опирался на локоть, Г. М. придвинул стул и сел у кровати, положив обе руки на набалдашник трости.

— Вы долго спали, — продолжал он, — и это пошло вам на пользу. Белл Салливан помогла вам куда сильнее, чем думала, добавив сексонал в ваш овалитин.

Только тогда я все вспомнил.

— Не пытайтесь встать! — предупредил Г. М. — Сядьте поудобнее, вам сейчас принесут еду.

— Как я здесь оказался?

— Я доставил вас сюда, сынок.

— Уже утро? Когда дознание?

— Сынок, дознание закончилось несколько часов назад, — вздохнул Г. М.

Окна были открыты, и я слышал кудахтанье в соседском курятнике. Я думал о том, пошлет ли мне наконец Господь хоть немного удачи и не добавит ли последнюю каплю горечи во все, что я сделал.

— По словам нашего друга Крафта, — продолжал Г. М., — это хорошо, что вы были не в силах давать показания. Если бы вы смогли это сделать, то попали бы в жуткую передрыгу. Вы знаете это не хуже меня.

— Каков вердикт?

— Двойное самоубийство в состоянии психической неуравновешенности.

Я сел в кровати, прислонившись к подушкам.

— Сэр Генри, где одежда, которая была на мне прошлой ночью?

Он кивнул в сторону, не сводя с меня глаз:

— Висит на стуле. А что?

— Если вы заглянете в нижний правый карман жилета, то поймете, что.

— В карманах ничего нет, — отозвался Г. М. — Мы проверили.

Постучав дверь, в комнату заглянула Молли Грейндж. На ней были домашнее платье и фартук; она выглядела до-

вольной. Следом появилось обеспокоенное лицо Белл Салливан.

— Доктор готов к завтраку? — спросила Молли.

— Угу, — ответил Г. М. — Лучше принесите его сюда.

Несколько секунд Молли молча смотрела на меня.

— Вы пугали нас и прежде, — заговорила она наконец, — но едва ли так сильно, как прошлой ночью. Хотя я оставлю проповеди на потом.

Молли вышла, плотно закрыв дверь. Теперь я чувствовал себя настолько потрясенным, беспомощным и измученным, что мог спокойно смотреть на ситуацию.

— Ну, Крафт своего добился, — сказал я. — Получил нужный вердикт и больше не будет напрягаться. Жаль, потому что я знаю правдивое объяснение всего происшедшего, и оно не совпадает с объяснением Крафта.

Г. М. достал сигару и начал вертеть ее в пальцах.

— Вы вполне уверены, что знаете, как все было проделано, сынок?

— В час ночи я мог это доказать. А теперь...

— В конце большинства дел, — проворчал Г. М., зажигая спичку и поднося ее к сигаре, — старик обычно садится и объясняет тупоголовым, где они сбились со следа. Давайте на сей раз перевернем процесс задом наперед.

— Перевернем?

— Вы будете объяснять мне. Вам известно, кто убийца?

— Да.

— Ну, я мог бы сам попытаться назвать его, если бы тип вроде Мастера бросил мне вызов. Но мы сравним наши выводы. Это кто-то, кого мы подозревали?

Определенное лицо встало перед моим мысленным взором.

— Это, безусловно, не тот, кого я заподозрил бы с первого взгляда, — ответил я. — Тем не менее это лицо — жестокий убийца, и я не могу понять, каким образом нас так долго дурачил человек, кого мы хорошо знали.

В дверь снова постучали. На сей раз вошел Пол Феррарс.

— Рад видеть вас в добром здравии, доктор Люк, — сказал он. Впервые я увидел его чисто выбритым и в галстук. — Молли сообщила, что вы проснулись. Если вы в силах

рассказать об этом, мы все хотели бы знать, что с вами произошло.

— Сядьте, сынок, — деревянным голосом предложил ему Г. М. — Доктор Кроксли как раз собирался поведать нам, кто и как совершил убийства.

Мгновение Феррарс стоял неподвижно, положив руку на галстук. Наморщив лоб, он с сомнением посмотрел на Г. М. Последний сделал сигарой жест, и Феррарс сел в мое моррисовское кресло, повернув его. Рядом с ним находились пустая чашка из-под овальтина и моя трубка.

— Прошлой ночью я сидел здесь, ломая голову над доказательством, — заговорил я. — Все улики были передо мной, словно в зале суда. Но ничто не совпадало друг с другом, пока я не вспомнил о перерезанных телефонных проводах и бензине, вылитом из автомобилей. Кто сделал это и почему?

Г. М. вынул изо рта сигару.

— Ну? — поторопил он меня.

Я закрыл глаза, чтобы лучше представить себе сцену, и продолжал:

— В субботу вечером, когда начался дождь, Барри Салливан заявил, что должен внести в беседку пляжные кресла. Он отправил Риту и меня в дом, а сам остался, чтобы заняться этим. Но Салливан не внес кресла — я видел их на лужайке, когда ездил в «Мон Репо» вчера. С другой стороны, Салливан чем-то занимался, так как вернулся в дом, вытирая руки носовым платком. Я почти уверен, что он испачкал их, выливая бензин из автомобилей.

Феррарс выпрямился в кресле.

— Это сделал Салливан?

— Да. И он же вместе с Ритой перерезал телефонные провода. Зачем? Для того чтобы Алек Уэйнрайт или я были вынуждены идти пешком в Линком или еще дальше с целью связаться с полицией.

И Алек, и я шли бы очень медленно. Я — по очевидным причинам, а Алек — из-за больных суставов. Любой из нас не мог пройти четыре мили меньше чем за два часа. Добравшись в Линком, мы бы позвонили в полицию, которая находится на еще большем расстоянии, и только через некоторое время они бы отправились в «Мон Репо». В силу

различных обстоятельств — включая обморок Алека и мою задержку — полиция прибыла туда только в час ночи.

Г. М. продолжал молча курить.

Феррарс недоуменно наморщил лоб.

— Заявляю прежний протест! Отправка вас двоих пешком не предотвратила бы приезд полиции.

— Нет, — согласился я и повысил голос. — Но это оттянуло бы их приезд до периода максимального прилива.

На этот раз я не слышал, как вошла Молли Грейндж.

Вот что делает чрезмерная сосредоточенность. Я вздрогнул, увидев Молли, стоящую рядом, держа поднос с завтраком. Белл маячила позади. Я машинально взял поднос, хотя никогда в жизни не испытывал меньшего желания есть, и поставил его на колени.

Обе девушки, очевидно, слышали, что я говорил. Они остались в спальне.

— В половине десятого в субботу вечером, когда я отправился к Прыжку Влюбленных и обнаружил, что эти двое, очевидно, прыгнули с утеса, прилив уже начинался. Я указал на это Алеку, когда он спросил, будет ли полиция искать у подножия утеса.

— Какой максимальной высоты достигает прилив? — Я посмотрел на Г. М.: — Вы знаете цифру, сэр Генри, так как Крафт упомянул о ней, когда мы ехали в понедельник в студию. — Я перевел взгляд на Белл: — И вы тоже знаете, молодая леди, потому что Молли говорила об этом в связи с визитом в пещеры по морю. Во время полной воды прилив достигает высоты тридцать футов.

Правда, высота утеса семьдесят футов. Но при полной воде или незадолго до того такой прыжок не составит труда для опытных пловцов и ныряльщиков — а ими, как нам известно, были Рита Уэйнрайт и Барри Салливан.

В спальне воцарилась тишина.

Феррарс открыл рот и тут же закрыл его. Г. М. молча курил. Белл уставилась в окно. Молли, сев в изножье кровати, тихо произнесла:

— Но...

— Давайте вернемся к моим приключениям в половине десятого, — снова заговорил я. — Итак, я обнаружил, что они,

очевидно, прыгнули с утеса. Я был потрясен и расстроен, как был бы и Алек на моем месте. Вот почему нас выбрали как свидетелей.

Как я говорил сэру Генри, тогда я был слишком расстроен, чтобы многое замечать. Пасмурным вечером при свете затененного фонаря я увидел только следы. И я не криминалист. Но я мельком обратил внимание на одну деталь этих следов. — Фактически я упомянул о ней в этом повествовании. — Один человек шел вперед твердым шагом. Другой плелся позади более медленными или более короткими шагами.

Но вчера, когда мы видели следы при дневном свете, сэр Генри указал на несколько других деталей. Отпечатки были вдавлены в землю спереди, как будто люди спешили или почти бежали. Но обе серии следов шли вровень, шаг за шагом и параллельно.

Вот что пробудило мою подсознательную память.

Весь план был сосредоточен вокруг одного эффекта. Нужно было заставить всех думать, что следы, которые я видел в половине десятого, были теми же, которые обследовала полиция в час ночи.

Снова наступило молчание.

Молли Грейндж даже не напоминала, что мои кофе, тост и бекон остывают. Она сидела в изножье кровати, положив руку на грудь.

— Сборник головоломок! — воскликнула девушка и объяснила, когда все повернулись к ней: — Я говорила доктору Люку, что нам может помочь сборник головоломок, который есть у меня дома. В одной из них два человека вроде бы прыгнули с утеса. В действительности один из них просто подошел к обрыву в собственных ботинках, потом надел ботинки другого и вернулся, пятась задом. Рита и Барри могли это проделать, переодев обувь на травянистом пригорке у края утеса. Но сэр Генри сказал, что этого не могло быть...

Ее взгляд устремился на Г. М., который продолжал пускать клубы дыма с тем же деревянным выражением лица.

— Да, — кивнул я. — Именно таким образом они оставили первую серию следов в расчете обмануть меня. Разумеется, они знали, что полицию таким образом не обманешь.

Феррарс медленно провел перед глазами тыльной стороной ладони, словно проверяя зрение. Его кадык конвульсивно подергивался.

— Допустим, — сказал он. — Но как они оставили вторую серию?

Простить это Рите было труднее всего. Но повторяю еще раз, что ее намерения были добрыми.

— Вероятно, оба ждали близости, пока я выйду и увижу фальшивые следы. Они позаботились, чтобы кто-то это сделал, оставив заднюю дверь открытой. Я был самым предсказуемым кандидатом. Алек к тому времени отупел от виски, а нужен был трезвый свидетель, которому бы поверила полиция.

Я увидел следы и поверил в них, после чего вернулся в дом, чувствуя себя... очень скверно. Но это не важно.

— И вы все еще считаете, что об этой женщине можно сказать хоть что-то хорошее? — почти крикнула Белл Салливан.

Молли выглядела слегка шокированной. Взглядом я заставил обеих умолкнуть.

— Потом они не спеша направились к пещере под названием Пиратское Логово. Вы все знаете ее. Там они оставили наготове свои чемоданы. В пещере переоделись в купальные костюмы и вернулись. Бунгало находится в четырех милях от любого другого жилья — их не могли заметить, если они держались в стороне от дороги. На ногах у обоих была обувь.

Они подождали, пока прилив станет достаточно сильным. Почва на заднем дворе достаточно мягкая в любое время, а тем вечером она была еще мягче из-за дождя. Поэтому они просто снова прошли по дорожке к Прыжку Влюбленных, на этот раз толкая перед собой... должен ли я продолжать? Что они толкали перед собой?

Молли поднесла руку ко лбу.

— Газонокосилку! — выдохнула она.

Последовала очередная пауза. Солнце светило все сильнее, и в комнате становилось жарко.

— Ту самую газонокосилку, — добавила Молли, — которую, по словам Уилли Джонсона, мистер Уэйнрайт якобы украл у него.

Я кивнул:

— Сэр Генри отметил вчера, что весь участок выглядит нетронутым. Разумеется, это означало употребление газонокосилки, хотя я был настолько туп, что не подумал о ней.

Итак, эти двое опять двинулись по дорожке. Железная газонокосилка, весившая более четырехсот фунтов, должна была разровнять землю, уничтожив первые, фальшивые серии следов. Они просто шли за ней, оставляя за собой подлинные отпечатки ног. Теперь объяснимы более глубокие вмятины спереди — они не бежали, а толкали газонокосилку. Также понятно, почему длина шага у обоих была одинаковой — этого и следовало ожидать.

Газонокосилка не оставила никаких следов, потому что дорожка с обеих сторон ограничена галькой. Ширина косилки — четыре фута. Помню, как Джонсон говорил нам это, когда мы встретили его накачавшимся пивом в понедельник на дороге к Бейкерс-Бриджу. Ширина дорожки, как нам известно, тоже четыре фута. Им оставалось только следить, чтобы газонокосилка не переезжала через гальку и не вдавливала ее в землю.

— Но как они могли видеть это в темноте? — спросил Феррарс.

— Очень легко. К тому времени небо очистилось, как я говорил Молли в понедельник. А галька, если помните, выкрашена в белый цвет, который используют, чтобы ориентироваться при затемнении. Крафт сам указал нам, как они могли видеть в темноте.

Белл, все еще глядящая в окно, закурила сигарету. Солнце, должно быть, слепило ее.

— Интересно, кто все это придумал? — злобно осведомилась она. — Барри или бабенка?

Молли резко отмахнулась.

— А потом?

Я подходил к самому неприятному.

— Техника, дорогая моя, была предельно простой. Подойдя к краю Прыжка Влюбленных, они столкнули газонокосилку вниз. Крафт признавал, что он не обыскивал подножие утеса. Потом они сами прыгнули в воду и поплыли к Пиратскому Логову. В разгар прилива вода поднима-

ется почти до входа в пещеру. Если они приплыли раньше, то могли оставить веревку, свешивающуюся из пещеры к морю.

Найти нужное место тоже не составляло труда. Они оставили горящую свечу — прошлой ночью я нашел огарок — в нише, где она была защищена от сквозняков. Пламя отражалось в воде, хотя не настолько, чтобы его можно было заметить с моря издалека.

Вскарабкавшись в Пиратское Логово, они сбросили купальные костюмы и снова облачились в обычную одежду. Еще через несколько минут они уже были бы на пути к старой студии и автомобилю Салливана. Но они не приняли в расчет одного. Я имею в виду убийцу.

Внешне ситуация выглядела вполне обычной — солнечный день, кудахтанье куриц в соседском курятнике, — но в действительности она была чудовищно ненормальной. Лица Молли, Белл и Феррарса были обращены ко мне. Я начал потягивать тепловатый кофе. Но моя рука дрожала, и мне пришлось поставить чашку.

Я думал о Пиратском Логове в субботу вечером. Тусклая свеча горит в нише. Салливан и Рита быстро переодеваются; Рита плачет, так как она покинула дом навсегда. А затем кто-то подкрадывается из туннеля с бледным искаженным лицом и стреляет в них в упор, прежде чем они успевают поднять руку...

— Послушайте... — хрипло начала Белл.

Погасив сигарету в мыльнице на умывальнике, она скользнула к краю кровати.

Дальнейшее было легко, рассеянно думал я. Убийца сбросил трупы и чемоданы в море. Тела получили мало повреждений, как отметил врач, производивший вскрытие, не потому, что они были мертвы, когда падали с высоты, а потому, что они никогда с нее не падали — прилив был максимальный. Трупы изуродовало почти до неузнаваемости течение, бьющее их о камни.

Я поднес руки к глазам.

— Вы говорите, — продолжала Белл, — что знаете, кто прикончил Барри и эту бабенку?

— Думаю, что знаю.

В паузе слышалось свистящее дыхание Молли Грейндж, наполовину приподнявшейся с кровати.

— И мы знаем этого человека? — спросила она.

— Разумеется, дорогая.

— Это кто-то... отсюда?

— Зависит от того, Молли, что ты под этим подразумеваешь.

— Мы слушаем, — сказал Феррарс. — Кто же их убил?

— Простите, мистер Феррарс, но думаю, что вы.

Пауза.

Я ненавидел этого человека и ничего не мог с собой поделать. Его актерское мастерство, возможно, было по-своему восхитительным, но мы были сыты им по горло.

По выражению лица Феррарса можно было подумать, что он изумлен до глубины души. Феррарс медленно поднялся с моррисовского кресла. Прядь волос падала ему на лоб, совсем как у фюрера.

— Я?! — завопил он, тыча себя пальцем в грудь. — Я?! За каким чертом мне это могло понадобиться?

От волнения я опрокинул кофейную чашку, поэтому Белл пришлось подойти и забрать поднос.

— Ну?! — орал Феррарс.

— Вы были достаточно дружны с Ритой, — ответил я, — чтобы изобразить ее на портрете с выражением лица, которое никто никогда не замечал, кроме, возможно, Салливана. Понимаете, о чем я?

Феррарс судорожно глотнул. Его взгляд метнулся к Молли, которая застыла как вкопанная.

— Да, понимаю. Я... я изобразил ее такой, какой видел. Манящей, соблазнительной... и так далее. Но это не обязательно что-то означает.

— Вдобавок, мистер Феррарс, вы, отнюдь не будучи затворником, живете на Эксмуре и должны отлично знать, где можно утопить машину. Далее, ваше необычайно мягкое обращение с миссис Салливан, когда она потеряла сознание, выбравшись из этой машины в зыбучем песке в воскресенье. Вы были знакомы с ней и любили ее...

— Проклятие! — рывкнул Феррарс, проведя рукой по лбу. — Нашли о чем распространяться перед девушкой, которую я действительно...

— Когда мы вывели миссис Салливан из старой студии в понедельник во второй половине дня, вы сразу, как только увидели ее, воскликнули: «Белл Ренфру!» Но вы сделали не только это. Вы хлопнули рукой по борту автомобиля.

— Ну и что?

— Миссис Салливан рассказывала нам, как убийца, который привез ее в зыбучие пески, ходил по студии взад-вперед, ударяя рукой по корпусу «паккарда». Полагаю, мистер Феррарс, именно это заставило ее при виде вас повернуться и пойти назад к студии. Даже если она только подсознательно узнала в вас убийцу.

Белл медленно повернула голову.

Феррарс поднял руку, словно собираясь снова по чему-нибудь ударить, но сразу опустил ее.

— Только не проводите со мной сеанс психоанализа! — взмолился он. — Этого я не вынесу. У вас есть какое-нибудь доказательство этого вздора?

— К сожалению, нет. Вы об этом позаботились.

— Позаботился? Как?

— Если бы мне позволили сохранить стреляную гильзу и два купальных костюма, которые я нашел в Пиратском Логове прошлой ночью, я мог бы предъявить их суперинтенденту Крафту. А что я могу показать ему теперь? Полагаю, мне следует быть вам благодарным за то, что вы не застрелили меня, но благодарность — не то чувство, которое я могу испытывать к убийце Риты Уэйнрайт. Ведь это вы стреляли в пещере, не так ли?

Феррарс шагнул вперед.

— Погодите! — резко произнес он. — Вы сказали — прошлой ночью. В котором часу?

— Ровно в час. Если помните, в половине первого дома не было ни вас, ни вашего автомобиля.

Молли наконец вышла из ступора. На ее лице мелькали сдержанный гнев, недоверие, озадаченность, возможно, ревность. За несколько секунд она проявила больше эмоций, чем я замечал в ней до сих пор. Я рассказал о происшедшем прошлой ночью.

— Но Пол не мог находиться около Пиратского Логова в час ночи! — воскликнула Молли. — Он был...

— Минутку, сынок, — вмешался спокойный голос.

Хотите — верьте, хотите — нет, но мы напрочь забыли о сэре Генри Мерривейле. В течение всей суматохи он не произнес ни слова, сидя в нескольких футах от моей кровати и положив руки на набалдашник трости. Сигара выгорела до четверти дюйма от его рта. Г. М. покосился на нее, проверяя, погасла ли она, убедился, что да, вынул ее изо рта и бросил в пепельницу, потом фыркнул и поднялся.

— Знаете, доктор, — заметил он, — я должен вас поздравить.

— Спасибо.

— Отличная реконструкция, — продолжал Г. М. — Простая, четкая и продуманная. Две серии отпечатков ног, газонокосилка, чудо, которое не было таковым... — Он провел рукой по лысине и посмотрел на меня поверх очков. — Жаль только, что в ней нет ни слова правды.

Феррарс не сел в кресло, а упал в него.

Так как я уже сидел в кровати, со мной такого произойти не могло. Но теперь я понимал, что чувствуешь, когда упорядоченный мир распадается на куски еще быстрее, чем в результате войны.

— Понимаете, — виновато продолжал Г. М., — я сам думал об этом. Прошлой ночью я попросил ребят в резиновых сапогах обследовать подножие утеса при отливе. И там не было никакой газонокосилки.

— Но она должна быть там! Может быть, ее...

— Унес убийца? В одиночку, среди острых камней и прибывающей воды унес четыреста фунтов железа?

Мне пришлось признать его правоту.

Г. М. почесал нос и бросил взгляд на Феррарса.

— И еще одно, доктор. Будьте осторожны, рассказывая эту историю и впутывая в нее этого парня. На прошлую ночь у него алиби, такое же железное, как газонокосилка.

Белл нервно озиралась.

— Вы все спятили? — осведомилась она. — Я была готова поклясться, что доктор попал в точку. Каждое слово звучало настолько убедительно, что усомниться в этом было невозможно даже при желании. Если все было не так, то как же?

Г. М. долго смотрел на нее. Потом его лицо вновь стало бесстрастным, а голос — усталым и стариковским.

— Не знаю, девочка моя, — ответил он. — Кажется, мы должны начать сначала и снова сидеть и думать. — Он опять почесал нос. — Но боюсь, старик потерпел поражение. В Лондоне, как вы, возможно, слышали, говорят, что я уже ни на что не гожусь. Я вышедшее из моды ископаемое. Вероятно, они правы. Как бы то ни было, до свидания. Я иду в «Карету и лошадей» и утоплюсь в кружке пива.

— Но послушайте! — крикнул я ему вслед. — Как вы узнали, что я был в пещере, если говорите, что нашли меня?

Г. М. задержался в дверях, но не вернулся и не ответил. Опираясь на трость, он вышел в холл. Позднее миссис Харпинг говорила, что он прошел мимо нее с таким свирепым видом, что она уронила тряпку и чуть не закричала. Я слышал, как он медленно, словно вслепую, спускается по ступенькам к парадной двери.

ПОСТСКРИПТУМ И ЭПИЛОГ,
написанные Полом Феррарсом,
членом Королевской академии

Здесь заканчивается рукопись, подготовленная доктором Люком Кроксли. Она завершается не так, как намеревался это сделать ее автор, но может существовать как самостоятельный документ.

Доктор Кроксли встретил свою кончину в ночь первого авианалета на Бристоль 25 января 1940 года. Он умер при характерных для него обстоятельствах, делая срочную операцию в горящем здании и не думая о собственной жизни, после семи часов тяжелой работы в самом центре ада от начала Касл-стрит до конца Уайн-стрит.

Иронию судьбы в связи с этой историей я не намерен обсуждать, но должен упомянуть о ней. Целью этой рукописи было доказать то — в чем доктор Кроксли был убежден до последнего дня, — что Рита Уэйнрайт и Барри Салливан не покончили с собой, а были убиты.

К счастью, он никогда не узнал, что убийцей этих двоих, которого он преследовал с таким упорством, был его собственный сын Том.

Глава 20

Можно считать, что дело подошло к концу в моей студии в Ридд-Фарм на Эксмуре, холодным и туманным вечером в начале февраля 1941 года.

Молли и я — Молли стала миссис Феррарс в июле — развели огонь в камине с достаточно просторным очагом, чтобы туда можно было въехать на небольшом автомобиле. Горящие поленья отбрасывали красно-желтый свет на коричневые балки и затемненную стеклянную крышу.

Молли сидела, скрестив ноги, на ярком индейском ковре у камина. Я поместился напротив, покуривая трубку в лучших семейных традициях. А на диване среди подушек лицом к огню расположился Г. М. Старый маэстро приехал из Лондона на уик-энд, чтобы сообщить нам правду. Шок от услышанного еще не миновал.

— Том! — повторяла Молли. — Том! Том! Том!

— Значит, — сказал я, — доктор Люк все-таки был прав в своей реконструкции? Убийства были совершены именно так, только убийца...

Рукопись доктора Люка лежала на коленях у Г. М. Он перелистывал страницы, исписанные аккуратным почерком.

— Понимаете, — отозвался Г. М., положив рукопись на диван, — здесь сказано все. Доктор простодушно утверждал, что недостаточно находиться просто близко к человеку, чтобы видеть его. Если это было справедливо, когда он говорил об Алеке Уэйнрайте, то еще справедливее, когда он говорил о собственном сыне.

Любопытно, как он пишет о нем. В рукописи Том присутствует постоянно. Мы читаем о том, что он говорил и делал, и можем сформировать мнение о его характере. Но старый доктор к этому не стремился.

Дело в том, что он никогда не думал о Томе как о персонаже этой истории. Том присутствовал в ней как мебель, упоминаемый наряду с остальными посторонними деталями. Доктор не наблюдает за Томом, не понимает его и даже не считает это необходимым.

Впервые мы сталкиваемся с Томом, когда он закрывает свой медицинский саквояж и произносит энергичную речь о

нескромных любовниках, которые дают повод сплетничать об их связи. В последний раз мы видим его сидящим «с мешками под глазами» под люстрой в столовой, эмоционально истощенным и в крайнем напряжении. Старый доктор приписывает это физическому переутомлению и даже упрекает его за излишнее усердие на работе.

Ему никогда не приходило в голову, что он делит дом с сильным мужчиной, привыкшим подавлять свои эмоции, который так сильно влюбился в Риту Уэйнрайт, что, обезумев, убил саму Риту и ее любовника, узнав, что они собираются бежать. Наблюдая, можно было заметить, что дело идет к неизбежной трагедии.

Г. М. постучал по рукописи.

— Впрочем, это легко понять. Я уверен, что если бы мы писали отчет, где фигурирует член нашей семьи, то написали бы о нем так же, как и старый доктор.

Хотя в камине потрескивали дрова, Молли поежилась.

— А что вообще заставило вас подумать о Томе? — спросила она.

— Неужели вы, девочка моя, не поняли уже во второй половине вторника, что виновным мог быть только Том Кроксли? — Г. М. подмигнул мне: — А вы-то осознали это, сынок?

— Пусть меня повесят, если осознал!

— Но я имею в виду, — настаивала Молли, — что заставило вас подумать о нем впервые?

Г. М. посмотрел на нее поверх очков:

— Думаю, что вы, девочка моя.

— Я?

— Угу. В понедельник, после того как Крафт, доктор Люк и я приходили повидать вашего старика, мы ехали по шоссе, и Крафт спросил меня, что я о вас думаю. Я ответил, что вы мне очень нравитесь...

— Благодарю вас, сэр.

— ...но что я, как правило, не доверяю девушкам, которые утверждают, что не интересуются противоположным полом. Обычно это значит, что они подавляют свой интерес.

— Черт бы вас побрал!

Молли стала пунцовой, как некоторые секции индейского ковра. Несмотря на все еще раздражающую меня репутацию

насмешника, которую создала мне рукопись доктора Люка, я позволил себе скромно усмехнуться. Тем не менее Молли села ко мне на колени и я поцеловал ее при госте, что для миссис Феррарс является практически признаком распутства.

— Перестаньте тискаться! — рявкнул Г. М. — Именно тисканье довело беднягу до всех его бед.

— Прошу прощения, — извинилась Молли. — Продолжайте.

— Ну, я подумал о молодом парне, который лечил мой палец, — Томе Кроксли. Он тоже постоянно твердил, что не видит в женщинах никакой пользы, выставя себя эдаким монахом-траппистом¹. Женщины — хищницы, женщины — такие, женщины — сякие... Том выглядел прирожденным холостяком, и меня заинтересовало, не слишком ли он старается им выглядеть.

В конце концов, он был лечащим врачом Риты Уэйнрайт. Кто-то должен был написать ей рекомендацию для паспорта, если доктор Люк этого не сделал. Почему Рита была так расстроена 22 мая, когда пришла повидать доктора Люка, заявляя, что ей нужно снотворное, но в действительности чтобы вытянуть из него рекомендацию? Он спросил ее, почему она не обратилась к Тому, и Рита не дала адекватного ответа. Не потому ли, что, так как она не рискнула обратиться к Люку с этой просьбой, ей пришлось обратиться к Тому? А если так...

Понемногу картина начинала проясняться. Понимаете, мне не понравилась одна часть разговора доктора Люка с Алеком Уэйнрайтом в субботу вечером.

В приемной доктора Люка Рита клялась ему, что никогда не изменяла мужу до встречи с Салливаном. Доктор Люк, в свою очередь, сообщил это Алеку Уэйнрайту. «Понимаю, почему она вам не рассказала», — засмеялся Алек. Для ошеломленного доктора это не означало ничего, но для моего подозрительного ума значило очень многое. Что, если Том и Рита были любовниками?

Во вторник утром мы споткнулись о пункт, который беспокоил меня с самого начала.

¹ Т р а п п и с т ы — члены ответвления цистерцианского монашеского ордена, отличающегося особо строгим уставом.

Г. М. внезапно сделал паузу.

Его лицо стало рассеянным, как будто он что-то вспоминал. Пробормотав извинения, Г. М. достал из внутреннего кармана конверт и начал что-то писать на нем огрызком карандаша.

Его голос звучал глухо. Словно он пробовал слова на вкус.

— Ротбери, Роуфант. — Г. М. склонил голову набок, изучая написанное. — Хм... Роксборо? Ройстон, Раджли? Отравитель Палмер жил в Раджли. Угу...

Мы уставились на него.

Молли была слишком вежлива, а я — слишком удивлен, чтобы комментировать. Г. М. вернул конверт в карман и фыркнул.

— Меня беспокоило следующее, — продолжал он, нахмурившись. — Убийца — кто бы он ни был и как бы он это ни проделал — совершил практически идеальное преступление. Во-первых, пять шансов против одного были за то, что тела унесет в море и их никогда не найдут. Во-вторых, даже если бы их нашли, это мало что изменило бы, пока кто-нибудь не наткнулся бы на орудие преступления.

Тогда почему же он совершил такую глупость, выбросив пистолет 32-го калибра на шоссе? Я едва не прожег себе мозги, но, с какой бы стороны на это ни смотреть, все выглядело нелепо. Единственно разумным объяснением казалось то, что убийца не собирался выбрасывать оружие и сделал это нечаянно — иными словами, потерял его.

Во вторник утром Крафт и я пришли повидать Белл Салливан в дом доктора Люка, где бедняжка провела первую ночь. Мы хотели расспросить ее о фотографиях Барри Салливана, но мимоходом узнали кое-что, отчего у меня встали дыбом отсутствующие волосы. У Тома Кроксли была дыра в подкладке кармана пиджака, и девушка хотела ее зашить.

Молли так резко выпрямилась у меня на коленях, что едва не обожгла щеку о чашечку моей трубки.

— Случай упоминается в рукописи, — продолжал Г. М. — Старик честно и простодушно отметил эпизод, рассказывая, как Том и Белл разговаривали накануне вечером. Что и стало очередным доказательством в пользу того, что именно этот

несчастный, обезумевший от любви парень совершил оба убийства и плакал, как ребенок, возле машины жертвы. Немного позже появилась деталь, которая забила последний гвоздь.

Вся моя версия основывалась на предположении, что Рита и Барри собирались бежать в Америку, прихватив с собой бриллианты, подаренные Алеком Уэйнрайтом. Но когда мы поднялись в спальню и открыли шкапулку из слоновой кости, бриллианты оказались на месте. Признаюсь, в тот момент я решил, что старика положили на обе лопатки.

— Я все еще не понимаю насчет этих бриллиантов, — сказал ваш корреспондент. — Именно они все решили на дознании. Здешние жители до сих пор уверены, что произошло самоубийство по сговору. Если бриллианты были на месте...

— Сынок! — прервал Г. М. — Неужели вы не понимаете, что бриллианты оказались в шкапулке, потому что кто-то вернул их туда? Интересно, говорил ли что-нибудь об этом сам Алек Уэйнрайт?

Молли уставилась в пол.

— Профессор Уэйнрайт уехал отсюда. Он вообще ни о чем не говорил. Доктор Люк был его единственным другом. Думаю, он пережил трагедию, но не может пережить войну.

— В тот трижды проклятый субботний вечер, сразу после того, как доктор Люк обнаружил следы, Алек поспешил наверх проверить, на месте ли одежда и бриллианты Риты. — Г. М. наморщил лоб. — Он нашел одежду, но не нашел бриллианты, когда открыл шкапулку, поэтому спустился с ключом от нее. Далее последовали любопытные и весьма многозначительные перемещения этого ключа.

Когда Уэйнрайт потерял сознание, доктор Люк рассеянно спрятал ключ к себе в карман и ушел с ним. Вы помните, что он сделал с ключом, вернувшись на следующее утро. Он отдал его...

— Тому, — прервала Молли. — Доктор Люк говорил мне об этом.

— Совершенно верно. И попросил Тома вернуть ключ Алеку. Что Том и сделал, поскольку мы нашли ключ у Алека в руке. Но это еще не самое странное.

Какова была ситуация в «Мон Репо»? Две сиделки, дневная и ночная, постоянно находились рядом с Алеком Уэйнрайтом, начиная с ночи с субботы на воскресенье. Том Кроксли не забирал ключ назад до воскресного утра, когда сиделки были на дежурстве.

Если убийца вернул бриллианты в шкатулку, это произошло между утром воскресенья и второй половиной дня вторника. Кто мог это сделать? Здесь мы снова сталкиваемся со сперва озадачивавшим, а впоследствии проясняющим фактом в показаниях сиделок. Они утверждают, что абсолютно никто не входил в комнату больного ни днем ни ночью. Кому, как не нам с Крафтом, этого не знать? Они не впускали даже полицию.

Но когда сиделки говорят «никто», они не имеют в виду лечащего врача. Ибо, насколько мы знаем от доктора Люка, Том Кроксли навещал Алека дважды в день. Если там не было никого, кроме доктора, значит, доктор вернул бриллианты.

Сделать это не составляло труда. При каких условиях сиделка может оставить пациента в подобном состоянии? Только когда врач пошлет ее за чем-нибудь, оставшись дежурить у постели.

Том Кроксли знал, что Алек Уэйнрайт почти разорен. Почему? Потому что доктор Люк рассказал ему об этом после своей беседы с Алеком в субботу утром, когда они договорились о вечернем визите.

Тому нравился Алек. К тому же его мучила совесть. Он был не бессердечным чудовищем, а всего лишь молодым человеком тридцати пяти лет с горячим нравом, который спянул на почве любви к Рите Уэйнрайт. Ему, как и его отцу, было наплевать на деньги — суперинтендент Крафт может это подтвердить. Он не видел никакой пользы в бриллиантах стоимостью пять или шесть тысяч фунтов, которые он прихватил в багаже Риты и Салливана, когда убил их в Пиратском Логове.

И бриллианты было незачем выбрасывать в море с остальным багажом, когда Алек так нуждался в них. Поэтому Том вернул драгоценности. Думаю, Рита забрала их без футляров из синего бархата. Тому оставалось только принести их в кар-

мане, открыть шкатулку ключом и положить бриллианты в футляры. Финиш.

Теперь вы понимаете, почему я сказал, что виновным мог быть только Том Кроксли. Потому что он один мог вернуть бриллианты. Есть возражения?

Возражений не было.

Молли снова встала, подошла к другой стороне камина и села, скрестив ноги. Огонь разгорелся сильнее, заставляя Молли прикрывать глаза ладонью и освещая каждый угол старой студии.

— Сент-Айвз, — рассеянно забормотал Г. М. — Скарборо. Сканторп. Седжмур. Саутенд. Саттон-Колдфилд — там утонула девица Эшфорд...

Я решил выразить протест против этой чепухи, что бы она ни означала.

— Слушайте, маэстро... — начал я.

Но Г. М. не дал мне продолжить:

— Теперь вы можете сами добавить недостающие детали. Таинственным любовником Риты, с которым она встречалась в студии на дороге к Бейкерс-Бриджу, был Том Кроксли.

Он был тем, кого вы... — Г. М. посмотрел на Молли, — едва не увидели в тот апрельский день, когда Рита умчалась из студии в своей машине. Как вы описали ее после этого инцидента? — Он подобрал рукопись и перелистал ее. — Угу. «Рита выглядела... ну, измятой, всклокоченной, и на лице у нее было страдальческое выражение, как будто свидание не доставило ей никакого удовольствия». Конечно, не доставило. Том не был красавцем — Белл Салливан называла его безобразным сукиным сыном, — но, думаю, удовлетворял ее, пока не наступило время великой страсти в лице Барри Салливана.

Тогда Рита начала ощущать себя мученицей, а Том мог лишь беспомощно наблюдать, как она все сильнее влюбляется в Салливана. Кульминация наступила в конце мая, когда Рита пришла к Тому и отдала себя на его милость, попросив рекомендацию для оформления паспорта, чтобы уехать с Салливаном в Америку.

Это оказалось последней каплей. Тому не составило труда вытянуть из нее всю историю. Обвести вокруг пальца такое легкомысленное романтическое создание, как Рита

Уэйнрайт, ничего не стоило. Если Том сказал ей нечто вроде: «Ладно, девочка, я передаю тебя лучшему мужчине, и благословит тебя Бог», то именно это Рита и ожидала от него услышать.

Молли кивнула, поджав губы.

— Так всегда с ней обращался ее муж, — продолжал Г. М. — Должно быть, она со слезами благодарности целомудренно поцеловала Тома, восхищаясь его благородством. Но Том не был благороден — он был всего лишь человеком, обезумевшим от любви.

Том Кроксли выпытал все об их плане с газонокосилкой и о том, где и когда они собирались его осуществить. Почему бы и нет? Ведь он проявил себя самоотверженным другом. И никому не показалось бы подозрительным, если бы доктор Том отсутствовал дома ночью, — с сельскими врачами такое бывает постоянно.

В ночь с субботы на воскресенье — мы точно не знаем, когда именно, но, должно быть, незадолго до часу — Том поехал к дороге на Бейкерс-Бридж, там припарковал свою машину. Потом он направился к туннелю в Пиратское Логово и спустился по нему, держа за спиной украденный пистолет.

Том застал Риту и Салливана, когда они только что переоделись после плавания. У них не было оснований подозревать дурное — они готовились к новой жизни и решили, что он пришел проститься. На руке у него была перчатка, защищающая от «обратной вспышки». Может быть, он был слегка бледен, но при пламени свечи они этого не заметили. Подойдя к Рите, Том выстрелил ей в сердце. Салливан, которого, вероятно, парализовал ужас, получил пулю с такого же близкого расстояния.

Г. М. сделал паузу.

Мысленно я слышал эхо выстрелов.

— Том сбросил тела в море, а потом и чемоданы со всем содержимым, кроме бриллиантов и паспортов. Одежда без меток не имела значения, но паспорта были слишком опасны, и он забрал их с собой. Но Том забыл о купальных костюмах, которые они спрятали в расщелине, и не смог найти одну из стреляных гильз. Положив пистолет в карман, он вернулся к своей машине.

— Но почему он забрал пистолет, а не выбросил его в море? — спросил я.

Г. М. посмотрел на меня поверх очков:

— Сынок, если бы тела обнаружили, все должны были предполагать, будто они застрелились на краю Прыжка Влюбленных. Верно?

— Да.

— Но стальной пистолет имеет скверную привычку не держаться на воде. Если бы он выбросил его, то возле Прыжка Влюбленных, а не в полумиле оттуда. Это закончилось для него катастрофой. Той же ночью, вероятно, когда он сидел в машину, пистолет выскользнул у него из кармана. Но Том был настолько потрясен, что этого и не заметил.

Г. М. вынул сигару и стал вертеть ее в пальцах.

— Далее требовалось избавиться от автомобиля Салливана. Том не осмелился на рискованную операцию в ту же ночь, так как вскоре дороги должны были кишеть копами, и он не мог отсутствовать дома слишком долго.

Том не знал, что Рита и Салливан оставили двери студии открытыми настежь, так что автомобиль мог увидеть любой. На следующий день Белл Салливан проезжала мимо, увидела машину мужа и задержалась в студии. Когда Том ночью отправился забирать машину, он к тому времени был так преисполнен раскаяния, что почти лишился рассудка.

Несомненно, он уже оставил свой автомобиль возле полосы зыбучего песка, которой намеревался воспользоваться, и пошел пешком за другим. Должно быть, Том окаменел при виде девушки, вопящей из-под верха складного сиденья.

Мы все гадали, кто знал об Эксмуре достаточно, чтобы там избавиться от машины. Крафт ставил на доктора Люка, а доктор Люк — на вас, молодой человек. Казалось, никому не приходило в голову, что если отец в процессе работы близко познакомился с Эксмуrom, то это должен был сделать и сын.

Ну, Белл Салливан выпрыгнула из машины и упала в обморок. Том не знал, что делать. Совесть терзала его, как белая горячка. Он не собирался нарываться на новые неприятности. Все было проделано в темноте, и Белл не узнала бы его, если бы увидела снова.

Но как поступить с ней? Том не мог заявить, что нашел ее, не объяснив, как он сам оказался в опасном месте, не вызвав подозрений. Поэтому он запихнул девушку в свою машину, отвез ее назад в студию и отнес в комнату наверху — у него был ключ, оставшийся от прошлых свиданий, — где она, по крайней мере, могла прилечь. Том запер ее там, рассчитывая, что ей хватит ума вытолкнуть ключ из скважины и втащить его через щель под дверью, когда она очнется.

Но девушка тоже потеряла голову.

Должно быть, Том испытал очередное потрясение, когда на следующий день она появилась в качестве гостьи в его собственном доме.

Доктор Люк дал любопытный отчет об этом. «Тому очень понравилась девушка. Он стал еще более дидактичным и невыносимым, чем обычно». Дидактичным? Невыносимым? Он был смертельно напуган! У парня, который мог описать вам все детали вскрытия, поедая хлеб с маслом, пересохло в горле, когда Белл начала говорить о повреждениях на теле Риты Уэйнрайт.

Теперь Тому оставалось только нанести еще один визит в Пиратское Логово и посмотреть, что произошло с исчезнувшей гильзой. К тому времени фаза угрызений совести миновала, и он боялся за собственную шкуру.

Во-первых, тела были обнаружены. Во-вторых, нашли пистолет. В-третьих, копы подозревали фокус-покус. Если в пещере остались улики, их нужно было срочно изъять.

Том не мог отправиться туда в ночь с понедельника на вторник. Почему? Потому что у них была гостья — Белл Салливан, — хлопоты по поводу которой задержали их допоздна. Даже когда ее уложили в постель, дав снотворное, старик нервничал и не спал большую часть ночи. Том не мог уйти и отложил это на ночь со вторника на среду — ночь перед дознанием.

Где Том взял другой пистолет, я не могу вам сказать. Догадываюсь, что у него на выбор было несколько, потому что, как говорил отец Молли, они теперь стали такими же распространенными, как крыжовник. Когда Том той ночью отправился в Пиратское Логово, у него было красно в глазах и он не собирался шутить.

Молли натянула юбку на колени и протестующе воскликнула:

— Не может быть, чтобы Том Кроксли хотел застрелить собственного отца!

— Хо-хо! — усмехнулся Г. М. с весельем, от которого в испуге шарахнулись бы дети. — Но он понятия не имел, что это его отец.

Если отец не понимал сына, то и сын не понимал отца. Говорят, такое случается в лучших семьях. Для доктора Тома доктор Люк был старой развалиной, годной лишь на то, чтобы лежать на солнце и получать указания, когда не следует есть овсянку. Из всех людей Том меньше всего рассчитывал наткнуться в час ночи в пещере на своего старика.

То, что он увидел на расстоянии при тусклом свете свечи, была наклонившаяся спина человека, держащего в каждой руке по купальному костюму. Том догадался, что в пещере кто-то есть, так как увидел припаркованную на дороге машину, хотя и не подошел к ней так близко, чтобы разглядеть номер.

Окончательно потеряв голову, Том пару раз выстрелил наугад, ни в кого не попав. Но человек упал, и Том увидел его лицо.

Теперь, — с достоинством произнес Г. М., — вернемся ко мне.

Уже некоторое время он вертел в пальцах сигару и наконец соизволил вставить ее в рот, давая понять, что сигару следует зажечь. Я достал из очага горящую ветку и вежливо протянул ее в направлении его лица.

По-видимому, это было неразумно, так как вызвало свирепые вопросы, не воображаю ли я себя укротителем львов и не входит ли в мои привычки включать кухонную плиту с помощью зажигательных бомб. Молли с трудом удалось его успокоить.

— Когда мы во вторник обнаружили бриллианты в шкапулке, — снова заговорил Г. М., — это все решило. Не осталось сомнений, что убийца — Том Кроксли.

До того я не был уверен полностью. И я все еще не понимал, как Рита и Салливан проделали трюк с левитацией. Но когда мы вечером пришли заплатить авансом штраф за Уил-

ли Джонсона — в конце концов, можно ли порицать беднягу, если мой величавый облик заставил его принять меня за Нерона? — я услышал о газонокосилке. Это явилось последним штрихом.

Признаюсь, сынок, я был испуган. Проклятая извращенность всего в целом снова обрушилась на мои плечи. Передо мной был отец — самый честный и порядочный старик, какого я когда-либо встречал, — который твердо намеревался разгадать эту задачу. Но, сделав это, он узнал бы, что убийца — его собственный сын, которым он так гордился, что казалось, при упоминании о Томе у него вот-вот оторвутся все пуговицы на груди.

Не хочу, чтобы вы думали, будто я действовал, руководствуясь личными симпатиями. У меня их нет. — Г. М. склонился вперед и посмотрел в глаза нам обоим. — Но мне казалось неплохой идеей подкупить экипаж траулера, чтобы они забрали эту чертову косилку с подножия утеса и помалкивали об этом. Боюсь, мне придется весь остаток жизни платить шантажистам.

Я надеялся, что доктор не сможет разобраться во всей механике происшедшего. Но он смог. Я понял это, когда он позвонил мне среди ночи.

Хуже всего было то, что вы двое тискалились в автомобиле до трех часов...

Молли улыбнулась.

— Маэстро, — сказал я, — многие месяцы я пытался уговорить эту девушку послать к черту ее папашу и ее принципы и связать жизнь с богемным типом вроде меня, который никогда не ложится спать раньше полуночи. И знаете, что в итоге помогло проделать этот трюк? Белл Салливан и ее философия. Впервые Молли посмотрела на свой дом и сказала: какого черта? Я слышал, Белл завела себе бойфренда, и желаю ей удачи. Она очень мне помогла.

— Чепуха, — заявила Молли. — Я спросила у доктора Люка, могу ли я так поступить, и он ответил, что да. Отец был ужасно расстроен. Так что если бы не бедный старый доктор Люк...

— Это была трагедия, — вздохнул Г. М. — Но все могло обернуться куда хуже, если бы Том Кроксли, стреляя наугад в пещере, попал в своего отца.

Вы оставили меня на мели, черт бы вас побрал. Я не мог помешать доктору, когда он начал расследование. Естественно, я догадывался, куда он отправился. Как я говорил вам, Крафту и доктору, вы не переставая болтали о пещерах с тех пор, как я появился здесь. Пиратское Логово казалось самым вероятным местом.

Моя коляска вышла из строя с тех пор, как вы пытались оттащить меня с утеса и повредили мотор. Поэтому я пошел пешком, несмотря на больной палец. Когда я добрался туда...

Вы понимаете, что произошло, не так ли? Том ускользнул из дому раньше отца. Кроксли Старший, спеша, как маньяк, успеть к Пиратскому Логову, пока не начало действовать снотворное, промчался мимо машины сына, не узнав его. Впрочем, и Том не заметил старика.

Когда Том выстрелил, доктор Люк упал, но смог включить фонарь, чей луч скользнул вокруг, осветив его лицо, прежде чем он потерял сознание.

Когда я значительно позже добрался туда, то обнаружил Тома сидящим у входа в туннель, закрыв лицо руками. Он думал, что убил отца!

Г. М. несколько раз затянулся сигарой и откашлялся.

— Я отправился в пещеру вместе с ним. На докторе Люке не было ни царапины — просто он был напичкан секоналом. Том и я почти не разговаривали. Я не сказал ему, что все знаю, но он и так это понимал. Я велел Тому помочь мне отнести доктора Люка к его машине, а потом незаметно вернуться домой и никому не рассказывать, что он выходил из дому этой ночью.

— Однако Том не забыл избавиться от стреляной гильзы и двух купальных костюмов, — заметила Молли.

— Это я от них избавился, — признался Г. М. — Купальники я бросил в море — девонские моральные устои испытывают потрясение, если их вынесет на берег, — а гильзу нашел в жилетном кармане доктора и сохранил у себя.

Я привез доктора Люка домой, а остальное вы знаете. Он не смог толком разглядеть фигуру с пистолетом и, слава богу, не смог доказать впоследствии, что эти двое были убиты.

Последовало неловкое молчание. Мы все думали об одном и том же, не осмеливаясь касаться этой темы.

— Конечно, вы слышали... — начала Молли.
— О смерти доктора Люка в Бристоле, — закончил я.
— Угу. — Г. М. уставился в пол. — Мне очень жаль.
— Он приехал туда только на день повидать друга, — продолжала Молли. — Он не был обязан там оставаться...

Я не мог смотреть ни на кого из них.

— Том пошел в армию через неделю после смерти отца, — заговорил я. — Конечно, мы не догадывались... Сейчас он в Ливии.

Г. М. покачал головой:

— Нет, сынок. Я прочитал сообщение в «Газетт», поэтому приехал сюда. Томас Л. Кроксли посмертно награжден крестом Виктории — высшей наградой за доблесть. — После паузы он добавил: — Эта семья сделана из хорошего теста, даже если один из них был убийцей.

Снова последовало долгое молчание.

— Пол идет в армию через месяц, — сказала наконец Молли.

— Вот как? В какие войска?

— В полевую артиллерию. А Молли тоже где-нибудь пригодится с ее умением печатать на машинке.

— Мы все пригодимся, — добавила Молли, — хотя, может быть, не знаем как и где. А вы чем будете заниматься?

Г. М. бросил сигару в камин, сложил руки на животе и опустил уголки рта.

— Я? — мрачно переспросил он. — Всего лишь отправлюсь в палату лордов. — И он снова начал перечислять названия: — Тонтон, Тиклбери, Твид, Тэттерсолл, Троттлботтом, Твист...

— В таком случае поздравляю вас, маэстро!

— Поздравляете? — рявкнул Г. М. — Эти вонючки годами пытались изъять меня из обращения, и наконец им это удалось. Они запихнут меня в палату лордов в следующем же списке новых пэров.

— Но, — спросил я, — чего ради вы половину вечера перечисляли географические названия, как проводник в поезде?

— Я думал о титуле, — ворчливо объяснил Г. М. — Я должен сообщить им, каким титулом хочу именоваться, чтобы они могли выписать патент. Вам нравится какой-нибудь из них?

— Лорд Тиклбери, — задумчиво промолвила Молли. — Хотя, пожалуй, нет.

— Мне тоже не нравится, — отозвался Г. М. — Я просто пытаюсь придумать титул, от которого меня не будет бросать в дрожь. Дайте мне свечу — я пойду спать.

Я зажег свечу менее колоритно, чем горячей веткой, и протянул ему. Свет упал старому маэстро на лицо, которое выражало непонятные нам эмоции.

— Но подождите! — внезапно заявил он. — Я еще собираюсь принести некоторую пользу этой чертовой стране! Подождите, и сами увидите!

С подозрением взглянув на нас, Г. М. отодвинул свечу от лица. Мы слышали, как он, продолжая бормотать названия, ковыляет по коридору к своей комнате.

СОДЕРЖАНИЕ

ОНА УМЕРЛА КАК ЛЕДИ. Роман	
<i>Перевод с английского В.В. Тирдатова</i>	7
ЗА КРАСИМЫМИ СТАВНЯМИ. Роман	
<i>Перевод с английского В.В. Тирдатова</i>	185

Литературно-художественное издание

Карр Джон Диксон

ОНА УМЕРЛА КАК ЛЕДИ

Романы

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

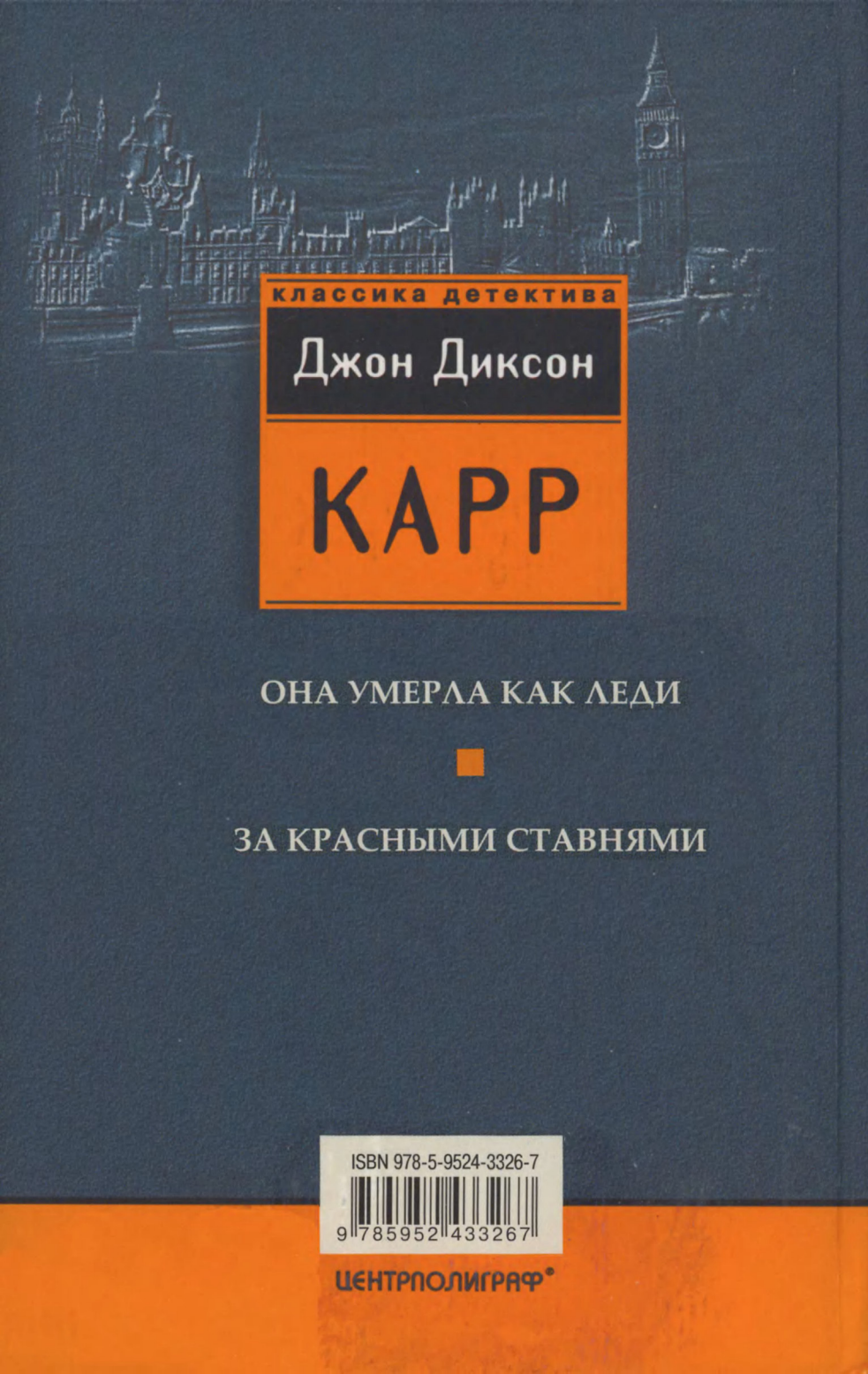
Корректор *М.Г. Смирнова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.11.2007.
Формат 84×108¹/₁₆. Бумага типографская. Гарнитура «Петербург».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52. Уч.-изд. л. 24,02.
Тираж 5 000 экз. Заказ № 7312

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

классика детектива

Джон Диксон

КАРР

ОНА УМЕРЛА КАК ЛЕДИ

ЗА КРАСНЫМИ СТАВНЯМИ

ISBN 978-5-9524-3326-7

9 785952 433267

ЦЕНТРОЛИГРАФ®